ИСТОРИКО-МЕМОРИАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ

Н.А. ЛАКОБА

НЕСТОР

Альманах

№ 7

Сухум, 2026

УДК 93/94(050)

ББК 63.3(5Абх)6я54

Н 56

Альманах «Нестор» основан в 2022 г. С.З. Лакоба

Редактор: А.Я. Дбар
Редакционная коллегия: Н.Д. Ашуба, Е.Г. Гегия, А.Р. Латария, Д.Г. Тарба

НЕСТОР. Альманах. № 7. Сухум, 2026. – 158 с.

Г/р 978-5-111-10022

«Нестор» – альманах Историко-мемориального музея Н.А. Лакоба, в котором публикуются историко-публицистические материалы по абхазской тематике, в основном, 20–30-х гг. XX века.

© Историко-мемориальный музей Н.А. Лакоба, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

В.З. Чамагуа. О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ НАЧАЛЬНОГО ПЕРИОДА ГРУЗИНО-АБХАЗСКОЙ ВОЙНЫ (1992–1993 гг.).....6

А.Я. Дбар. ИЗ ИСТОРИИ ПЕЧАТИ АБХАЗИИ: ЖУРНАЛ «СТРАНА ДУШИ» (1925) 20

Ф.Н. Кондратьева. ОЧАМЧЫРА. СТАНОВЛЕНИЕ ГОРОДА В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТИЗАЦИИ АБХАЗИИ (1920-е – 1940-е гг.) (К 100-летию официального статуса города (1926–2026)) 30

ПРОБА ПЕРА

Самуэль Давидян, Варлам Кетия. АБХАЗСКАЯ ФИЛАТЕЛИЯ..54

ИЗ АРХИВА ИСТОРИКО-МЕМОРИАЛЬНОГО МУЗЕЯ Н.А. ЛАКОБА

ПИСЬМО АКАД. Н.Я. МАРРА НЕСТОРУ ЛАКОБА 57

ВОСПОМИНАНИЯ

Сергей Микадзе. ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ 61

Марина Коджабашян. ВОСПОМИНАНИЯ 62

Александр Рубакин. НАД РЕКОЮ ВРЕМЕНИ (Фрагмент из воспоминаний).....67

Ольга Ваксель. [ВОСПОМИНАНИЯ] (Фрагмент) 73

ДНЕВНИКИ, ПИСЬМА

О ПРЕБЫВАНИИ В СУХУМЕ В 1920 г. ПИСАТЕЛЯ И. ЭРЕНБУРГА 75

АВИАТОР ЧУХНОВСКИЙ И ПОЭТ МАНДЕЛЬШТАМ 75

Валерия Векилова. [ИЗ ПИСЕМ И ДНЕВНИКОВ].....77

Моисей Альтман. [ИЗ ДНЕВНИКА] 84

Сергей Дмитриев. [ИЗ ДНЕВНИКОВ] 85

Исаак Минц. [ИЗ ДНЕВНИКА] 88

Олег Амитров. [ИЗ ДНЕВНИКА] 89

ПО СТРАНИЦАМ КНИГ

Александр Дюма. КАВКАЗ (фрагмент книги) 94

П.А. Грудачев. БАГРЯНЫМ ПУТЕМ ГРАЖДАНСКОЙ
(Фрагмент воспоминаний) 98
Ф.Т. Фомин. ЗАПИСКИ СТАРОГО ЧЕКИСТА
(Фрагмент книги) 104

ПО СТРАНИЦАМ ГАЗЕТ И ЖУРНАЛОВ

Мар. Тарнава. СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ В 1918 ГОДУ
(Из воспоминаний).....108

С. Ашванба. ГАЛИ, 1 МАЯ 1921 ГОДА 111

Т. Скаловская. ГЛУБОКИЙ СЛЕД
(В память об учителе и друге В.И. Стражеве) 112

В.П. Пачулиа. ПОЭТ-ПРЕЗИДЕНТ АКАДЕМИИ 117

Б.Е. Сагария. ПЕРВЫЙ СЪЕЗД
(Из истории создания Союза писателей Абхазии) 120

ЛИЦА

В.П. Пачулиа. ВИДНЫЙ ЖУРНАЛИСТ И КРАЕВЕД
(К 100-летию со дня рождения К.Д. Кудрявцева) 125

И. Тания. РЕВОЛЮЦИОНЕР-БОЛЬШЕВИК (К 80-летию со дня
рождения Н.Г. Борисенко) 127

РЕЦЕНЗИИ

В.М. Муханов. ВОСПОМИНАНИЯ «ВРАГА ГРУЗИИ» 129

Е.Г. Гегия. О ЧЕМ РАССКАЗЫВАЕТ «МОЛЧАЛИВОЕ ПОКОЛЕНИЕ»?.....134

БИБЛИОГРАФИЯ

КАТАЛОГ КНИГ, ИЗДАННЫХ НОВО-АФОНСКИМ СИМОНО-КАНАНИТСКИМ МОНАСТЫРЕМ 138

ФОТОАРХИВ 147

ХРОНИКА 148

В.З. Чамагуа

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ НАЧАЛЬНОГО ПЕРИОДА ГРУЗИНО-АБХАЗСКОЙ ВОЙНЫ (1992–1993 гг.)

Сразу отметим, что короткое и нелегкое время (1991 и первая половина 1992 года), являвшееся преддверием вероломной грузинской агрессии, было наполнено борьбой за отвоевание права абхазов не только от диктата в экономике и политике, но и что не менее важно, в информационной, культурной и духовной области. Усилиями нового руководителя Абхазии В. Ардзинба положение в этих важнейших сферах стало кардинально меняться. Все вопросы, касавшиеся непосредственно Абхазии проводились в жизнь самостоятельно, без традиционной оглядки на правящие круги Грузии. Это было крамольным явлением для Тбилиси, привыкшего за долгие годы к безропотному подчинению партийного и советского руководства автономии.

По всему благоприятные времена по «сдерживанию абхазов» наступили тогда, когда, после путча в Тбилиси, был изгнан законный президент З. Гамсахурдиа и вскоре в Грузии объявился Э. Шеварднадзе. В отличие от бывшего президента-диссидента у коварного партийного функционера Шеварднадзе было значительно больше союзников и в Москве, и на Западе. Вскоре в грузинских верхах постепенно восстанавливается консенсус, особенно с учетом перспективы утери власти метрополии над автономией, чему способствовали, как полагала грузинская элита, преобразования в Абхазии. Грузинский лидер, безусловно, задумывался над тем, как остановить эти процессы суверенизации абхазского общества. О том же напоминает и Владислав, отмечая, что «с приходом к власти в Грузии Э. Шеварднадзе… мы острей почувствовали, что новая власть испытывает большое желание направить на нас грузин-

ское население Абхазии, объединив его образом врага в лице абхазов. В делах подобного рода ему нет равных»[1].

Трезво оценивая ситуацию, Владислав предвидел возможность вторжения грузинских войск на территорию Абхазии. И он делал все возможное, да и невозможное в тех условиях, чтобы, с одной стороны, избежать войны, с другой – подготовиться к варианту столкновения с метрополией. Известно, что тогда особыми решениями Верховного Совета под юрисдикцию Абхазии были введены все силовые структуры. Еще раз подчеркну, что проблема безопасности абхазов и других национальных общин в то тревожное время для Владислава Григорьевича всегда была на первом плане. Этим объяснялись его тесные контакты, малоизвестные по сию пору, с ответственными руководителями Российской Федерации: силовыми министрами, секретарем Совета Безопасности, руководствами Генерального штаба Вооруженных Сил и Верховного Совета РФ. За небольшой промежуток времени перед войной абхазский лидер несколько раз встречался с президентом России Б.Н. Ельциным, обещавшим, и не раз, всяческую поддержку Абхазии, в том числе и военную.

Так, в своей книге «Моя жизнь…» В. Ардзинба утверждал: «…В самом начале марта 1991 года у меня состоялась встреча с Б.Н. Ельциным на даче «Бочаров ручей», где он в то время отдыхал. Я, прежде всего, добивался гарантий со стороны России на случай начала военных действий Грузии против Абхазии. Борис Николаевич тогда обещал мне, что по реке Ингур будут выставлены войска, с тем, чтобы не допустить обострения ситуации…»[2].

Кстати, в том же марте состоялась приватная встреча с Российским президентом в Мюссере (Мысра), куда Б.Н. Ельцин

[1] Ардзинба В.Г. Моя жизнь. Воспоминания. Сухум, 2018. С. 169.

[2] Там же. С. 156–157..

с женой прибыл на катере по приглашению Владислава Григорьевича. В средствах информации об этом факте не сообщалось. О том автору этих строк рассказал в свое время старший офицер личной охраны главы Абхазии В. Жулев.

Еще одна попытка привлечь внимание Российского лидера к возможной агрессии Грузии была сделана во время июльской (1992) встречи в Сочи. Тогда же Владислав Григорьевич напомнил Б. Ельцину об обещании, данном им в марте защитить Абхазию силами российских военных. Надо полагать, что было получено подтверждение гарантии обещанной безопасности, иначе не состоялась бы поездка большой абхазской делегации во главе с Владиславом в Турцию, за три недели до войны.

Вспоминая о визите в Турцию и встречах с диаспорой, В. Ардзинба отмечал, что «поездка имела колоссальное значение и для нас, и для них: мы им вернули Родину, а они ей свою любовь и готовность бороться за нее»[1].

Скоро и нежданно наступило это самое время трагической борьбы за родину абхазов: Грузия вероломно вторглась в пределы страны 14 августа 1992 года. Безусловно, надежды и планы агрессоров строились на блицкриге. Неделя-другая, уверенно полагали лидеры Грузии, упоенные поддержкой глав ведущих стран Европы, Америки и России, и дело будет в шляпе: Ардзинба побежит в Москву, а обезглавленные абхазы сдадутся на милость победителя. Так вот просто. А как иначе, коли план захвата Абхазии под кодовым наименованием «Меч» для Шеварднадзе услужливо составлялся, после известной встречи руководства Грузии и России в Дагомысе в июне 1992 года, в недрах Закавказского Военного округа (ЗакВО).

Помощь в планировании войны дополнялась военной поддержкой. Накануне агрессии Грузия получила со складов того же ЗакВО колоссальные объемы вооружений, например,

[1] Там же. С. 179.

по подсчетам экспертов Центра кавказских исследований РФ выделила Грузинской республике около 240 танков, сотни бронетранспортеров, около 25 тысяч автоматов и пулеметов, десятки стволов орудий и ракетно-артиллерийских систем, в том числе «Град» и «Ураган». Об этом сообщалось на страницах газеты «Российские вести»[1].

План захвата мирной страны состоял в следующем: грузинские войска, следуя ночью по железной дороге, должны были высадиться и взять под контроль все узловые пункты и стратегические объекты Абхазии… Тому, однако, помешал взрыв железнодорожного моста на станции Ингири, близ Зугдиди…

По словам некоторых исследователей обрушение моста осуществлено обиженными-де на Шеварднадзе звиадистами. Это обстоятельство несколько сомнительно. На мой взгляд, не исключено, что этот акт – свидетельство существовавших в то время разногласий между российскими военными и политической элитой. Вероятность такой ситуации мною изложена в книге «Эпоха Владислава. Хроники». Как бы то ни было, план ночной операции был сорван, и грузинские части «спешившись», своим ходом, добирались до городов и районов Абхазии. Это, разумеется, растягивало время нападения и смягчало эффект неожиданности, давая абхазам, хоть небольшой, но шанс, собраться и подготовиться к встрече с «черными гостями».

Тем не менее, грузинские войска, не ощущая особого сопротивления, своим ходом к полудню 14 августа вышли к Сухуму. По пути, разумеется, происходили стычки с разрозненными абхазскими формированиями, не обладавшими ни информацией о грузинском вторжении, ни соответствующими приказами о вступлении в бой с наступающими грузинскими частями. Более того, сам глава Верховного Совета Абхазии

[1] Газ. «Российские вести», 20 марта 1993 г.

был проинформирован о начале агрессии тогда, когда грузинские части захватили три района – Галский, Очамчирский, Гулрипшский и были на подступах к Сухуму. В. Ардзинба отмечал по этому поводу следующее: «О вторжении грузинских войск я узнал около 10 часов утра от главы Администрации Очамчирского района И. Гургулиа..., который сообщил, что танки уже проехали Очамчиру. Я сразу отдал приказ Гиви Камуговичу Агрба (зам. командира отдельного полка внутренних войск – В. Ч.) организовать оборону на р. Келасур, однако удалось это сделать на Красном мосту, т.к. грузинские танки уже находились в городе»[1].

Так просто Владислав Григорьевич писал в своих воспоминаниях о том, как он принимал судьбоносные решения: дать бой врагу, оказать возможное сопротивление, чтобы на первых порах, преодолев фактор неожиданной агрессии, подготовиться к решительному отпору. Но, как свидетель начала той военной поры заверяю, что все было не столь однозначно. Разве, к примеру, не является доказательством неблагополучной ситуации в абхазских верхах, коли сведения о продвижении грузинских войск глава Абхазии получил не от спецслужб: Службы безопасности, МВД, военной разведки, а от главы районной Администрации, вскоре арестованного оккупантами.

Уже после войны, вспоминая о первых часах агрессии, я писал следующее: 14 августа, где-то в половине 12, вблизи здания Верховного Совета начали разрываться снаряды. В кабинете В. Ардзинба, расположенном на третьем этаже, также отчетливо слышны были не только разрывы пушечных выстрелов, но и продолжительные пулеметные и автоматные очереди...

...В это самое время, явно о чем-то размышляя, В. Ардзинба, в присутствии троих гражданских лиц, машинально подписывал какие-то бумаги. Эти трое – депутаты Владимир Ашха-

[1] Ардзинба В.Г. Указ. соч. С. 187.

цава, Станислав Лакоба и автор этих строк – некоторое время удивленно наблюдали за ним. Мне, например, тогда казалось, что Владислав Григорьевич, неимоверным усилием воли сосредоточившись, взвешивал на неких, только его уму подвластных весах, возможный выход из создавшейся ситуации. И при этом, четко представляя соотношение сил и возможностей 4-миллионного противника и своего стотысячного народа, мучительно раздумывал: каков выход? … И, собрав волю в кулак, В. Ардзинба тотчас, в те самые минуты, принял единственно правильное решение. Оно было объявлено в тот же день. Рубикон был пройден: он призвал свой народ к сопротивлению[1].

Владислав Григорьевич, выступая по телевидению, твердо и уверенно чеканил слова: «Уважаемые граждане Абхазии! Я обращаюсь к вам в этот трудный час. На нашу землю вторглись вооруженные формирования Госсовета Грузии… Я думаю, что мы должны выстоять в этот трудный час, и мы выстоим, мы нанесем поражение тем, кто сеет смерть и разрушения в Абхазии»[2].

Так вот, все это к тому, чтобы задаться вопросом: легко ли далось лидеру небольшого народа принять столь судьбоносное решение, призывая его к оборонительной войне с многомиллионной Грузией? Нелегко, конечно. Он ведь пытался, надеясь на благоразумие грузинского лидера, договориться о мирном разрешении ситуации. О том, к примеру, В. Ардзинба вспоминал в «Воспоминаниях»: «Когда грузинские танки уже находились в Сухуме, я позвонил Э. Шеварднадзе и потребовал объяснений, ссылаясь на его заверения, данные всего день тому назад. Э. Шеварднадзе говорил уверенно, голосом человека, который знает, что дело сделано, и теперь вряд ли следует воз-

[1] Чамагуа В.З. Информационная политика В.Г. Ардзинба и становление абхазской государственности (1989–2005 гг.). Сухум, 2017. С. 145–146.

[2] Те суровые дни. Хроника Отечественной войны народа Абхазии 1992–1993 в документах. Сухум, 2004. С. 5.

вращаться к тому, что было. Он не возражал, он лишь сказал: “Владислав Григорьевич, что случилось, то случилось. Вы соберите парламент, я к вам приеду, мы все там обсудим”. Я понял, что увещевать хищника бессмысленно, и в тот же день в телевизионном обращении призвал многонациональный народ Абхазии встать на защиту Родины»[1].

Теперь немного о том – почему грузинские войска столь быстро продвинулись к Сухуму, минуя три района практически без серьезного сопротивления, и отчего глава Грузии в разговоре с В. Ардзинба 14 августа повел себя так, словно война абхазами окончательно проиграна?

Собственно, ответы на эти вопросы в той или иной мере объективности содержатся в газетных публикациях, в ряде научных и художественных произведениях различных авторов. Однозначно и четко эти причины указаны в «Воспоминаниях» Владислава Григорьевича. И все же считаю необходимым обратить внимание на трагизм ситуации первых дней войны и высказать собственную точку зрения по поводу объективных и субъективных аспектов, способствовавших созданию предельно трагической обстановки, поставившей по существу народ и абхазскую государственность на край гибели.

Важнейшее объективное условие первоначального успеха грузин – это, как уже отмечалось, многократное численное превосходство агрессора, вооруженного современным оружием и техникой. Например, по данным исследователя В. Пачулия, только в день начала войны в Абхазию вторглись до 2 тыс. грузинских гвардейцев, 58 единиц бронетехники, большое количество артиллерии[2].

Также следует отметить, что наземные войска с воздуха прикрывались авиацией – боевыми самолетами и вертолета-

[1] Ардзинба В.Г. Указ. соч. С. 188.

[2] Пачулия В.М. Грузино-абхазская война 1992–1993 гг. (боевые действия). Сухум, 2010. С. 27.

ми, с моря – катерами и баржами, на которых 15 августа был высажен десант, блокировавший абхазо-российскую границу. Эти силы сразу же были поддержаны формированиями грузинской «пятой колонны», насчитывавшими сотни до зубов вооруженных бойцов. О том же вспоминал В. Ардзинба, подчеркивая, что «… еще до создания полка внутренних войск, в городах Сухум, Гагра и Гал были созданы боевые формирования из числа грузин»[1].

В ряду объективных причин также малочисленность абхазов в своей республике, что явилось следствием многолетней демографической экспансии, в результате чего сотни тысяч грузин и мегрелов были переселены в Абхазию. Таким образом, перед войной коренные жители – абхазы составляли в своей стране подавляющее меньшинство – около 18 проц., пришлые грузины – 40 проц. Реалистичный анализ ситуации свидетельствует о том, что абхазы на момент агрессии чувствовали себя более или менее уверенно лишь в Гудоутском и Ткуарчалском регионах, также в предгорных селах Очамчирского района. В остальных районах, особенно в Гагре, Сухуме, в Галском и Гулрипшском районах, сочувствие и поддержка пришлого населения были на стороне агрессора.

Преждевременная уверенность «хищника» – Э. Шеварднадзе в успехе операции по покорению абхазов, отмеченная выше В. Ардзинба, имела основанием безусловную поддержку грузинского вторжения в Абхазию, как руководством России, так и лидерами ведущих стран Запада. По этому поводу Владислав Григорьевич писал: «Я уверен, что он (Шеварднадзе – В. Ч.) получил на это полное согласие. Наверно, с лидерами могущественных государств обсуждался такой вопрос. Допускаю, Шеварднадзе заверил их, и разрешение на это не заставило себя долго ждать. Мы же не наивны: хорошо понимаем

[1] Ардзинба В.Г. Указ. соч. С. 234.

– достаточно было одного звонка, чтобы танки остановились. Судя по всему, такого звонка не было… И я понял, что "старшие братья" демонстрируют: Абхазия наглядный пример того, как будут наказаны другие, если появится у кого-либо мысль отделиться от "извечной" территории»[1].

В том, что грузины всего за полдня дошли до столицы Абхазии, сказались, как выше отмеченные объективные причины, так и, мягко говоря, обстоятельства внутреннего характера, то есть субъективные факторы. Обычно, подчеркивая заслуги первого состава постсоветского парламента автономии, исследователи и публицисты нередко называют его чересчур лестным эпитетом «золотой». Забывая при этом, что там также пребывали из 65 парламентариев 26 грузинских, по сути дела ставших пособниками агрессии. Немало было депутатов, министров и других высоких чиновников, в том числе и абхазов, – представителей бывшей партийно-советской номенклатуры, не одобрявших курса Владислава Григорьевича на суверенное существование Абхазской республики. Это стало большой проблемой для главы Абхазии в то самое трагическое время – начальный период войны.

Впрочем, чтобы не быть голословным, обратимся к «Воспоминаниям» Первого Президента Абхазии, где утверждается следующее: «…Были и в руководстве Абхазии, мягко говоря, сомневающиеся… Видимо, позиция такого рода деятелей была хорошо известна Шеварднадзе. Мысль о том, что можно все изменить, если удастся "освободить" народ от "плохих" руководителей, не покидала Шеварднадзе и тогда, когда война была в самом разгаре. В своем радио интервью из оккупированного Сухума он говорил: "… в той же Гудауте среди руководителей немало таких, кто реально смотрит на ситуацию, реально оценивают положение, и, я думаю, они постепенно

[1] Чамагуа В.З. Эпоха Владислава. Хроники. Сухум, 2013. С. 199.

убеждаются в том, что реакционное крыло завело абхазский народ в тупик…”»[1]

Парадокс заключался еще и в том, что всех высокопоставленных партийных и советских абхазских чиновников советского периода назначал на должности первый секретарь грузинского ЦК партии Эдуард Амвросиевич. Многие из них, даже занимая высокие посты в период правления В. Ардзинба, так и не смогли отринуть т.н. магического влияния Шеварднадзе.

Здесь позволю себе ряд суждений, о которых обычно говорят в кулуарах, но никоим образом на конференциях или за «круглыми столами». О том, например, как бы развивались события, если спецслужбы и соответствующие высокопоставленные лица своевременно информировали лидера Абхазии о «часе икс», намеченном Госсоветом Грузии, то есть о времени ввода войск в республику. После войны Владислав Григорьевич не раз отмечал, что дата начала войны не была секретом для грузинских депутатов абхазского парламента, присовокупляя к тому, что и абхазы-«силовики» также были в курсе того. Сообщал он о том и в своих мемуарах.

К сожалению, Владислав до последнего так и не узнал, как я полагаю, того, что в предвоенное время ряд абхазских высокопоставленных лиц создали т.н. «теневое» правительство. Парадокс еще был и в том, что там пребывали личности, возглавлявшие высшие исполнительные структуры, в том числе и силовые, задачей которых являлась защита интересов абхазского общества и государства. Но вместо того, эти «соратники» главы Абхазии проводили тайные сборища, на которых обговаривались продиктованные Тбилиси условия колониального сожительства абхазов и грузин в рамках прежней метрополии, меры по изоляции и удалению Владислава из Абхазии. Такие вот корни предательства…

[1] Ардзинба В.Г. Указ. соч. С.196–197.

Не будь такой удручающей обстановки, уверен, что картина противостояния с грузинами могла быть иной. Скажем, абхазское руководство, вовремя предупрежденное преданными родине руководителями силовых структур, организовало оборонительную линию в пределах реки Аалдзги. Тогда, может быть, имея резерв времени в день-два, удалось бы собрать в кулак силы и средства, рассредоточенные в Сухуме, Гульрипше, Ткуарчале, подтянуть добровольцев Народного Форума. В таком случае, вполне возможно, грузинское воинство и вовсе не продвинулось дальше, ведь особой доблестью за всю войну они так и не отличились. Или же, на крайний случай, можно было (что позволило бы избежать блицкрига и выиграть время), подготовиться к отпору на Кодоре, сосредоточив там силы уже всех районов страны. Здесь, как известно, абхазские большевики, возглавляемые Н. Лакоба, в 1918 году, несмотря на свою малочисленность, держали оборону против грузинских регулярных войск более 40 дней и ночей. Наверное, и в августе 1992, общими усилиями смогли бы, если и не отбросить, то основательно задержать врага, до подхода добровольцев с Северного Кавказа. Отметим, что наши северокавказские братья стали прибывать в Абхазию на второй день войны, а через неделю их число возросло до 500–600 воинов, хорошо экипированных и вооруженных автоматами, пулеметами и гранатометами, именно тем оружием, что для абхазов было большим дефицитом. Так что задержать и отбросить врага, если бы коллаборационисты не скрыли день агрессии, было бы вполне возможно. Тогда, не исключено, война завершилась по иному, и мы не понесли бы столь тяжелейшие людские и материальные потери. Это, разумеется, на мой взгляд.

Однако, как известно, ситуация развивалась по иному сценарию, весьма трагическому для абхазов: в результате вероломства агрессора и предательства местной креатуры, по-

теряли полстраны и столицу. Встал вопрос: быть или не быть абхазской государственности, а в ближайшей перспективе – и абхазскому народу!

В таких обстоятельствах главу Абхазии в основном поддержал актив национально-освободительного движения. Лучшая часть народа, по сути дела гвардия, встала решительно и твердо в защиту страны. Такое единение – лидера и пассионариев – произошло в начале войны, 18 августа, на митинге в Гудоуте. Это был, как говорят в таких случаях, момент истины: решался вопрос – будет ли оказано сопротивление агрессорам, как к тому призвал Владислав, или же все пойдет по сценарию грузино-абхазских партократов – на замирение с метрополией на правах прежней бесправной колонии.

Тогда, как отмечал военный историк В. Пачулия, на многотысячном митинге возле санатория «Волга» В. Ардзинба вышел на балкон второго этажа санатория и, обращаясь к народу, спросил: «Воевать или сдаваться». «Воевать!» – воскликнул собравшийся народ. Владислав Григорьевич вздохнул облегченно, так как уже исключались всякого рода давление и разговоры о капитуляции»[1].

Народная поддержка, особенно молодого поколения абхазов, ставших основой абхазских вооруженных сил, нанесшей поражение грузинским агрессорам, явилась для Владислава той силой, которая, если и не искоренила креатуру, то хотя бы заставила ее затаиться, опасаясь гнева масс. Так наступило время собирания сил и средств по организации сопротивления. Из народного ополчения, усилиями национального лидера и преданных делу освобождения страны командиров, в ходе непрерывных боев была создана профессиональная армия бригадного состава. Сюда же вошли военные формирования добровольцев Северного Кавказа, других регионов России, а

[1] Пачулия В.М. Указ. соч. С. 42.

также из Турции, Сирии, Иордании и др. стран. За время войны были проведены широкомасштабные наступательные операций: октябрьская (1992 г.) по освобождению Гагры и Северо-западной Абхазии, ноябрьская (1992 г.), январская, мартовская (1993 г.) по освобождению Сухума (неудачные), тяжелейшая и переломная июльская (1993 г.), победная сентябрьская (1993 г.), в результате которой грузинские войска были разгромлены и выдворены за пределы Абхазии.

Многие зарубежные исследователи, эксперты и наблюдатели дивятся по сию пору – каким образом, дескать, малочисленные абхазы, ведомые своим лидером, добыли столь впечатляющую победу у намного превосходившего их противника? Сразу ответить на сей вопрос непросто, поскольку серьезных научно-исследовательских работ на эту тему немного. Наверно, поэтому нам необходимо все же более тщательно изучать военное лихолетье: в области политики, экономики, идеологии, военной тактики и стратегии, организации информационной деятельности и т.д. Полагаю, государство должно обеспечить финансирование и, тем самым, активизировать новые исследования различных сфер грузино-абхазской войны. В таком случае возможно научно выверенными фактами и аргументами убедить мир в достойной победе абхазов над агрессорами.

Та же самая ответственная задача стоит перед учеными по глубокому и всестороннему исследованию выдающихся свершений нашего великого лидера в военный период, на протяжении 413 дней и ночей, в качестве государственного и политического деятеля, военного стратега, талантливого дипломата, крупнейшего абхазского ученого, публициста и организатора информационной борьбы за правое дело абхазов. Есть, безусловно, и много других сфер деятельности Владислава Григорьевича, чему он отдавал силы и знания.

В заключение выскажу свое мнение как непосредственный наблюдатель и участник тех событий в качестве гл. редактора газеты «Республика Абхазия». Не окажись у нас в тот трагический период во главе народа и страны волевого, решительного и стойкого, словом, выдающегося политического и государственного деятеля, то сопротивление абхазов грузинской агрессии могло и не завершиться судьбоносной победой. И то, что абхазы, возглавляемые поистине величайшим национальным лидером, в результате неимоверных усилий, обрели свободу и государственную независимость, это как раз и есть свидетельство роли и влияния личности на исторические процессы и эпохальные события. Доказательством тому величие свершений Владислава Ардзинба – Основателя современного абхазского государства.

Источники и литература

1. Ардзинба В.Г. Моя жизнь. Воспоминания. Сухум, 2018.

2. Газета «Российские вести», 1993 г., 20 марта.

3. Пачулия В.М. Грузино-абхазская война 1992–1993 гг. (боевые действия). Сухум, 2010.

4. Те суровые дни. Хроника Отечественной войны народа Абхазии 1992–1993 гг. в документах. Сухум, 2004.

5. Чамагуа В.З. Информационная политика В.Г. Ардзинба и становление абхазской государственности (1989–2005 гг.). Сухум, 2017.

6. Чамагуа В.З. Эпоха Владислава. Хроники. Сухум, 2013.

А.Я. Дбар

ИЗ ИСТОРИИ ПЕЧАТИ АБХАЗИИ: ЖУРНАЛ «СТРАНА ДУШИ» (1925)

Общественно-политический и литературно-художественный журнал «Страна души» (с подзаголовком на абхазском языке – «Апсны») выходил в Сухуме в 1925 г., на русском языке, в качестве приложения к газете «Трудовая Абхазия». Известно пять номеров этого весьма редкого издания. Первые три номера журнала обнаружены в Российской государственной библиотеке (г. Москва), сдвоенный номер 4–5 – в архиве Абхазского государственного музея (г. Сухум).

Журнал изначально планировался как еженедельник, но заявленная периодичность соблюдалась не всегда.

В первых трех номерах не было приведено имя редактора журнала, а в номере 4–5 указаны фамилии членов редколлегии: Джапаридзе, Кудрявцев и Секундов. Все трое – известные в 1920-е гг. в Абхазии журналисты. Секундов публиковался в абхазской прессе тех лет, а Константин Кудрявцев и С. Джапаридзе были в 1925 г. также ответственными редакторами «Трудовой Абхазии»; Кудрявцев редактировал газету с начала января по 19 февраля, Джапаридзе вступил в должность 20 февраля 1925 г.

Ниже приводится обзор всех номеров журнала.

№ 1

В № 11 газеты «Трудовая Абхазия», вышедшем в среду, 14 января 1925 г., было опубликовано объявление следующего содержания: «К сегодняшнему номеру газеты “Трудовая Абхазия” прилагается № 1 еженедельного журнала “Страна души” (“Апсны”)».

Итак, первый номер «Страны души» вышел 14 января; состоял он всего лишь из 8 страниц, т.е. полноценным журналом назвать его поначалу было сложно.

Открывает номер «Воззвание инициативной группы Абхазского Союза Писателей», в котором говорится, что после решения задачи экономического и хозяйственного возрождения Абхазии, перед ней встают задачи более высокого порядка – задачи культурные; будущему Союзу писателей придавалось «значение собирательного института, а также вспомогательно-направляющего органа для зарождающегося культурного возрождения – по линии наивысшего своего напряжения, т.е. литературы»[1]. Авторы «Воззвания…» не указаны, но известно, что ими были Самсон Чанба и Виктор Стражев[2]; написали они его по просьбе инициативной группы по организации Союза писателей Абхазии. Однако, в 1925 г. Союз писателей Абхазии образовать не удалось. Как известно, только в 1928 г. была создана Абхазская Ассоциация пролетарских писателей (АбАПП); ее сменил в 1933 г. Союз советских писателей Абхазии.

В номере приводится несколько художественных произведений – два стихотворения и один рассказ.

Стихотворения «Страна души» Леонида Анненского и «Абхазии» Аркадия Ситковского посвящены, как видно из названий, абхазской тематике.

Биографические сведения об Анненском отсутствуют; известно лишь, что он часто публиковался в абхазской прессе в 1920-е гг. и перевел с армянского языка на русский три поэтические книги армянского поэта Григория Щербинина (Нерсисяна) – «Гадальщик Бгдо: Агит-поэма», «Ленин и Али. (Поэма из трапезундской жизни)» и «Стихи»; все они вышли в Сухуме в 1925 г.

---

[1] Страна души, 1925, № 1, с. 1.

[2] Чанба С. Сочинения. – Сухум: «Алашара», 1987. – С. 296.

Биография же русского советского поэта и переводчика А. Ситковского (1901–1964) хорошо известна; в 1920-е гг. он несколько лет прожил в Сухуме, где опубликовал один из своих первых стихотворных сборников – «В пути» (1923).

«Рассказ в семи главах» Л. Лемана (биографические данные о нем тоже отсутствуют) повествует о трагической истории, произошедшей в годы Гражданской войны на территории современной Украины (в районе г. Купянска). Сюжет прост: банда атамана Левченко совершает налет на пассажирский поезд, грабит пассажиров, а двоих из них убивает – прокурора трибунала Орешникова (только потому, что он коммунист) и вступившегося за него девушку – Ольгу Руневу. В рассказе есть еще одна героиня (отрицательная) – актриса Радина, тоже пассажир поезда, которая и «сдала» атаману коммуниста Орешникова.

В номере помещена интересная статья Ореста Тизенгаузена «Еще об абхазской музыке»; автор пишет: «Статья об абхазской музыке, скованная рамками газеты, не была мною развита должным и возможным образом. Постараюсь на этот раз восполнить пробелы, вполне справедливо поставленные мне в укор». Статья О. Тизенгаузена об абхазской музыке в «Трудовой Абхазии», о которой он говорит, пока не найдена. В журнальной статье автор подробно рассуждает о ладовом характере абхазской музыки и ее ритме. Разбирая образцы абхазской музыки Тизенгаузен заключает: «Верх своеобразия! Вот на ком должна поучиться современная атональная музыка, тщетно пытающаяся создавать доморощенные пряности»[1].

Биографические сведения об О. Тизенгаузене отсутствуют; известно лишь, что он был композитором и литературным критиком, и при его участии в 1922–1923 гг. в Петрограде выходил литературный альманах «Абраксас». Так как Тизенгаузен в се-

[1] Страна души, 1925, № 1, с. 6.

редине 1920-х гг. печатался в абхазской прессе, возможно, он какое-то время проживал в Сухуме.

В конце номера – разделы «Наука и техника» (в нем, как понятно из названия, рассказывается о новостях науки и техники) и «Смесь».

№ 2

В первом номере издания был дан анонс второго: «Следующий номер журнала "Страна души" будет посвящен годовщине со дня смерти В.И. Ленина. В дальнейшем будет выходить регулярно по воскресеньям. Для подписчиков "Т. А."[1] бесплатно. В розничной продаже вместе с газетой 15 коп»[2].

И в самом деле, второй номер «Страны души», также состоявший из 8 страниц, был целиком посвящен годовщине смерти вождя пролетариата. Вышел он 22 января, но это был четверг, а не обещанное воскресенье.

В номере – два стихотворения: «21-го января» (день смерти В.И. Ленина) Г. Лелевича и «Об Ильиче» Леонида Анненского. О Л. Анненском я уже говорил, а Г. Лелевич (настоящее имя – Лабори Калмансон; 1901–1937) – советский поэт, литературный критик, один из руководителей Всероссийской Ассоциации пролетарских писателей (ВАПП). Оба произведения – типичные образцы так называемого социалистического реализма.

Также здесь приводится очерк «Ленин умер. Да здравствует Ленин!» Л. Лемана, знакомого нам по первому номеру журнала. Лейтмотив этого произведения вполне предсказуем: «ЛЕНИН умер, – но жив ЛЕНИНИЗМ»[3].

В заключение даются воспоминания «Москва в дни траура. 23 января 1924 г.» некоего С. О. В., присутствовавшего на похоронах В.И. Ленина, и который столь же предсказуемо

[1] «Трудовой Абхазии».

[2] Страна души, 1925, № 1, с. 8.

[3] Страна души, 1925, № 2, с. 4.

утверждает в заключении: «Ильич умер – но дело его живет»[1].

№ 3

Третий номер «Страны души» вышел 22 февраля 1925 г. (т.е. через месяц после выхода второго), как приложение к № 44 газеты «Трудовая Абхазия»; в нем тоже было 8 страниц. Номер посвящен, в основном, четырехлетней годовщине газеты, первоначально называвшейся, как известно, «Голос трудовой Абхазии».

Открывает номер статья «Выпуск газеты. (Ко дню 4-хлетней годовщины "Трудовой Абхазии")» «ментранпажа[2] газеты» И. Сенчукова (биографические данные о нем отсутствуют). Автор живо и увлекательно рассказывает о буднях редакции газеты.

Другой материал – «Рождение газеты» – повествует о том, как, незадолго до советизации Абхазии, в конце февраля 1922 г. в Сочи Ревкомом Абхазии было принято решение выпускать газету «Голос трудовой Абхазии». Автор – Ч-а; по всей видимости, под этой подписью скрывается Самсон Чанба. В статье встречается одно противоречие; вначале автор сообщает, что первый номер «Голоса трудовой Абхазии» вышел 22 февраля, а далее пишет: «22 февраля прошло в организационных работах, а 26-го февраля первый номер "Голоса Трудовой Абхазии" из рук ментранпажа А. Надарая увидел свет»[3] [3: 3–4]. Какая же дата выхода газеты верная – точно неизвестно, ибо этот первый номер до сих пор так и не удалось обнаружить. Правда, следует отметить, что в специальной литературе все же принято считать, что дата выхода первого номера газеты – 22 февраля.

---

[1] Страна души, 1925, № 2, с. 8.

[2] Правильно: метранпаж (старший наборщик).

[3] Страна души, 1925, № 3, с. 3–4.

Помещены в номере воспоминания уже известного нам Н. Лемана «Моя газетная карьера». Автор сообщает, что он в лихие годы Гражданской войны работал газетчиком на Украине, а затем в Воронеже; вскоре после установления советской власти в Абхазии переехал в Сухум, устроившись в «Трудовую Абхазию». Н. Леман почти в художественной форме сравнивает условия работы в разных газетах, с которыми ему приходилось сотрудничать; выбор свой предсказуемо делает в пользу «Трудовой Абхазии»: «В тот момент, когда я пишу эти строчки, мое сердце журналиста наполняется радостью. Я чувствую, как далеко шагнула вперед советская пресса…»[1]

«О мамаше ЦКК[2] и сухумских соблазнах. Правдивая повесть» – так называется сатирический фельетон некоего Опохмелившегося; он, после «веселой ночи» в сухумском кабаре «Казино», увидел «ужасный» сон, будто его вызвали в областком, где был подвергнут обструкции. Проснувшись, моментально встал на путь истины и «мыслить сразу начал, как ортодоксальный марксист-диалектик».[3]

В номере опубликованы четыре стихотворения: «Наборщик» (автор не указан) – о буднях газетного наборщика; «Четырехлетие» Рибамбеля (псевдоним известного в 1920–1940-е гг. сухумского поэта Иосифа Новодворского, автора стихотворного сборника «Сухум с точки зрения почти лирика», выпущенного в Сухуме в 1929 г.) – о том, «как тяжел газеты путь»; «Газетные частушки» (автор снова не указан) – что-то вроде городского фольклора; «Газете» Леонида Анненского – своего рода обращение к «родной» газете.

Завершает номер раздел «Юморески».

---

[1] Страна души, 1925, № 3, с. 6.

[2] ЦКК – Центральная контрольная комиссия.

[3] Страна души, 1925, № 3, с. 7.

№ 4–5

«Трудовая Абхазия» от 1 марта 1925 г. (повторено в номере от 3 марта) сообщала: «Следующий номер журнала “Страна души” выйдет 4 марта и посвящается четвертой годовщине советизации Абхазии. Журнал выйдет в увеличенном формате размером в 60–80 страниц. В журнале будет помещено до 100 иллюстраций и портретов работников Абхазии. Подписчикам “Трудовой Абхазии” журнал будет разослан бесплатно. В отдельной продаже цена номера 1 руб. 25 коп. По предварительной подписке цена № 80 копеек».

В итоге, редакция решила сделать номер сдвоенным (№ 4–5). Реальный его объем – 56 страниц.

Номер 4–5 был отпечатан в Сухумской государственной типографии ВСНХ (как, видимо, и первые три номера, хотя в них об этом не сообщается). Верстальщиками журнала указаны Секундов и К. Кудрявцев; они, как уже сообщалось выше, вместе с С. Джапаридзе, входили в редколлегию издания. Метранпаж – М.Д. Хахмигери. Редакция сообщала, что «журнал набран, отпечатан и сброшюрован коллективом работников Сухумской гостипографии в ударном порядке в течение суток».[1]

Номер журнала состоит из материалов самого разного толка; открывает его стихотворение Самсона Чанба («Страна души…»), затем следует его поэма «Дева гор (Апсны)», в переводе Виктора Стражева, уже выходившая в Сухуме отдельным изданием в 1923 г.

«Блок» художественных произведений продолжает Леонид Анненский (стихотворение «Возвращение», рассказ «Ahhapa»[2]), далее следуют произведения А. Д. (стихотворение «Четыре»), А. Поморского (стихотворение «Абхазии»), Пав. Логинова (рассказ «Подсобили»), С. Обрадовича (стихотворение «Товарищ»),

[1] Страна души, 1925, № 4–5, с. 50.

[2] Аҳәҳәара – крик (абх.).

А. Дальнего (очерк «Бытовое»), А. Л. (очерк «О бедном агрономе, о больших богатствах и маленьких коровенках»).

Об Анненском речь в данной статье уже шла, из остальных же авторов известны только двое: Александр Поморский (1891–1977) – русский советский поэт, в 1920-е гг. около трех лет проживавший в Сухуме и неоднократно публиковавшийся в местной прессе; Сергей Обрадович (1892–1956) – русский советский поэт, переводчик и редактор.

После этого следует «блок» историко-мемуарных текстов: «17–21 г.г. в Абхазии» К. К. (по всей видимости, под этими инициалами скрылся К. Кудрявцев), «Календарь революционных событий в Абхазии» (без указания автора), «1918 год в Самурзакани. (Воспоминания)» Филиппа Тория, «Комсомол в Абхазии» К. Семерджиева («бывшего комсомольца»), «Возрожденная Абхазия» и «Когда-то было...» С. Чанба, «Последние судороги меньшевизма» Гюльазизова. Все эти тексты весьма информативны и представляют интерес для исследователей истории Абхазии смутного периода 1917–1921 гг.

Филипп Тория (1889–1937) – известный в Абхазии революционер; Константин Семерджиев (1898–1937) – организатор комсомольского движения в Абхазии; Г.Х. Гюльазизов (даты жизни не установлены) – управляющий делами ЦИК ССР Абхазии.

Несколько материалов посвящены вопросам промышленного развития, народного хозяйства, торговли, юриспруденции, медицины, проблемам профсоюзных организаций: «Табаководство в Сов. Абхазии» и «Лесное хозяйство Абхазии» (оба текста – без указания автора), «Абгосторг – его работа и перспективы» Я. Гудзаца, «Промышленность ССР Абхазии» С.М. Ашхацава (этот текст дошел до нас не полностью, две страницы в имеющемся экземпляре журнала – 30 и 31 – отсутствуют), «Комиссия законодательных предположений при

Совнаркоме Абхазии» Соловьева, «Курорты ССР Абхазии» д-ра Вианора Анчабадзе, «Четыре года Советской медицины в Абхазии» (без указания автора), «Итоги судебной работы за четыре года» Игнатия Вардания («наркомюст и прокурор Республики»), «Профессиональные организации Абхазии» (без указания автора). Эти тексты будут интересны исследователям эпохи ССР Абхазия.

Биографии государственных деятелей Абхазии – Семена Ашхацава (1886–1943), Вианора Анчабадзе (1888–1937) и Игнатия Вардания (1894–1938) хорошо известны, Я. Гудзац в 1925 г. работал заместителем председателя Абгосторга (биографических данных о нем не имеется), о Соловьеве вообще ничего неизвестно.

В конце номера – юмористический «блок» – «Газетное перо. (Рабкоровский юмор)»; здесь наиболее интересен, на мой взгляд, оригинальный и остроумный рассказ «Наш маленький столик» Оли Марыськиной (данные о ней отсутствуют).

Немало в номере приводится рекламных объявлений.

Номер, как обещала редакция, и в самом деле был богато иллюстрирован фотографиями и рисунками. Почти все фотографии в номере, как указывает редакция, принадлежат «правительственному фотографу» А.К. Козлову, владельцу сухумского фотоателье «Прогресс» (функционировало с 1909 г.). Правда, редакция уточняет, что «Вследствие сессии ЦИКа, заседающей в Тифлисе, и перевыборов Горсовета в Тифлисе цинкографы не смогли выполнить полностью заказ редакции “Трудовая Абхазия” на клише. Поэтому ряд снимков и фотографий не вошли в настоящий номер журнала»[1] [4: 48]. Доходило и до курьеза, например, на одной из страниц есть внизу подпись: «С. ЧАНБА, Председатель Центрального Исполнительного Комитета ССР Абхазии», а сама страница «чистая»,

[1] Страна души, 1925, № 4–5, с. 48.

так как фотография Самсона Яковлевича отсутствует.

Итак, «Страна души», из совсем небольшого малоформатного издания, с № 4–5 стала полноценным журналом, с разнообразным и информативным содержанием. Однако, после выхода этого сдвоенного номера, издание, похоже, по какой-то причине, было прекращено. Во всяком случае, в справочниках, в которых упоминается «Страна души», сообщается о выходе только пяти номеров журнала[1].

Прекращение издания «Страны души» достойно сожаления, ибо поступательное развитие журнала выглядело весьма многообещающе.

Источники и литература

1. «Страна души», 1925, №№ 1, 2, 3, 4–5.
2. Чанба С.Я. Сочинения. – Сухуми: «Алашара», 1987.
3. Периодическая печать СССР. 1917–1949: библиографический указатель. Журналы, труды и бюллетени по языкознанию, литературоведению, художественной литературе и искусству. – М., 1958.

[1] См., напр.: Периодическая печать СССР. 1917–1949: библиографический указатель. Журналы, труды и бюллетени по языкознанию, литературоведению, художественной литературе и искусству. – М., 1958. – С. 58.

Ф.Н. Кондратьева

ОЧАМЧЫРА. СТАНОВЛЕНИЕ ГОРОДА В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТИЗАЦИИ АБХАЗИИ (1920-е – 1940-е гг.)

(К 100-летию официального статуса города (1926–2026))

Введение

На территории Очамчыры и ее окрестностей с давних пор располагались поселения, происходили важнейшие исторические события. Археологические находки свидетельствуют: люди жили здесь еще в III тысячелетии до н.э. (очамчирская культура), около 2500 лет назад греческие колонисты основали на этой земле полис Гюэнос, а в VI веке н.э. здесь появился крупный центр раннего христианства.

Во многом история Очамчыры – от возникновения до поворотных моментов развития – обязана своему географическому положению. Местность представляет собой приморскую равнину (в пределах Колхидской низменности), пригодную в плане климата и ландшафта для создания порта и примыкающего к нему населенного пункта.

В 1844 г. здесь основали морской порт, и вся жизнь местечка стала «вращаться» вокруг него.

В 1847 г. Очамчыра уже становится городским поселением. В разные годы здесь открываются карантинно-таможенная застава (1847 г.), бесплатная общественная начальная школа (1872 г.), первая в Абхазии гражданская больница (1875 г.).

В Очамчыре находилась зимняя резиденция владетельного князя Михаила Чачба-Шервашидзе.

В 1868–1883 гг. Очамчыра являлась административным центром Очемчирского округа Сухумского военного отдела. [3, с. 160]

В 1870 году Очамчыре, как городскому посаду, выделили

600 десятин земли (более 600 га), и местечко стало быстро заселяться. Здесь учредили слободское управление (1874 г.), во главе которого стояли староста (потом его заменили помощником полицейского пристава) и два депутата из состоятельных горожан. [20]

Торговля развивалась в порту, откуда осуществляли экспорт кукурузы и импорт соли, хлебной продукции, галантереи.

Оживленная торговля шла и на местном базаре – окрестные жители выставляли шелк-сырец и др. товары мастериц, продавали кур, свежие фрукты, звериные шкуры, мед и воск. [20]

Торговые отношения шли с Сухум-Кале, Поти, Новороссийском, Керчью и Одессой. А из заграничных городов – с Трапезундом и Константинополем.

Поначалу Очамчыра располагалась в другом, «неудобном» для проживания месте. [20]

Эту область упоминают как «Старые Очамчиры». [18, с. 196] Местечко «находилось между двумя невысыхающими болотами и не имело сносной воды для питья. Река Арзыква, разделявшая местечко на две части, то почти высыхала, лишая очамчирцев воды, то разливалась, прерывая сообщение между обеими частями поселения». [20]

События русско-турецкой войны 1877–1878 гг. коренным образом изменили жизнь Очамчыры. После разрушений 1877 г. населенный пункт решили перенести в более благоприятное место. Новая Очамчыра «расположилась в полутора верстах южнее, по правому берегу Гализги, представляющему собой возвышенное плато». [20]

В 1883–1919 гг. Очамчыра являлась центром Кодорского участка Сухумского округа. [3, с. 160]

По данным посемейной переписи 1886 г. население Очамчыры составляло 515 человек. Сословный состав: мещане –

81,7 %, князья и дворяне – 8,9 %, купцы – 8,2 %, представители православного духовенства – 1,2 %. [3, 160]

В начале XX века в Очамчыре уже «насчитывалось 18 каменных и 462 деревянных здания». (Прицкер, газета). Постоянное население Очемчир в 1907 г. составляло 628 человек. [18, с. 196]

Новый этап развития начался в 1920-х годах, с приходом советской власти. В 1926 г. Очамчыре был присвоен официальный статус города.

Цель нашей работы – проследить становление города Очамчыры в первые годы советизации Абхазии (1920-е – 1940-е гг.).

Основу работы составляют перечисленные ниже труды – в первую очередь посвященные Очамчыре, а также рукопись Л.М. Прицкера «Города и городская жизнь Абхазии. 1921–1941».

Статья «Очамчира. Из прошлого городов Абхазии» Л.М. Прицкера 1972 г. в газете «Советская Абхазия» освещает дореволюционный период Очамчыры.

В «Исторических очерках о городах Абхазии» Олонецкого А.А., написанных в 1936 г., освещается период с начала XX века. Здесь представлены статистические данные по народонаселению, бюджету и хозяйственной деятельности.

Заметки А.Я. Дбара и Н.В. Багапша во II томе Абхазской энциклопедии в разделе, посвященном Очамчыре и Очамчырскому району, дают краткую историческую картину их административного, социально-экономического, демографического развития. Отдельно даны справки по крупнейшим предприятиям и организациям города.

Историю Очамчыры с древности до наших дней рассматривают авторы сборника «Очамчыра. 2500» (под ред. А.И. Джопуа).

«Исторический формуляр пожарной части» – документ, ко-

торый раскрывает основные вехи развития пожарного дела в Очамчыре, примечательные особенности общественной жизни во II четверти XX века (записи формуляра сделаны в 1959 г.).

1920-е – 1940-е гг.

В 1921 г. с установлением советской власти во всех сферах жизни республики начались коренные изменения. На местах организовали революционные комитеты, восстановили партийные организации. Со временем власть перешла к избранным органам госвласти – Советам. 7 февраля 1922 г. на I съезде Советов Абхазии избрали Центральный исполнительный комитет (ЦИК) под председательством Е. Эшба, образовали Совет народных комиссаров (СНК) во главе с Н. Лакоба.

Топонимика. Административное устройство

В дореволюционное время в качестве официального названия местечка на русском языке использовались формы Очемчири и Очемчиры, в советский период до 1967 г. это был город Очамчире, в 1967–1999 г. – Очамчира, с 1999 г. – Очамчыра. [3, с. 160]

В 1919–1930 гг. Очамчыра являлась центром Кодорского уезда. А с 1930 г. город становится центром Очамчырского района. [3, с. 160]

В 1942 г. из состава Очамчырского района был выделен Ткуарчалский горсовет.

Население

Рост населения Очамчыры с начала XX века в цифрах:

1907 г. – 628 чел.

1922 г. – 2669 чел.

1926 г. – 3390 чел.

1936 г. – 7452 чел. [18, с. 197]

(По 1926 г. уточнение количества следующее: «По данным переписи (первой Всесоюзной переписи населения 1926 г. – прим. Ф. К.) население Очамчыры составляло 3419 человек.) [3, с. 160]

1926 г. – официальный статус города Очамчыра

В ходе подготовки к первой Всесоюзной переписи населения СССР 1926 г. Очамчыра и Гудаута получили статусы городов. Однако поначалу официально признанные города, а также городские поселения Гагры и Гали управлялись на основе «Положения о сельских советах ССР Абхазии «, утвержденного 17 марта 1927 г. [19, с. 33]

Во время подготовки к выборам в местные советы 1929 г. ЦИКом Абхазии 2 февраля было принято решение об организации в Очамчыре и др. городах городских советов, но (временно – прим. Ф. К.) без создания их исполнительных органов. Тогда районные парторганизации поставили вопрос о выделении своих городов, в частности Очамчыры, в самостоятельные административные единицы. Однако недостаток средств не позволял удовлетворять эти просьбы. [19, с. 33–34]

В 1929 г. при организации городских советов в Гудаутах, Очемчирах и Гаграх, при них создавались секции коммунального хозяйства, финансово-бюджетная, народного образования, здравоохранения, кооперативно-торговая, судебно-административная. [19, с. 44]

При проведении в жизнь Постановления советского правительства о ликвидации административных округов и укреплении районов, как основного звена «в разрешении хозяйственных и политических вопросов», решением Президиума ЦИКа и ЭКОСО Абхазии от 28 августа 1930 г. г. Сухум был выделен в самостоятельную административно-территориальную единицу, Гудауты и Очемчиры оставлены городами…» [19, с. 34]

Городское хозяйство

С первых дней установления советской власти в республике начался процесс национализации и муниципализации имущества. «В Сухуми, Гудаутах, также и Очемчирах в их ведение (госорганов – прим. Ф. К.) перешло значительное количество домов, что сразу же позволило перейти к революционному жилищному переделу». Однако эти процессы повлекли за собой полное прекращение строительства, а в оставшихся в собственности домах не производился ремонт, что вело к разрушению жилого фонда. Тогда издали декрет «О восстановлении права владения частными строениями» 1922 г. Он подтверждал право частной собственности домовладельцев на все строения, за исключением национализированных. В течение месяца после введения в действие декрета, владельцы должны были вступить во владение своим домом и сразу же приступить к достройке недостроенных и ремонту разрушенных домов». [19, с. 8–9]

В 1926 г. ЦИК Абхазии утвердил «Положение о городских землях», согласно которому они подразделялись на селитейные, общего пользования и городские угодья… Президиум ЦИКа установил селитейные площади Очамчиры в пределах застроенных площадей в границах городской черты. [19, с. 104]

Благоустройство

К 1930-ым годам были проведены большие работы по благоустройству Очамчыры. Кроме прочего, построена городская баня, на этапе строительства находилась коммунальная гостиница. [18, с. 197] В городе также имелись почта, телеграф и аптека. [2, с. 414]

Тепловые электростанции общей мощностью 550 лошадиных сил в 1926–1927 гг. были построены в Гаграх, Гудаутах и Очамчирах. В первую очередь свет получили общественные

здания, а затем частично жилые дома. В городах также устанавливали уличные фонари на 50, 100 и 200 свечей… Однако города испытывали дефицит электроэнергии, потому что спрос на нее все возрастал. [19, с. 117]

Торговля

Победа советской власти в Абхазии совпала с введением новой экономической политики. Специальным декретом были допущены свободная мелкая торговля и мелкое кустарное производство. Частникам запрещалось использовать наемный труд, заниматься спекуляцией и искусственно завышать цены. Разрешалась свободная розничная торговля на базаре.

Городское население в 1921 г. особенно нуждалось в продовольствии и промтоварах. При этом в докладе Ревкому отмечалось, что скупщики на базаре на глазах у публики скупают всю продукцию у сельчан, не допуская покупателей и тут же продают горожанам по увеличенным и все увеличивающимся в течение дня ценам. [19, с. 84]

Для решения проблемы снабжения товарами рабочих и служащих были созданы рабочие кооперативы, а в 1922 г. Единый раб. кооператив (Еркооп).

Тысячи и тысячи пудов пшеницы отправляли в Абхазию из Кубани, что позволило республике справиться с проблемой хлебного голода. Остро стояла проблема снабжения населения солью и горюче-смазочными материалами.

В 1924 г. образован Абгосторг, который должен был объединить все торгующие в Абхазии государственные и хозяйственные организации, влиять на товарооборот и вести борьбу с частным капиталом. Абгосторг имел свое отделение и в Очамчыре.

Из «Статистического сборника 1922–1926 г.» узнаем, что в Очамчыре в это время было 2 гос. торговых предприятия, 1

кооперативное торговое предприятие, 72 частных торговых предприятия. Очамчыра по этим показателям опережала в 2 раза Гагру, отставала в 1,3 раза от Гудауты и почти в 9 раз от Сухума. [19, с. 215]

Промышленность и бюджет

В советские годы Очамчыра становится промышленным центром. Толчком для начального развития стали строительство Ткварчельского каменноугольного рудника, развертывание строительства Черноморской железной дороги и строительство Очамчырского порта. [18, 196–197]

После 1921 г. в Очамчыре в эксплуатацию были сданы следующие промышленные предприятия: деревообделочная мастерская ОМП, лесозавод Закжелдорстроя, известковая печь Ткварчелстроя, лимонадный завод. [18, 197]

1932 г. в Очамчыре введен в строй табачно-ферментационный завод.

В 1934 г. – первая чайная фабрика.

В 1937 г. – хлебозавод. [3, с. 161]

Помимо промышленных предприятий, вела свою деятельность и мелкая кустарно-ремесленная промышленность. В городах Сухуме, Очамчыре, Гагре и Гудауте в 1926 г., по данным переписи населения, было занято 1553 человека: в производстве жестяных изделий, кузнечном и слесарно-кузнечном, столярно-плотничном, швейном, обувном и хлебопекарном. [14, с. 261]

Бюджет Очамчырского района 1934 г. раскрывает основную направленность расходов – на нужды народного хозяйства. Весь бюджет составлял 3782,9 тыс. руб.. Из этой суммы на капиталостроительство и пр. капиталовложения пошло 1143,7 тыс. руб., остальное – на промышленность, сельское хозяйство, транспорт, связь и социально-культурные мероприятия. [18, с. 197]

Пути сообщения, транспорт и связь

В начале 1920-х гг. перед руководящими органами связи республики встала масштабная задача восстановления транспорта, связи и путей сообщения, пришедших в негодность. Черноморское береговое шоссе было сильно разрушено – деревянные и каменные мосты требовали замены или ремонта, дорога была усеяна ямами и ухабами, местами проезду мешали ползучие грунты.

Вскоре Черноморское шоссе признали дорогой общесоюзного значения. Абхазское управление местным транспортом Учшоссе с 1924 г. провело ряд неотложных работ, и езда по шоссе стала возможной.

Остальные пути сообщения в большинстве своем представляли грунтовые дороги без гравийного покрытия, во время дождей это делало их труднодоступными даже для арбы. Сообщение между селами было трудным.

Автотранспорт

Автотранспорт в начале строительства советской республики представлял собой несколько машин иностранных марок, большинство из которых – в состоянии «автотрупов», подчас их доставляли в гараж Совнархоза с помощью буйволов. [19, с. 61]

Поначалу перевозили на автомобилях грузы, а с 1925 г. стали готовиться к пассажирским перевозкам, для чего грузовики в мастерских переделали в автобусы. В 1926–1927 гг. автобусы стали ходить до Сочи и Цхакая (с переправой через Ингур) [19, с. 58]

«В 1930 г. автомобильное сообщение связало Ткварчели с Очамчирами, но еще летом 1931 г. машины делали всего по два рейса в день». [19, с. 59]

В 1930 г. Всесоюзное транспортно-экспедиционное объе-

динение Союзтранс, объединивший автомобильный и гужевой транспорт. В 1931 г. Сухумская контора Союзтранса имела свои агентства в городах Абхазии, в т.ч. в Очамчыре.

Союзтранс не справлялся с возрастающим количеством перевозок, и в системе Абпромсоюза в 1931 г. были созданы авто-гуж-транспортные артели. Кооперативное объединение «Красный транспортник», «Мотор», переименованный потом в «Автотранс» и другие были созданы в Сухуме, Гудауте и Очамчире. [19, с. 60]

Порт

В 1921 г. создано управление морским транспортом Абхазии, объединившее морагентства в городах республики, в т.ч. Очамчыры. «Члены профсоюза грузчиков в Очемчирах работали на принадлежащих союзу Местрану фелюгах «Мцхет» и «Тамара». [19, с. 57]

В марте 1926 г. в Очамчыре открыли морскую пристань. [19, с. 58]

В 1925 г. путеводитель «Черноморское побережье» описывает: «Очамчире естественный порт и торговый центр довольно живого земледельческого района. Отпускается портом, главным образом, кукуруза, до войны до 3-х милл. пудов в год. Потом идет лес и фрукты». [2, с. 414]

По Очемчырскому рейдовому порту в 1934 г. пассажирооборот составил 15 тыс. человек, грузооборот – 19 тонн. [18, с. 197]

Черноморская железная дорога

Стратегическое значение для Абхазии имело завершение строительства Черноморской железной дороги. Важно было связать Абхазию с другими советскими республиками, сокращая транспортные расходы, также связать между собой районы республики, углубить их экономическую специализацию и дать толчок курортному строительству. [19, с. 63]

«В декабре 1927 г. Н.А. Лакоба, выступая на XV съезде партии, говорил, что «Абхазия единственная страна, которая, несмотря на свой удельный вес в хозяйстве СССР – курорты, табак – лишена приличной транспортной связи. Пока нет железных дорог, пока нет портов – есть одно абхазское солнышко и одно абхазское гостеприимство». [19, с. 68]

Строительство ЧЖД то возобновлялось, то останавливалось из-за недостатка средств, вызывало немало дискуссий. По инициативе Лакобы группа специалистов подготовила сборник с целью «доказать необходимость достройки Черноморской железной дороги, как части транзитного пути для Союза и международного сообщений». В ней указывалось на необходимость проведения строительства поэтапно: сначала железная дорога должна была дойти до Очамчыры и соединиться с Квезанской веткой, а затем на Сухум и дальше». Подчеркивалось, что строительство дороги не могут завершить уже более 25 лет. [19, с. 69]

Трудности и препятствия не закончились даже после начала прокладки железнодорожной линии весной 1930 г. Строительство происходило в пересеченной, в особенности перед Квезанью, местности, отличающейся дождливостью и пораженностью малярией. Необходимо было провести земляные работы, укладывать рельсы, строить мосты и путевые сооружения. Нормальной работе мешали несвоевременная поставка материалов, большая текучесть рабочей силы из-за неудовлетворительных жилищно-бытовых условий. [19, с. 70]

По этому поводу были приняты меры, которые значительно улучшили положение.

В январе 1931 года первый поезд прошел на территорию Абхазии со стороны южного участка, и было открыто пассажирское движение до Гали. К весне 1933 года завершилось строительство Квезанской ветки и поезда стали ходить до

Очамчыры и Квезани (Ткварчели). 1 мая сюда прибыл первый товаро-пассажирский поезд, доставивший пассажиров и оборудование для тепловой электростанции - Ткварчели ГРЭС (ныне разрушенной). [17]

В 1934 г. пассажирооборот по Черноморской железной дороге составил 42 тысячи человек, кроме того, 50 тыс. человек по Квезанской ветке. Грузооборот по ЧЖД в 1934 г. равнялся 64,8 тонн. [18, с. 197]

Строительство Закавказской железной дороги продолжалось и в годы Великой Отечественной войны и в послевоенные годы.

Очамчырская железнодорожная станция – узловая станция Закавказской железной дороги (современной Абхазской ЖД) – была открыта в 1940 г., она имеет ответвление на г. Ткуарчал, индустриальный центр советского периода.

Здание Очамчырского железнодорожного вокзала было построено в 1950 г. [8, с. 161]

Связь

Наркомпочтель Абхазии (Наркомат почты и телеграфа) в 1921 г. докладывал Ревкому: «Большинство телеграфных аппаратов с принадлежностями и прочее ценное техническое имущество вывезено, а соединительные провода оборваны и перепутаны…» [19, с. 74]

В 1921 г. приемная радиостанция связала Абхазию с Москвой и Тифлисом. С 1920-х годов расширялись почтово-телеграфная связь в деревне, сеть передвижных и кольцевых почт, услуги местных письмоносцев, а с 1935 г. – сельских почтальонов.

В 1931 г. почтово-телеграфные конторы в районных центрах выделились из Сухумской конторы в самостоятельные учреждения. [19, с. 75]

В 1922 г. в Абхазии было еженедельное почтовое регулярное движение. Чтобы как-то исправить положение, в Гудауте извозчиков обязывали раз в неделю отвозить почту в Сухум безвозмездно. [19, с. 75]

В 1925 г. связь с другими городами осуществлялась с помощью аппаратов Морзе, изредка подключались двое «юзистов».

Телефонная сеть в городских населенных пунктах была в запущенном состоянии и работала на износ.

Пожарное дело – с 1926 г.

«Исторический формуляр пожарной части», хранящийся десятки лет в ПСЧ Очамчырского района, раскрывает первые шаги пожарного дела в Очамчыре, с начала основания. Записи были сделаны в 1959 г.

«В 1926 г. при Союзе пищевкуса была организована чисто добровольническая (добровольная – прим. Ф. К.) пожарная дружина. Руководителем ее был Ховноси Александр Иванович. Вооружение – 1 насос… В 1930 г. ДПД была реорганизована на коммунальную пожарную охрану и числилась с собственным штампом. 1-я Очамчирская добровольная пожарная дружина при коммунотделе у исполкома г. Очамчире… На вооружении имелся уже один конно-линейный ход, ручной насос к/ф 100 метров выкидных рукавов, 2 лошади, одна бочка – а лошадь брали для нее из общей конюшни ОКХ (отдела коммунального хозяйства – прим. Ф. К.).

Одна трехколесная лестница, лестница-штурмовка и палка, 8 комплектов боевой одежды и снаряжения. Конно-линеечный ход представлял собой 4-колесную рессорную повозку, в которую впрягали лошадей. На линейке перевозилось, кроме служителей и пожарных, пожарное оборудование, бочки с водой, инструмент, насосы и пр.

Вооружение и штат (из 8 человек – прим. Ф. К.) просуществовали до 1935 г., а в 1937 г. штат дошел до 32-х человек…

С 1935 г. весь штат коммунальной пожарной охраны передали в ведение НКВД. Штаты постепенно увеличивались, вводилось форменное обмундирование, увеличивалась и заработная плата: из 80 руб. в месяц увеличилась до 130 руб. рядовому бойцу…

В 1937 г. 7 апреля сопровождающий из Москвы по железной дороге представил для Очамчырской ГПК один пожарный автомобиль ГАЗ-А-А-ПМГ-1 с полным вооружением, а штат увеличился до 32-х человек. [13, с. 156–157]

Служба и боевая работа ГПК

«В январе 1933 г. в городе Очамчире (где ныне строится 18-квартирный трехэтажный дом), располагалось одноэтажное деревянное здание гостиницы “Ялта”. Примерно с 4-х часов ночи сгорела полностью, за исключением спасенной части имущества. Тушили с помощью одного ручного насоса». [13, с. 157]

В 1934 г. произошло наводнение из-за разлива реки Адзыквы. Пожарная команда Очамчыры спасла три семьи (12 человек) и имущество Абхазторга: 630 бочек с повидлом и 10 лошадей.

В 1938 г. несчастье произошло опять на хоздворе Абхазторга – горела скотобаза… В спасении принимал участие весь личный состав, в т.ч. свободный от дежурства. В итоге: «Спасены все лошади и рогатый скот, а также спасены одна тонна фуража, ячмень в мешках. [13, с. 157]

В 1943 г., в период Великой Отечественной войны, в Очамчирском военном порту, в момент строгой светомаскировки, ночью возник пожар. Когда к месту происшествия прибыл боевой расчет очамчырской ГПК, огонь охватил уже три деревян-

ных склада, в которых хранились бочки с карбитом, лако-красками, кислотами, спиртами, кислородными баллонами и др. Обстановка пожара описана так: «Сопровождалось интенсивное горение взрывом выделяющегося ацетилена. Огонь угрожал переходом на стоящий в бухте корабль. Руководитель тушения пожара был начальник ГПК Чеботаев С.Н., сам личным примером воодушевлял работников ГПК на героический подвиг. Рискуя жизнью и находясь в обстановке взрывов ацетилена и разрыва кислородных баллонов, Чеботаев С.Н., Долженко И. С., Аркания В. и другие работали отлично, как подобает требованиям устава...» Как поясняется, это было записано с брошюры «Бюллетень пожарной охраны НКВД Грузинской ССР к 25-й годовщине Советской пожарной охраны СССР, стр. 10–11, за 1943 год». [13, с. 157–158]

Пожары происходили в жилых домах, магазинах и на складах. Однако с первых лет создания работа Очамчырской ГПК быда поставлена на должном уровне и отмечалась государственными наградами и поощрениями за отличные показатели по учебно-боевой подготовке и несению службы.

Здравоохранение

В 1920-е годы советской властью были приняты активные меры по борьбе с малярией в республике. Проведены комплексные мелиоративные работы по осушению болот, гидротехнические работы в малярийных поселениях и 2-километровой зоне вокруг них.

Для уничтожения личинки малярийного комара все стоящие водоемы низменной части республики были заселены рыбкой гамбузией.

В 1926 г. Центральную малярийную станцию преобразовали в тропический институт, в начале 1930-х гг. институт имел филиалы (тропические станции) и диспансеры в разных горо-

дах, в т.ч. в Очамчыре. [19, с. 128]

Благодаря всем этим мерам со временем заболеваемость малярией удалось значительно снизить.

В связи с ростом в республике заболеваемости туберкулезом, при Наркомздраве в 1920-х годах были созданы секции по борьбе с туберкулезом, в т.ч. и в Очамчыре. Проводились обследования, противотуберкулезная пропаганда.

Одной из важнейших задач государства стало улучшение охраны здоровья женщин и детей. В первые десятилетия XX века наблюдалась высокая смертность среди новорожденных. Во многом это было связано с тяжелыми условиями жизни, ухудшением материального положения населения за годы войн.

Государство не могло полностью взять на себя необходимые расходы, потому в работу включилась общественность, проводились благотворительные сборы. Е.Л. Шевелье в 1927 г. организовала при амбулатории Красного Креста в Очамчыре первую в республике детскую консультацию. [19, с. 132]

В 1920-х гг. в Абхазии появляются ведомственные лечебно-профилактические учреждения. После возобновления строительства Черноморской железной дороги лечебные пункты открылись по всей линии, а в 1930 г. в Очамчыре начала работать амбулатория, а затем больница на 30 коек. [19, с. 133]

Образование и спорт

В 1920-х гг. Ревком Абхазии упразднил деление школ на высшие и низшие. Вводилось бесплатное, совместное и обязательное обучение для всех детей школьного возраста. Устанавливалась семилетка, продолжить образование можно было в техникуме. В 1921 г. в Очамчыре было две таких школы начального образования для детей. [19, с. 149]

В то же время в республике начали проводить работу по

ликвидации неграмотности среди взрослого населения, строились школы для ликбеза, школы для малограмотных. В 1923 г. в Очамчыре в школе по ликвидации неграмотности занималось 45 человек. Среди них – члены партии, профсоюзов, комсомольцы, призывники. [19, с. 141]

Началась подготовка и специалистов средней квалификации. Для этого в 1930-х годах ряд школ-девятилеток реорганизовали в специальные техникумы. Так в Очамчыре появился сельхозтехникум с двумя отделениями: полеводства и животноводства. [19, с. 158]

В системе народного образования были впервые организованы детские сады. Например, в 1925 г. в очамчырский детсад ходило 55 детей. [19, с. 161]

В 1936 г., по описаниям А.А. Олонецкого, в Очамчыре шла стройка новой неполной средней школы и районной больницы. [18, с. 197]

Библиотека-читальня открылась в Очамчыре в 1921 г. [19, с. 173]

В 1920-х гг. повсеместно в республике стали открывать рабоче-крестьянские и комсомольские клубы. Такие были и в Очамчыре. В них организовывали политкружки, краткосрочные профкурсы, курсы музыкальные, хоровые, драматические. (176)

Дворец культуры открыл свои двери в Очамчыре в 1950 г. [10, с. 163]

Очамчыра, ставшая со временем одним из футбольных центров Абхазии, открыла спортивную «страницу» этого вида спорта в 1927 г. – тогда здесь была создана первая команда. А в 1936 г. очамчырская городская команда «Стрела» стала чемпионом СССР по обществу железнодорожников. [12, с. 15]

Футбольный стадион построили в Очамчыре в 1945 г.. Инициатива комсомольских организаций была поддержана насе-

лением, помогавшим в стройке. Принят в июле. В советское время назывался «Трудовые резервы», имел также волейбольную и баскетбольную площадки, беговые дорожки, оборудованные служебные помещения. Вместимость стадиона – 2 тыс. зрителей. [11, с. 165]

Кино и театр

Не менее активно в начале 1920-х гг. развивался театр, как один из самых сильных и понятных способов пропаганды. В изменившемся репертуаре появилась революционная тема, сатира. Появились и самодеятельные коллективы.

В начале 1920-х гг. кинотеатры национализируют и начинают использовать в агитационных целях. Кино сосредоточено в руках Главполитпросвета, который открывает сеть кино в уездных центрах и расширяет сеть передвижных киноаппаратов. В середине 1926 г. кинотеатр открылся и в Очамчыре. [19, с. 235]

Тогда же, в начале 1920-х годов в Очамчыре успешно работал драматический кружок под руководством К. Чижовой, поставивший пьесу-агитку С. Бжания «Кучита», исполнявший абхазские народные песни, даже делавший инсценировки по ним. [19, с. 199]

Археология. Достопримечательности.

В 1922 г. было учреждено Абхазское научное общество (АбНО). Оно стало преемником организаций, носивших, в основном, краеведческий характер. Обществом проводились историко-археологические экспедиции, собирание материалов. Отделение АбНО создается в Очамчыре осенью 1926 года. [19, с. 186]

В 1930 г. в Очамчырском районе и Гудаутском районах про-

вели большую этнографическую экспедицию, давшую много исторических материалов.

В 1935-1936 гг., когда строили очамчырский морской порт, во время земляных работ обнаружились остатки разновременных культурных слоев. Было установлено, что на левом берегу р. Джикумур (Чаникуара) имеется многослойный памятник, содержащий в основном три хронологических периода ранней бронзы, античности и средневековья. К работе были привлечены археологи Л. Соловьев, Б. Иващенко, М. Куфтин.

Курортная деятельность

В 1921 г. с советизацией Абхазии курорты ее были вовлечены в общесоюзную курортную группу и присоединены к общей курортной работе Советских республик. В 1921 г. в Сухуме было организовано Управление Главноуполномоченного по курортам Абхазии (Курупр).

В 1925 г. в Москве Главным Курортным Управлением был издан путеводитель «Курорты Абхазии. Сухум – Гагры». Отдельно в нем были отражены достопримечательности республики. По этому поводу, в частности, говорится: «Предлагаемые места, – это уже более или менее известные пункты, которые, побывав в Абхазии, не видеть – грешно». [15, с. 103]

Среди немногих достопримечательностей предлагается к посещению Человская (Члоуская – прим. Ф. К.) сталактитовая пещера. О том, какими путями тогда можно было добраться до этого пункта, узнаем в описании:

«Дорога в пещеру идет из Очемчир до селения Тхина. До указанного пункта можно пользоваться арбами, но дальше до самой пещеры верховая. Дорога до пещеры идет зигзагами по берегу реки Моквы и нужно не раз переправляться через нее». [15, с. 106]

Железнодорожное сообщение пока было не завершено в

строительстве. Поэтому путеводитель предлагал отдыхающим добираться морскими путями. «Морское сообщение между портами: Гагры, Новые Гагры, Гудауты, Новый Афон, Сухум и Очемчиры».

Самым лучшим шоссе названо побережное, соединяющее Сухум с Новороссийском. Очемчира упоминается в маршруте Драндского шоссе. Оно шло из Сухума по берегу моря, через «Маджару, Дранды, Кодор, Очемчиры, Гудагу, Гогиру и Поти» [15, с. 113]

«Спутник экскурсанта по Абхазии», выпущенный в 1928 г., предлагает следующий маршрут в районе Очемчирского района: «Ткварчельский маршрут». По нему сначала следовало добраться до Очамчыры из Сухума (на автомобиле или пароходе). «В Очемчирах ночевка на базе ГПП (Главполитпросвета – прим. Ф. К.). Далее или пешком или на линейках по следующему маршруту: Очемчиры – с. Беслахуб – с. Акваске (17 км от Очемчир, ночевка в школе, если экскурсия совершается пешком) – с. Падгу – с. Ткварчелы (33–35 км от Очемчир). Ночевка в Ткварчельской школе. Экскурсии к месту пробной разработки угля и к Ткварчельским теплым серным источникам.

2-ая ночевка в Ткварчельской школе и возвращение в Очамчыры – Сухум. Общая продолжительность экскурсии – 5 или 7 дней. [22, с. 162]

Экскурсионной работой руководило Экскурс. Бюро при Главполитпросвете ССР Абхазии. В сезон 1928 г. Бюро организовало свои базы в школах. В Очамчыре это была база на 20 человек в Грузинской 9-летней школе. Базы были оборудованы матрацами и кипятильниками. Устанавливалась плата; с учащихся – 30 коп., с членов союзов – 35 к., с остальных – 40 коп. в сутки.

Отводилось экскурсантам и помещение в школе для ночлега, например, в Ткварчелах при оплате сторожу. Экскурси-

онное бюро предоставляло руководителей-экскурсоводов за дополнительную плату. Устраивались лекции и беседы на краеведческие темы.

Список лекторов:

В. М. Козлов. Тема лекций: «Культуры и переработка лекарственных, технических и душистых растений».

Н. М. Васильев. Тема: «Сельское хозяйство Абхазии, его экономика и перспектива его развития».

М. М. Иващенко. Тема: История и археология. (Иващенко в последующем – один из исследователей, проводящих археологические раскопки на территории Очамчыры – прим. Ф. К.) [15, с. 167–168]

В том же «Спутнике экскурсанта» предлагались автомашины для экскурсии по предварительному заказу в любое время («Кавторгпромартель Инвалидов»). Среди обслуживаемых линий была «Сухум – Очемчиры – Зугдиды» [22, с. 170]

В путеводителе Анисимова «Военно-сухумская дорога. Курорт Теберда» 1930 г., в главе «Экскурсии из Сухума. Минеральные источники» предлагается среди других маршрут на Аборанские, или Ткварчельские, серные источники. Сначала можно было добраться до Очамчыры на пароходе или по шоссе. Затем на колесной дороге 12 км, а следующие 20 км – по вьючной дороге. «Народный» курорт находился в верховьях реки Галидзги. В летние месяцы у Ткварчельских источников располагался лагерь больных, которые лечились от ревматизма и болезней обмена, человек в 300. [1, с. 616]

Заключение

1920-е – 1940-е годы – первые десятилетия установления советской власти в Абхазии. Эти годы были сопряжены с огромными трудностями для всего абхазского народа. В условиях разрухи и голода, при отсутствии нормальных жилищ-

но-бытовых условий необходимо было мощными темпами поднимать экономику и промышленность республики, общий уровень жизни населения.

Именно это время стало началом нового периода для Очамчыры, в официальном статусе города. Мы попытались на основе собранных материалов в общих чертах проследить изменения, которые коснулись нашего города, как и всей республики в целом, в 1920-е – 1940-е гг.

Однако это лишь первые шаги. История Очамчыры, в т.ч. упомянутого периода, требует дальнейшего, углубленного изучения.

Список литературы:

1. Анисимов С.С. Военно-сухумская дорога. // Сб. Кавказский край. Сост.: Джергения С.И. – Фонд первого Президента Республики Абхазия – Сухум, 2022.

2. Анисимов С.С. Черноморское побережье. // Сб. Кавказский край. Сост.: Джергения С.И. – Фонд первого Президента Республики Абхазия – Сухум, 2022.

3. Багапш Н.В. Очамчыра. // Абхазия. Краткая энциклопедия / Гл. ред. В.Ш. Авидзба. Научно-исследовательский центр «Абхазская энциклопедия»: В 2 т. Т. II. – Сухум – СПб., 2022.

4. Багапш Н.В. Очамчырский район. // Абхазия. Краткая энциклопедия / Гл. ред. В.Ш. Авидзба. Научно-исследовательский центр «Абхазская энциклопедия»: В 2 т. Т. II. – Сухум – СПб., 2022.

5. Багапш Н.В. Очемчирский округ. // Абхазия. Краткая энциклопедия / Гл. ред. В.Ш. Авидзба. Научно-исследовательский центр «Абхазская энциклопедия»: В 2 т. Т. II. – Сухум – СПб., 2022.

6. Габелая А.С. Экономическое развитие Абхазии в годы НЭПа // Времена. Историко-культурный альманах. № 3–4. Гл.

редактор: Авидзба А.Ф. – НИЦ «Абхазская энциклопедия « Абхазское историческое общество. Сухум, 2025.

7. Дбар А.Я. Очамчырская больница. // Абхазия. Краткая энциклопедия / Гл. ред. В.Ш. Авидзба. Научно-исследовательский центр «Абхазская энциклопедия»: В 2 т. Т. II. – Сухум – СПб., 2022

8. Дбар А.Я. Очамчырская железнодорожная станция. // Абхазия. Краткая энциклопедия / Гл. ред. В.Ш. Авидзба. Научно-исследовательский центр «Абхазская энциклопедия»: В 2 т. Т. II. – Сухум-СПб, 2022.

9. Дбар А.Я. Очамчырская таможня. // Абхазия. Краткая энциклопедия / Гл. ред. В.Ш. Авидзба. Научно-исследовательский центр «Абхазская энциклопедия»: В 2 т. Т. II. – Сухум – СПб., 2022.

10. Дбар А.Я. Очамчырский дворец культуры им. Р.А. Цвижба. // Абхазия. Краткая энциклопедия / Гл. ред. В.Ш. Авидзба. Научно-исследовательский центр «Абхазская энциклопедия»: В 2 т. Т. II. – Сухум – СПб., 2022.

11. Дбар А.Я. Очамчырский стадион им. В. Дараселия. // Абхазия. Краткая энциклопедия / Гл. ред. В.Ш. Авидзба. Научно-исследовательский центр «Абхазская энциклопедия»: В 2 т. Т. II. – Сухум – СПб., 2022.

12. Делба З.П. Очамчыра // Очамчыра 2500 лет. // Гл. ред.: В. Ш. Авидзба, сост.: А. И. Джопуа. – Сухум – Н. Новгород, 2008.

13. Кондратьева Ф.Н. К истории пожарной части г. Очамчира (к 100-летию со дня основания) // Времена. Историко-культурный альманах. №3–4. Гл. редактор: Авидзба А.Ф. – НИЦ «Абхазская энциклопедия», Абхазское историческое общество. Сухум, 2025.

14. Куправа А.Э. Труды. Абхазия в начале становления советского общества. 1921-1925 годы. Том I. – АбИГИ. Сухум, 2013.

15. Курорты Абхазии. Путеводитель с приложением краткого очерка осенне-зимних курортов СССР / сост.: Л.Б. Корец, 1925 // Печатные издания Советской Социалистической Республики Абхазия (1921–1931): Сборник. Вып. V / Сост.: Е.Г. Гегия, А.Я. Дбар, Е. С. Салакая. – Сухум, 2026.

16. Лакоба Н.А. Статьи и речи. Сухуми, 1987.

17. Левинтас В. История Черноморской железной дороги. // Проза.Ру.: сайт. URL: https://proza.ru/2023/10/22/1007?ysclid=mnttnmi6jd555739272 (Дата обращения: 11.04.2026).

18. Олонецкий А.А. [Исторические очерки о городах Абхазии] – Вестник АНА, 2022 (подготовка текста, введение, примечания И.О. Казанба, А.Я. Дбара).

19. Прицкер Л.М. Города и городская жизнь Абхазии. 1921–1941 гг. // Архив Абгосмузея. Фонд 7, дело 93.

20. Прицкер Л.М. Очамчыра // Советская Абхазия. № 206, 20 октября 1972 г.

21. Прицкер Л.М. Советская Абхазия в датах. Сухуми, 1981.

22. Спутник экскурсанта по Абхазии (сост. А.А. Орынянский под. ред. А.М. Чочуа, Д.И. Гулия, С.П. Басария и К.Д. Кудрявцева). Сухум, 1928 // Печатные издания Советской Социалистической Республики Абхазия (1921-1931): Сборник. Вып. V / Сост.: Е.Г. Гегия, А.Я. Дбар, Е.С. Салакая. – Сухум, 2026.

23. Шамба С.М. Очамчыра – один из древнейших городов мира. // Очамчыра 2500 лет. // Гл. ред.: В.Ш. Авидзба, сост.: А.И. Джопуа. – Сухум – Н. Новгород, 2008.

Самуэль Давидян, Варлам Кетия[1]

АБХАЗСКАЯ ФИЛАТЕЛИЯ

I. Советский период.

Первые марки, связанные с Абхазией, появились в советское время. В 1947 г. вышли марки посвященные дому отдыха «Рица» (г. Гагра), санатории «Абхазия» (Новый Афон), а также марка с изображением агавы с подписью «Сухуми. Растение Агава цветет очень редко». В 1951 г. была выпущена марка, посвященная цитрусам Абхазии с подписью: «Дадим стране больше лимонов, апельсинов и мандаринов». В 1959 г. увидела свет марка посвященная озеру Рица.

Абхазское республиканское отделение всесоюзного общества филателистов было создано в Сухуме в 1963 г. (первоначально носило название: Абхазское областное общество коллекционеров). Общество, в которое входило больше ста человек, объединяло не только филателистов, но и коллекционеров монет, открыток, репродукций картин, грампластинок и т.д. Возглавлял его историк Лазарь Прицкер. Также при обществе был открыт детский отдел, которым руководил Георгий Чхартишвили.

II. Постсоветский период.

История современной абхазской филателии связана с именем Эдуарда Пилия, который занимался разработкой всех марок Абхазии. На первой марке, вышедшей в 1993 г., был

[1] Авторы статьи – школьники, ученики 11-го класса Гагрской средней школы № 2 им. В.И. Попкова.

изображен ястреб на фоне Кавказских гор. Марку эту сделал художник А. Мальцев. Затем в Абхазии вышло еще множество марок. Наибольшую популярность имели марки с изображением знаменитых людей Абхазии: ученых Соломона Званба, Георгия Дзидзария, Юрия Воронова, Николая Альбова, писателей Дмитрия Гулиа, Иуа Когониа, Баграта Шинкуба, танцора Муты Кове, актера Шараха Пачалиа, долгожителей Ашхангери Бжания, Дамея Мархолиа, Джгуада Дженя, Джото Хециа и др. Были также выпущены марки с изображением Корнета Лакербай, Нестора Лакоба и Сарии Лакоба. Выпускались еще марки с малоизвестными людьми, к примеру, марка посвященная писательнице убыхского происхождения Зубейдет Шхаплы.

При выпуске абхазских марок Эдуард Пилия столкнулся с серьезными проблемами. Первая проблема заключается в том, что Абхазия не было членом Всемирного почтового союза, что де-юре делает все абхазские марки неофициальными. Второй проблемой является то, что права на производство абхазских марок были проданы американской компании (по другой версии, немецкой). В настоящее время по всему миру распространены неофициальные (поддельные) абхазские марки. Они посвящены животным, растениям, поп-звездам, картинам и т.д. На сегодняшний день в мире существует огромное количество псевдо-абхазских марок. Их можно встретить выставленными на продажу на просторах интернета. Поддельные абхазские марки приобрели популярность и практически полностью вытеснили оригинальные.

После смерти Э. Пилия в 2012 г. вышло всего несколько марок. В 2013 г. абхазские марки перестали выпускать.

III. Личности.

Безусловно, главная личность в современной абхазской филателии – это уже упоминавшийся выше Эдуард Пилия, обладавший полной коллекцией всех марок Абхазии. К сожале-

нию, в ночь с 30 на 31 января 2012 г. случился пожар на сухумской почте, и вся его коллекция сгорела.

Большая коллекция абхазских марок хранится у главного врача Сухумской городской клинической больницы – Вячеслава Абухба.

Одним из самых известных собирателей марок в Абхазии считается Анатолий Тарба, который занимается этим больше 50 лет. В советское время к нему приезжали советоваться по вопросам филателии со всего Союза.

Мы надеемся, что абхазская филателия должна возродиться, но это может произойти только при поддержке государства.

Использованная литература

1. Почтовые марки республики Абхазия: Каталог 1993–2003. – Сухум, 2004.

2. Дбар А.Я. Абхазское республиканское отделение всесоюзного общества филателистов // Абхазия: Краткая энциклопедия в двух томах / Гл. ред. В.Ш. Авидзба. Т. 1. – Сухум – Санкт-Петербург, 2022.

ПИСЬМО АКАД. Н.Я. МАРРА НЕСТОРУ ЛАКОБА

Уважаемый товарищ Нестор Лакоба!

Согласно вашему пожеланию я посылаю суммарное изложение моих взглядов по шести вопросам, поставленным Вами мне при нашей первой встрече.

1. **Шрифт.** Мнение мое по этому вопросу, как Вам известно, было заслушано в специальной комиссии 30 июня 1924 г., которая постановила принять в основу аналитический алфавит мой из латинских букв почти исключительно. Согласно предложению той же комиссии, я его приспосабливаю к рукописному использованию и готовлю записку о нем для доклада на Абхазском краеведч. съезде в Сухуме.[1]

2. **АбНО[2] и его доорганизация.** Недостаточное знакомство с условиями работы и наличными сейчас планами самого общества, поскольку я не имел случая встретиться с его председателем Барачем,[3] не дает мне возможности быть полным хозяином вопроса, но одно могу без риска, думаю, быть торопливым утверждать: необходимо усилить исследовательскую часть общества, посвященную науке о человеке, как общественном деятеле, в Абхазии в прошлом и настоящем, о языке и эпосе, фольклоре, народных песнях, сказках, преданиях,

---

[1] Имеется в виду Первый съезд деятелей по краеведению Черноморского побережья и Западного Кавказа, который состоялся в сентябре 1924 г. в Сухуме; в нем Н. Марр был избран председателем и выступил с двумя докладами: «Абхазоведение и абхазы», «Об аналитическом латинском алфавите абхазского языка».

[2] АбНО – Абхазское научное общество (1922–1931).

[3] Барач Герман Павлович (1879–1961) – ихтиолог, председатель АбНО (с 1923 г.).

верованиях и т.д., и т.д., равно как памятниках материальной культуры. В этом смысле постановление уже упомянутой выше комиссии образовать секцию абхазского языка при АбНО должно быть, по возможности, немедленно осуществлено. Не беда, что из ученых специалистов пусть на первых порах будут любители и соревнователи, при некоторой руководственной программе и они могут сделать большое дело, именно то, что сейчас нужно. Конечно, для будущего времени приливу собственных научных сил посодействует «командировка двух или более молодых абхазов» к нам для занятий, как это также постановлено той же комиссиею, а пока надо пользоваться всеми готовыми научными силами, которые могут быть использованы в этих целях вне Абхазии. Между прочим, было бы желательно связать какой-либо работой, вовлечь в круг интересов абхазоведной секции АбНО А.Н. Генко,[1] который, теоретически, прекрасно подготовленный, стремится выучиться абхазскому, и приезд его на Ваш съезд положит этому, по всей вероятности, начало. Вообще, было бы хорошо абхазоведной секции АбНО обзавестись немедленно помещением для оборудования лаборатории по языковедной, этнографической и археологической работе. Мы наезжали бы для работ, и секция подобрала бы молодых сотрудников, которые на практике и эпизодических курсах вырабатывались бы в самостоятельных деятелей, прежде всего по научной регистрации и охране ценнейших памятников речи и материальной культуры, иначе обреченных на гибель. И сам предстоящий съезд должен дать в этом отношении творческий толчок.

3. **Труд Дм. Иос. Гулия.**[2] На вопрос о печатании его ответ мною одновременно с этим посылался для доклада Вам в наркомат просвещения.

---

[1] Генко Анатолий Несторович (1896–1941) – языковед, этнограф-кавказовед.

[2] Имеется в виду «История Абхазии» Д.И. Гулиа, выпущенная Наркомпросом ССР Абхазии в Тифлисе в 1925 г.

4. **Участие в съезде.** Я сделал все, что было в моих силах, чтобы заинтересовать ученых и создать тягу по краеведческому съезду в Абхазии. Изъявили готовность и готовятся быть участниками съезда от Академии истории материальной культуры акад. С.Ф. Ольденбург[1] (он же д. член Академии наук, непременный ее секретарь), проф. Б. Вл. Формаковский,[2] ученый секретарь Академии мат. культуры, известный историк искусств, Ал. Петр. Смирнов,[3] серьезный молодой византинист, и два специалиста по архитектурным памятникам – Н.М. Токарский,[4] д. член Акад. ист. мат. культуры, А.П. Удаленков,[5] ответств. работник ленинградского отделения Главнауки и научный сотрудник по реставрации и охране памятников. Они оба имеют от меня специальные поручения попутно зарегистрировать, первый – имеющие быть осмотренными средневековые арх. памятники зодчества Абхазии, второй – археологич. От всех них посылаются заполненные анкеты. Съезд обязательно должен устроить несколько экскурсий, из них одну около Цебельды было бы хорошо соединить с рекогносцировочными раскопками.

Дальнейшие связи определятся составом работников, которых удастся завлечь в абхазское исследовательское дело по ее языку, быту и памятникам материальной культуры. Многое определится после съезда и главным образом завершения начатой к нему подготовки.

Программа. То же могу сказать про программу, так как не

[1] Ольденбург Сергей Федорович (1863–1934) – востоковед, филолог; приехать в Сухум на краеведческий съезд в 1924 г. ему не удалось.

[2] Фармаковский Борис Владимирович (1870–1928) – историк искусства и археолог.

[3] Смирнов Алексей Петрович (1899–1974) – историк и археолог.

[4] Токарский Николай Михайлович (1892–1977) – архитектор и историк архитектуры.

[5] Удаленков Александр Петрович (1887–1975) – архитектор, реставратор, исследователь архитектуры.

хотелось бы – я набросал было ее еще в Сухуме – заставлять вас тратить время на чтение конкретно не обоснованной схематической планировки предприятий, желательных и возможных, но не рассчитанных на способные выполнить их рабочей силы. В известной мере характер «дальнейших связей» (п. 5) и «программу» местной исследовательской организации записи Вашей республики по гуманитарной части, естественно, с краеведческим или родиноведным уклоном, определит, если урегулируется положительно печатание наших абхазоведных трудов, хотя бы пока «тех немногих» или значительных, о которых Вам доложат осведомляемые обстоятельно особо ответственные работники, стоящие во главе Вашего наркомата просвещения.

Архив Историко-мемориального музея Н.А. Лакоба, НВФ–1363, 1–9. Фотокопия.

Материал подготовила Е.Г. Гегия

Сергей Микадзе[1]

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

…С военным комиссаром Абхазской АССР Михаилом Антоновичем Джергения и командующим абхазского эскадрона Иосифом Константиновичем Черкезия я встретился осенью 1937 года в центральной республиканской тюрьме города Тбилиси.

Камера набита битком. Люди сидели и лежали на цементном полу. Среди чужих людей эти два человека казались мне родными; ведь я и моя мать – уроженцы Абхазии. Вместе мы пробыли несколько месяцев, ели из одной посуды и спали рядом. Но вскоре я стал замечать, что они мне оставляют большую часть баланды, а себе меньше. Мне стало стыдно, что я их объедаю. И я наотрез отказался с ними есть…

Они постоянно стоят перед моими глазами, как живые… Все мы были по 58-й статье. Но у Черкезия и особенно у Джергения было много пунктов: организация, террор и 58 через 17… Особенно сильно истязали Михаила Антоновича. Его приводили с допросов избитого до крови, арестованные окружали его плотным кольцом, в камере тишина, и он рассказывал тихим, спокойным голосом о перенесенном ужасе. Некоторые арестованные не могли вынести нечеловеческие муки и теряли рассудок… Самое страшное было ночью, когда вызывали на допрос и увозили на расстрел… С 3-го этажа нам слышны были крики несчастных жертв, это их «черный ворон» увозил на расстрел…

[1] Микадзе Сергей – житель Гудаутского района; был репрессирован в 1937 г., позже реабилитирован. Воспоминания записаны были в 1964 г.

Позднее, даже на передовой, мне не было так страшно, как в камере. Кругом цемент – негде и никак нельзя защитить себя от смерти…. В этапе, лагерях, на фронте – я все время их разыскивал, и не мог допустить мысли, что их убили…

Материал подготовила Диана Ахба

Из личного архива Дианы Ахба

Марина Коджабашян[1]

ВОСПОМИНАНИЯ

Моя бабушка Сирануш родилась в 1905 году в Цебельде. Она не была потомком тех армян, которые бежали в Абхазию после геноцида. Ее предки поселились здесь гораздо раньше. По рассказам мамы я знаю, что ей было всего 14 лет, когда Левон Топчян и его родственники похитили ее. Эта история была у всех на слуху в Цебельде, ведь все знали про вражду между двумя кланами: Топчянов и Зейтунянов. Мама моей бабушки была Зейтунян. Топчяны были гордыми и уверенными в себе людьми. Уверенности им, кроме всего прочего, придавал тот факт, что они были очень близки с Нестором Лакоба. Не знаю, насколько это правда, но моя тетя утверждала, что один из ее родственников был крестником Лакоба.

[1] Коджабашян Марина Степановна – начальник Учебного отдела Абхазского государственного университета. Текст ее воспоминаний публикуется впервые.

В браке с Левоном у моей бабушки родилось трое детей: Тигран (отец Левы), Варсеник и Геворк. В 1929 году Левон был расстрелян вместе с отцом и братьями. Моя тетя Варсеник называла местом казни район, который ныне называется «Мимозовая роща».

По рассказам тети все началось с убийства члена партии, некоего Папазяна. Не знаю, что послужило поводом для убийства, но это стало поводом для ликвидации клана Топчянов, которые чувствовали себя хозяевами в Цебельде и очень мешали политике большевиков с идеей объединения крестьян в колхозы.

После казни невиновных мужей, жены ждали, как им тогда казалось, неминуемой высылки в Сибирь. Поэтому родственники бабушки подсуетились и насильно выдали ее замуж за Хачатуряна Семена, который, аккурат к этому времени, оказался в разводе. В этом браке родился единственный ребенок – моя мама.

Ожидаемая высылка не состоялась. Мой дед усыновил всех детей бабушки от предыдущего брака и дал им свою фамилию (позже отец Левы вернул себе фамилию родного отца). Очень хочется написать пару слов о моем деде – Семене Хачатуряне. В момент женитьбы на бабушке он был председателем колхоза в Лате и считался очень влиятельным человеком. Он смог защитить мою бабушку, ее детей и очень много сделал для ее родных. Его считали революционером и сотрудником органов. От двух предыдущих браков у него уже было четверо детей: два сына от Дарьи Воронцовой и двое детей от Елены (фамилию не помню). Дед много рассказывал о первой жене, называл ее «графинюшкой», я думала, что это просто ассоциация с ее дворянской фамилией, но люди, которые помнили ее, вспоминали, что это так и было. Я не берусь это утверждать. Несчастная умерла при родах.

Дед был родом из Грузии. Его прошлое мне до конца неизвестно. По его словам он родился «между Кутаиси и Хашури в бричке, в каком именно месте не помню!» Говорят, что именно так он ответил на допросе, а потом несколько лет отсидел в Кутаисской тюрьме. Думаю, что за грабеж. По рассказам тети, все ворованное он сбывал, а вырученные деньги отдавал в казну партии. Мне было восемь лет, когда он умер, поэтому я застала его уже в глубокой старости. Хорошо помню его рассказы о Горьком. О том, как писатель путешествовал по Абхазии и добрел до Латы. Здесь они встретились и несколько раз вместе выпивали до глубокой ночи.

Я уже писала, что у него было двое детей от первого брака – два сына: Иван и Семен. В нашей семье есть легенда, а может и не легенда, но эта история очень загадочная и много лет не дает покоя моей матери. Я несколько раз пыталась выяснить ее правдивость, но мне это не удавалось. Мой старший дядя Иван на момент начала Великой Отечественной войны отбывал наказание в тюрьме за убийство, не знаю где, и, прямо оттуда был отправлен на фронт в составе штрафного батальона. А дядя Сема закончил Тифлисское артиллерийское военное училище и погиб в 1942 году в Крыму.

Дедушка рассказывал, что во время войны (а по одной из версий после войны) к нему приехали двое в форме и привезли его в Сухум. Здесь ему завязали глаза и куда-то повели. Ему по ощущениям показалось, что это было подземелье. Когда ему открыли глаза, перед ним стоял его сын. Они пообщались, и дядя сказал, что он выполняет секретное задание, и если вернется, то значит, что он его выполнил, а если не выполнит, то дедушка никогда о нем ничего не узнает. Потом деду снова завязали глаза и повели обратно. Я сознательно пишу «дядя», не называя имени, потому что мама говорит, что это был дядя Иван, а тетя, что это был Семен. Я часто думаю, неужели де-

душка это выдумал? Зачем ему это? Возможно ли что-то выяснить?

Хочу еще несколько слов написать о моей бабушке. В детстве я не подозревала, что ее зовут Сирануш, мы называли ее мама Люба (Сирануш – по-русски Любовь). Она умерла в 1975 году. Я была тогда совсем маленькой девочкой, но очень хорошо помню ее. Она была всегда подтянута, в чистом накрахмаленном переднике, аккуратно причесана. Бабушка не была темной деревенской женщиной. Мумджяны были достаточно обеспеченными людьми. Мой прадед то ли владел, то ли арендовал домик в районе Красного моста (я не знаю более точного местонахождения), его дети учились в Сухуме. Бабушка закончила женскую гимназию. Моих старших сестру и брата она научила читать и писать по-русски и нотной грамоте.

Два ее старших брата были коммерсантами. Один из них, Арамаис, занимался табаком. Его сын, мой дядя Вартан вспоминал, что его отец был осужден и расстрелян по знаменитому табачному делу. По его рассказу некий итальянский предприниматель закупил в Абхазии большую партию табака. Оказалось, что груз был сфальсифицирован. Высший сорт был подменен более низким по качеству. В результате расследования виновным был признан Арамаис Мумджян.

Второй брат моей бабушки – Амбарцум тоже занимался коммерцией, ездил по европейским странам, привозил разного рода товар, владел магазинами в Сухуме и Цебельде. Я была очень привязана к его дочери, моей тете Алле. Очень жалею, что уже будучи взрослой девушкой, не задумалась над тем, что ее воспоминания бесценны. Мы с ней провели много вечеров за интересной беседой. Однажды, я призналась, что восхищаюсь Сарией Лакоба. Тетя посмотрела на меня и сказала: «Неудивительно, я тоже восхищалась ею!» Оказалось, что она училась в одной школе с Рауфом Лакоба и очень хорошо его помнила.

Как-то она рассказала мне историю про братьев Рейнгардт. У барона Рейнгардта было имение в Цебельде, местные называют это место «Ренгарт». Как ни странно, до сих пор сохранился фундамент господского дома, где и поныне живет семья Данелян. Естественно, после революции барон лишился всех своих домов и имений. Имущество отошло государству. Цебельда была его летней резиденцией, а постоянным местом жительства был Питер. Тетя Алла вспоминала, что будучи в одной из своих поездок в Питере, ее отец случайно встретил братьев Рейнгардт в одной из харчевен. Они были запуганы, разбиты, без средств к существованию. Амбарцум был очень дружен с ними в детстве, поэтому сделал все от него зависящее, чтобы выручить их. Помог приобрести документы (поддельные паспорта) и способствовал их последующей эмиграции в Германию.

Еще тетя рассказывала о дружбе с Краевичами, о несостоявшемся браке ее брата с одной из женщин этой семьи (в ее имени я могу ошибиться).

К сожалению, все-таки часть семьи не избежала гонений. Младший сын Левона и моей бабушки был впоследствии усыновлен ее старшей сестрой и вместе с приемными родителями был выслан в Казахстан. Моя мама закончила школу в городе Алма-Ата. Туда же вслед за своей гречанкой-женой последовал мой дядя Вартан. Оба моих родственника не вернулись больше в Сухум. Дядя Вартан ни разу не приехал после ссылки в родной город. В 1986 году я гостила у него в Алма-Ате. Он рассказал мне очень много красивых историй о Сухуме. Меня удивляло, что человек, который так беззаветно любил свой город, не хочет его увидеть снова. Дядя ответил, что его сердце осталось в Старом Сухуме, и ему не интересен его новый облик.

К сожалению, уже ушли из жизни все мои дяди и тети. Несмотря на перенесенные испытания, они прожили долгие

жизни. В Цебельде живет только мой двоюродный брат Лева в доме нашего с ним прадеда Акопа Мумджяна.

Когда я читала воспоминания Е. Рафальской,[1] некоторые из рассказанных ею историй я уже слышала от тети Аллы, но у меня остались отрывочные воспоминания.

Александр Рубакин[2]

НАД РЕКОЮ ВРЕМЕНИ

(Фрагмент из воспоминаний)

В 1927 году мне пришлось по поручению Наркомздрава и Института эндокринологии выполнять очень своеобразное поручение – привезти партию обезьян в Сухуми [в 1927 году город назывался Сухум, как и в настоящее время – ред.], где было решено создать обезьяний питомник для опытов на обезьянах. Об этом стоит сказать несколько слов.

Было действительно замечательно, что в 1927 году, когда наша страна только начала оправляться после гражданской войны, голода и разрухи, наши ученые уже думали о новых путях в медицине и биологии, а Советское правительство предоставляло им средства на это. Одним из инициаторов учреждения в Сухуми питомника для обезьян был Н.А. Семашко. В Европе тогда обезьяны стоили дорого, их обычно покупали в зоопарке Хагенбека в Гамбурге, причем часто они оказывались уже больными. Было решено послать экспедицию в Африку под руководством замечательного советского ученого, профессо-

---

[1] Рафальская Е.В. Из окна вагона: Воспоминания / Сост.: С.З. Лакоба. – Сухум, 2021. – 188 с.

[2] Рубакин Александр Николаевич (1889–1979) – врач, поэт, журналист; в 1927 г. привез из заграницы первую партию обезьян в Сухум, для создававшегося там обезьяньего питомника.

ра И.И. Иванова для поимки или купли обезьян на месте, во Французской Гвинее. Но предварительно нужно было исследовать условия, которые требовались для содержания обезьян в Европе, так как большинство их в лабораториях и зоопарках быстро погибало. С этой целью во Францию был послан известный московский ветеринар Яков Андреевич Тоболкин. Тоболкин был интересной и яркой личностью. Очень знающий ветеринар, остроумный собеседник, блестящий рассказчик, в особенности о временах, когда он занимался ветеринарной практикой. Тоболкин горячо откликнулся на поручение и воспылал интересом к обезьяньему питомнику. В Париже я первым делом повел его в Пастеровский институт, где был большой обезьяний питомник для шимпанзе. Но в нем обезьяны очень быстро умирали. С Тоболкиным мы выяснили причину смерти обезьян. Эти животные не могут жить без развлечений, у них абсолютная потребность жить в живой среде, смотреть вокруг себя, развлекаться. В Пастеровском же институте клетки с шимпанзе выходили в узкий коридор внутри здания, без окон на улицу. Кроме стены напротив, эти животные ничего не видели. Они скучали, тосковали, и у них психические переживания оказывали огромное влияние на здоровье.

Мы познакомились с известным французским ученым, доктором С. Вороновым, имя которого тогда прогремело на весь мир благодаря его опытам по «омоложению» людей и животных путем пересадки им половых желез. Но опыты Воронова оказались неудачными. Обычно железы, привитые человеку или животным, быстро рассасывались и их действие проходило. В других же случаях они вообще не приживались: тут действовало то, что мы теперь называем биологической несовместимостью тканей, так же как несовместимы различные группы крови у разных людей.

Воронов принял нас очень любезно. Это был красивый,

высокого роста мужчина, элегантно одетый. У него был брат Александр, хирург, который и производил операции под руководством своего брата. Обычно эти операции делались богатым людям, так как деньги за них брали бешеные. Братья Вороновы были из Средней Азии, кажется, из Ташкента, но еще в конце 90-х годов их семья переселилась во Францию. Все они прекрасно говорили по-русски. Были они очень богаты, в особенности Сергей. Он имел роскошную квартиру в Париже и имение в Италии, на самой границе с Францией. Там он устроил свой собственный питомник, который пригласил нас посетить.

Мы поехали к нему в Ментон. Ментон разделяется на две части – одна во Франции, другая в Италии. Итальянских виз у нас не было, но Воронов просто приехал за нами на машине и перевез через границу к себе – его имение прилегало к французской границе.

Имение было роскошное, с чудесным большим садом, множеством служб и, наконец, прямо царским домом-дворцом, отделанным и меблированным с необычайной роскошью. Питомник для обезьян помещался в саду, и Воронов с гордостью нам его показал. В нем для обезьян были все развлечения – они могли смотреть из своих огромных клеток на весь мир, на окружающих людей, на движение в городе и на дороге, их кормили пищей, привезенной непосредственно из Африки. Воронов очень любезно показал нам все и дал необходимые советы по содержанию обезьян. Его указания были очень ценны.

После поездки Тоболкина во Францию, в Африку выехала экспедиция И.И. Иванова – он и его сын. Иванова интересовала возможность скрещивания человекоподобных обезьян с человеком, так как это могло указать на степень их «родства». Как известно, очень далекие друг от друга породы животных не могут скрещиваться и давать потомство. Эндокринологов

интересовали проблемы пересадки половых желез обезьян, лепрологи хотели изучать проказу на обезьянах и т.д. Словом, для каждой отрасли медицины обезьяны были нужны.

Ивановы отправились в Гвинею за обезьянами. Но охота за обезьянами оказалась неудачной – поймать обезьян самим им не удалось.

Обезьян пришлось в Гвинее купить и на пароходе доставить в Марсель. В Марселе их перевели временно в зоологический сад, но профессор Иванов заболел и решил вернуться прямо в Москву. Вот тогда-то Наркомздрав телеграфно велел мне забрать обезьян, погрузить на пароход и отвезти в Сухуми. Это и было мною выполнено.

Путешествие с самого начала оказалось очень трудным. Из трех десятков шимпанзе до Марселя доехало только полтора, да еще в Марселе погибло несколько. Оставалось всего около 13 шимпанзе, несколько павианов-гамадрил (собакоголовых), несколько мартышек и одна мангуста.

Нашелся пароход, шедший из Марселя в Новороссийск, капитан которого согласился доставить этот груз до Батуми, так как в Сухуми он не останавливался. Огромные клетки с шимпанзе погрузили на палубу. Каждая клетка состояла из двух отделений – для чистки их обезьян перегоняли из одного отделения в другое. Обезьяны были крупные и совсем дикие, прямо из тропических лесов. Для питания их я закупил в Марселе большое количество гроздей бананов, по 250 штук на грозди, яиц и других продуктов. Французские матросы отказались чистить клетки с обезьянами и кормить их, и мне пришлось все делать самому. Пароход был товаро-пассажирский, пассажиры все время ходили смотреть обезьян, и иногда им здорово попадало: подойдет человек к клетке, прислонится к ней, а шимпанзе протянет сквозь решетку руку и так ухватит смельчака, что тот взвоет от боли. Но меня обезьяны знали, привыкли ко

мне. Правда, они не хотели первое время принимать пищу: я разложу им в клетке яйца, а они к ним не подходят, едят только бананы. Но однажды я заметил, что, как только я отходил или отворачивался, обезьяна с воровским видом хватала яйцо, разбивала скорлупу и ела.

Пассажиры-французы не знали, зачем я везу обезьян на Кавказ, думали, что это для цирка, и меня называли «господин директор». Я сначала не понимал почему, пока капитан мне не сказал, что все считают меня директором цирка.

Пароход шел медленно, с большими остановками в Пирее, Стамбуле, Трапезунде. Для меня это было очень интересно, так как я успевал посмотреть эти города, и даже подробно. Помню, в Пирее меня поразило то, как греки делают мелкую монету, – в Греции была инфляция, бумажные деньги ходили всюду, а металлической мелочи не было. Поэтому при расчетах, если цена была не круглая, продавец брал у покупателя билет в 10 или больше драхм и просто разрезал его ножницами пополам – получалась сдача – пять драхм. Такой банковской операции я до этого нигде еще не видал.

Из Трапезунда мы поплыли в Батуми. Но обезьян у меня осталось уже совсем немного – одна за другой они подыхали по дороге, и мне приходилось хоронить их в море, сбрасывая в волны. Осталось только три. В Батуми пришлось пересаживаться на другой пароход, чтобы доехать до Сухуми. Пересадка оказалась очень трудной: нужно было перевозить клетки на лодках, поставив их поперек корпуса, и они каждую минуту могли свалиться в воду вместе с обезьянами. Меня выручил начальник местного ГПУ, который был извещен из Москвы: он достал нужные лодки и дал своих людей.

Еще труднее была высадка обезьян в Сухуми: здесь не было ни порта, ни причала. К счастью, море было гладкое, как зеркало, и таким же способом, как в Батуми, обезьян удалось пе-

ревезти на берег и там погрузить на телегу, запряженную лошадьми. Сухуми тогда был довольно захудалым, маленьким городишкой, с пыльными улицами, без мостов, по ночам кусали москиты и где-то плакали шакалы, а днем мы задыхались от жары и страшной влажности. В Сухуми уже все жители знали о приезде обезьян, и нас встретила целая толпа, в которой, разумеется, преобладали всезнающие мальчишки.

В Сухуми обезьян разместили в специально построенном вольере. Когда обезьян выпустили из клеток в вольер, они стали подпрыгивать и хлопать себя руками по ляжкам, совсем как люди, а потом принялись радостно обнимать друг друга. Выгрузил я здесь и оставшийся провиант.

В Сухуми я прожил недели полторы, а потом выехал в Москву.

Питомник с тех пор необычайно разросся, хотя и был опустошен в годы Великой Отечественной войны, когда обезьяны разбежались. В 1964 году я там побывал. Вместо пыльного, захудалого городишки Сухуми предстал передо мной как первоклассный чудесный городок с асфальтированными улицами, театром, большими магазинами и хорошими причалами. Выросший на базе питомника Институт экспериментальной патологии Академии медицинских наук СССР чествовал меня по поводу 35-летия прибытия первых привезенных мною обезьян. По иронии судьбы я стал «родоначальником» этих животных, как шутливо меня называли. В питомнике теперь уже свыше 1700 обезьян – это самый большой обезьяний питомник в мире. Тогда же я встретился с сыном покойного профессора Иванова, ныне академиком.

Рубакин А.Н. Над рекою времени: Воспоминания. – Москва: «Международные отношения», 1966. – С. 139–143.

Ольга Ваксель[1]

[ВОСПОМИНАНИЯ]

(Фрагмент)

Ночью стояли в Новом Афоне, монастырь которого, превращенный в гостиницу, мигал двадцатью четырьмя фонарями (я сосчитала). В 6.30 утра стали в Сухуме. Мы с трудом разыскали подходящую кофейню любезностью и самоотречением других хозяев, не имевших всего, что нам было нужно. В ботаническом саду пустынно, по улицам разъезжают настоящие горцы в бурках, верхом на крошечных клячонках, с громадными чалмами из башлыков. После Адлера видны снеговые горы, на берег понижается Очемчир, самое малярийное место. <…>

В Батуме мы пробыли несколько дней, много гуляли, много говорили, потом, выпив перед отъездом с капитаном, уехали на «Ленине» в Сухум. Ну, и п[аро]х[од] этот «Ленин». Он принадлежал раньше частной компании и был очень неблагоустроен. Когда п[аро]х[од] остановился в Сухуме, Лев сошел на берег, чтобы найти нам комнату, и вернулся через ½ часа за мной.

Он снял маленькую, беленькую комнату у гречанки, рукодельницы. Там мы провели 3 дня, лазая по горам, собирая цветы, греясь на солнце. Цвели мимозы, и я пела «Как в марте хорош Сухум, ай, ай, ай, когда в нем цветут мимозы». В день нашего отъезда разразился шторм с дождем, «Грузия» опоздала часов на 6, дождь лил непрерывно, волны перекатывались через набережную, т[епло]х[од] не мог пристать. Он стал

[1] Ваксель Ольга – актриса, поэтесса, манекенщица, мемуаристка; действие в ее воспоминаниях происходило в 1927 г.; писались же они в 1932 г. – Ред.

на якоре и ждал, когда сможет принять пассажиров. Мы тоже ждали под дождем, слоняясь с чемоданом по ближайшим кафе.

В 1-м часу ночи, наконец, решились подойти к стенке и начать посадку. Меня сунули в каюту к четырем другим женщинам, все остальное было занято, а Льва – в такую же к мужчинам. Наутро, когда суета улеглась, нам удалось получить такую же самостоятельную каюту, как на «Крыме», даже под тем же номером. Порядочно качало, мы сидели наверху и выходили часто на палубу, Лев учил меня ходить, чтобы не терять равновесие. Мы единственные с большим аппетитом обедали и старались поменьше сталкиваться в коридорах с пассажирами, которых поголовно укачало. На лестницах и на полу лежали беспомощные люди, не в состоянии подняться. Это было отвратительно. Но я все-таки вечером принимала ванну, хотя ½ воды выплеснулась на пол.

«Возможна ли женщине мертвой хвала?»: Воспоминания и стихи Ольги Ваксель. Москва, 2012. С. 142, 174.

О ПРЕБЫВАНИИ В СУХУМЕ В 1920 г. ПИСАТЕЛЯ И. ЭРЕНБУРГА

Поэт Максимилиан Волошин в письме А.И. Ивановой, написанном в Коктебеле 9/22 сентября 1920 г., сообщал:

«В декабре приехал Эренбург, который женился в Киеве на очень красивой, интересной и талантливой художнице Козинцевой. Всю зиму он провел в моем доме, но весной со мной поссорился страшно нелепым манером, выселился, вел себя как безумный, делал массу бестактностей и теперь уехал с женой в Батум, кажется, с надеждой пробраться в Москву».

В примечании составитель тома А. Лавров добавляет, что «Эренбург вместе с Л.М . Козинцевой-Эренбург и Я. И. Соммер переправился на барже из Феодосии в Сухум, оттуда через Поти в Тифлис, где они прожили две недели; в середине октября прибыли в Москву».[1]

Стало быть, Илья Эренбург в 1920 году посетил Сухум, пусть и проездом.

АВИАТОР ЧУХНОВСКИЙ И ПОЭТ МАНДЕЛЬШТАМ

Известный советский полярный летчик Борис Чухновский (1898–1975) в своих воспоминаниях рассказывает о том, как, отдыхая в 1930 г. в Сухуме, встретил незнакомого «обросшего человека», и узнал в нем поэта Осипа Мандельштама. Узнал Мандельштама по описаниям писателя Ильи Эренбурга:

«…Ну, и таких смешных моментов у Эренбурга было очень много. Причем его описание Мандельштама было настолько

[1] Волошин М. Сочинения. Т. 12. – Москва, 2013. – С. 330.

точно: и внешности, и поведения, и повадок, даже существа какого-то психологического, что... случайно увидев Мандельштама, не будучи с ним знакомым раньше, я тут же его узнал. Он поднимался к верхнему дому вместе с женой на пролетке по серпантину.

– Это в каком городе?

– В Сухуме[1]. И вот вижу, едет такая линеечка, линеечка южная, а в ней мужчина и женщина. Там стояла какая-то корзина, из нее что-то торчало, какой-то обросший человек... Это мне сразу напомнило рассказ Эренбурга, что Мандельштам всегда был обросшим...

– И Вы его узнали по описанию Эренбурга?

– Я не узнал, просто мне явилась мысль: "Этот похож на Мандельштама, как рассказывал Эренбург. Ну, прямо типаж эренбурговского Мандельштама". А наутро я узнал, что приехали Мандельштамы, муж с женой. А эта мысль у меня блеснула еще потому, что... там такой парапетик, и с него открывался вид от самого моря до въезда в основные ворота, где этот самый серпантин терялся: в общем, понурый такой вид и какой-то... – "Ну, прямо Мандельштам!" И Мандельштам оказался. Это я Вам рассказываю факт. Хотя Зощенко в таких случаях говорил: "Это не факт, это действительно так было"».[2]

---

[1] В апреле 1930 г. Чухновский одновременно с Мандельштамами отдыхал в привилегированном санатории в Сухуме.

[2] Осип и Надежда Мандельштамы в рассказах современников. – М., 2002. – С. 83.

Валерия Векилова[1]

[ИЗ ПИСЕМ И ДНЕВНИКОВ]

11/IX.1916 (из письма В. Векиловой своему отцу)

Тебе, папунчик, хорошо было бы провести осень в Сухуме. Это было бы очень хорошо. Возьми, папунчки, эти дурацкие три тысячи и поправляйся. Может быть я и без приданного выйду замуж.

В 1934 году В. Векилова отдыхала в Сухуме; должна была поселиться в **санатории** «4-го **марта»** (быв. «**Азра»**), но там проводился ремонт, в связи с чем, поселили ее в Доме отдыха им. д-ра Полугородника (быв. Санаторий д-ра Кошко).

[Письмо В. Векиловой матери]

Дорогая маманя! С трудом вырвала себя из объятий дремоты и решила написать тебе. Мои спутники так любезны, что предложили отвести тебе письмо.

Ты знаешь, конечно, что когда я села в вагон, то с удивлением и радостью увидела в купе наших сотрудников из наркомхоза, которые ехали в командировку в Сухум. В вагоне мы хорошо выпили и закусили. Не успели и отъехать немного от Тифлиса, как, взглянув в окно вагона, увидели зиму – воды покрытые льдом, крыши и горы – снегом. Утром тоже выпили и закусили, но слегка. В 12 часов приехали в Очемчири и по чудовищной грязи ринулись к автобусам, дорога от Очемчир стоила мне 14 руб. (11 р. билет и 3 р. чемодан)…

…Холод был отчаянный. Автобус был открыт с боков. Ноги мерзли ужасно. Впереди сидел какой то техник с завязанной

[1] Векилова Валерия Мартыновна (19 февраля 1901, г. Тифлис – 10 октября 1982) – архитектор.

щекой; он оказался сплошным рыцарем: дал свой плед, угостил красным вином, остальные спутники тоже были рыцарями и тоже оказывали мне много заботы и внимания.

Дорога была однообразна; огненно-рыжие кустарники, опушенные снегом, а вдали лиловатая сетка деревьев.

По приезде в Сухум (дождь, серое небо, холод) я рассталась со спутниками и взяв мальчишку для чемодана, пошла в дом «Имени 4-го марта» с тем, чтоб устроившись, притти опять в гостинницу, где остановились сослуживцы (они взяли с меня слово, что я обязательно приду). В «Доме 4-го марта» был действительно ремонт и мне пришлось пойти в филиал «Полугородник». Мальчишка взял с меня 15 р[ублей]. В доме отдыха мне сказали, что «конечно, можно устроиться на ночевку», но я уж не пошла туда, так как мы отправились в четвером в какой то ресторанчик, здорово там выпили и покушали шашлычков. Было очень приятно с ними – все в высшей степени воспитанные, джентельмены, развитые, много знающие и видевшие люди – я получила сплошное удовольствие. – А я решила, что раз у меня путевка с 26, я могу разрешить себе покутить 25-го.

Я не позволила им брать отдельный номер для себя (они бы не позволили мне заплатить, а я не хотела, чтоб они тратились, да и холод был ужасный, все равно нельзя было лечь по человечески в постель)... И мы прекрасно провели ночь вчетвером: мне дали отдельное ложе. Орджоникидзе получил тоже отдельную кровать, а Николаишвили и Зеленко легли вместе, при чем от холода, «кроме калош, ничего не сняли». Я то платье сняла – они вышли из номера для этого. Мы долго хохотали, глядя на Зеленко, лежащего под одеялом в меховой шапке, вместо ночного колпака.

Утром отправилась в дом отдыха, опоздав к завтраку... Кормят здесь неважно. Но это ничего. Только, почему то, другие заплатили за путевку по 400 рублей, а с меня взяли 450 р[ублей].

Доктор меня осмотрел и сказал, что порока сердца у меня нет, легкие зажили давно, но сильная сердечная возбудимость и истощение. Очень милый доктор. Сделали мне ванную.

На обед {вчера} дали суп с клецками (ничего себе), редиску, кусочки мяса с капустой и компот, в 5 час[ов] чай и 4 печенья, в 8 час[ов] большой кусок бабки (фарш с тестом) довольно вкусной, кисель и чай. В 9 часов кино. После обеда я спала, а после чая, разговорившись с одним отдыхающим, (оказалось, жил в нашем переулке в Тифлисе), пошла в город.

Здесь, видимо, будет скушно, но ничего. Буду отдыхать. Сегодня утром была у меня слабость и после кофе (консервы, кусочек масла и рисовая каша с черносливом) я лежала с обычными своими сердечными явлениями. Потом встала, чтоб написать тебе письмо. Говорили, что в основном санатории было гораздо комфортабельнее, так что мне не повезло. Наш домик отдыха очень маленький – на 30 человек отдыхающих.

Погода вчера вечером была уже лучше, а сегодня небо ясно, море спокойно, солнце ярко светит, – воздух очень хороший.

Я себя чувствую пока, как бы, сжатой, как-то – стесняюсь; даже неохота выходить к еде. Все пиначи какие то.

Нехорошо, что дом наш стоит очень высоко – на горе – трудно подниматься; кроме того, номер у меня во втором этаже, умывальная в 1-м, уборная в цокольном, а ванная в подвальном. Ну, ванной сравнительно редко пользуешься, а вообще сплошная беготня по лестницам все же утомляет.

Очень рада, что пока одна в комнате, – наверное, поселят кого-нибудь, но хоть немного побыть одной и то приятно.

Маманя, пишу тебе довольно бестолково и без всяких красот, – но так лень, так лень, – прямо ужас. Ты обо мне не беспокойся – отдыхай без меня, кушай масло и пр. Вас[илию] Иан. напишу потом. Вообще, я сейчас так отупела и устала, (очевидно, старость), что и не чувствую так сильно красот. Мне лишь бы полежать!

Отдыхающие здесь, как дети, ожидают вечернего развлечения: «А сегодня что? – спрашивают высокого молодого человека в очках (культработника). Оказывается, сегодня патефон с фокстротами.

Кажется я живу здесь уже 100 лет. Ох, хоть бы попозже вселили ко мне – так хорошо одной: можно до отвалу смотреть в зеркало на свои веснушки и возиться с прыщиками, – без критических наблюдателей и советчиков.

Сегодня на обед был суп с ушками, отбивная котлета (немного на воде, без масла) с гарниром и кисель. Правда, не особенно вкусно, но, по моему, ничего – довольно сытно.

Сейчас завалюсь до чая, а потом пойду в город за лекарством.

Целую тебя, дорогая, молись, чтоб я пополнела. Не волнуйся из за пустяков, не надрывай себя и не экономничай за счет своего здоровья. Целую.

Лера.

27/II-1934 г.

[Валерия Векилова в конце 1940-х гг. работала (с З. Поченцовой-Орлинской) над проектом павильона на станции «Ботанический сад» (позже – платформа Бараташвили, ныне – «Гума»). Ниже приводится фрагмент ее письма некоему Алексею, где она немного рассказывает о своей работе над остановочной платформой. Далее приводится одно ее заявление (1950 года), из которого мы узнаем, что ей было «поручено проектировать столовую в г. Сухуме»].

Из письма В. Векиловой некоему Алексею:

2/III-1947 г.

…«фантазией» был для меня и проект остановочной платформы в Сухуме… но об этом тоже потом…

После болезни я с большим увлеченьем работала по Сухуми, но в январе я опять заболела и 20 дней ходила с температурой – жалко было бросить проэкт на середине. В это время начальство меня ласкало и я превозмогала себя. Доведя проект до такого состояния, что можно продолжать его и без меня, я перешла на бюллетень и с 1/II не хожу на работу. Перед уходом очень поссорилась с начальством, ибо меня обидели материально, и морально. Все мои друзья настаивали, чтоб я не появлялась больше на службе, хотя я и была ходячая, – чтоб дать почувствовать этим административным гадам свое отсутствие. И на время я плюнула на архитектуру и занялась чтением своего дневника, чем чрезвычайно обогатила свою душу. Но первую неделю очень страдала от обиды и разочарования.

Служебное письмо В. Векиловой
Начальнику КГТ Директору-полковнику п/с С.Н. Кварцхава [от] архитектора В.М. В[екилово]й

Заявление

Довожу до Вашего сведения, что в настоящее время мне поручено проектировать столовую в г. Сухуме, между тем никакой литературы, ни типовых проектов в библиотеке КГТ не имеется, что крайне затрудняет проектирование; даже ОСТ›ы мне пришлось переписывать в другом учреждении, так как имеющиеся у нас устарели.

На просьбу мою отпустить меня на один час вчера 27/III,

чтобы поискать в других учреждениях подходящий материал, начальник отдела и главный инженер ответили мне отказом.

Между тем, по наведенным мной справкам, в Управлении по делам Архитектуры имеются новые утвержденные проекты, которые необходимы в той или иной мере использовать, но которые игнорировать КГТ не имеет права.

Прошу Вашего разрешения пойти на 1½ часа в Управление по делам Архитектуры для получения там нужного материала, – либо каким нибудь другим путем обеспечьте меня этим материалом.

В. В[екилов]а

28/III-1950 г.

Ноябрь 1948 г. [Из письма Векиловой В.М. Кисе]

Мастер, ведущий постройку, – весьма умный, опытный и энергичный человек, – прислушивается – (как это ни странно) внимательно к моим замечаниям. Он сказал, (послушала бы моя коровушка дорогая – Кэт – у которой я не пользуюсь никаким авторитетом), что главный архитектор отзывался обо мне, как о женщине «с богатой головой». Мне это было, естественно, приятно, хотя и немного непонятно – чем было вызвано такое впечатление. Между нами говоря, голова у меня, кажется, правда хорошая, но несомненно с дыркой, что проявляется иногда в страшной, – прямо катастрофической и прогрессирующей – рассеянности.

Между прочим, проезжая Сухуми, правда, вечером, увидела, промелькнувшую еще в лесах, но уже почти законченную сухумскую свою платформу – павильон, – очень изящную. Все говорят, что она выглядит, «как бомбоньерка» (в лучшем смысле этого слова).

За время моего отсутствия на службе все архитектора между собой переругались и перестали разговаривать на почве взаимных ущемленных авторских самолюбий и так как я сама пробыла в институте слишком мало, чтобы включиться и самой с кем нибудь поссориться, то мне приходилось выслушивать жалобы и нарекания обоих враждебных сторон, ощущая себя при этом двурушницей.

Декабрь 48 г. [Письмо В. Векиловой Екатерине, коллеге]

Дорогая Катя! Я забыла сделать на командировочном отметку, что не пользовалась квартирой, прошу Вас – пришлите мне справку.

Сегодня был страшный скандал на службе, – не успела я переступить порог, – а я так рвалась сюда: Кварцхава кричал, что я о себе воображаю, будто я профессор, а я кричала, чтоб он меня уволил. Представьте себе, – вместо того, чтоб вникнуть в то, что я делала и похвалить меня за хорошо проделанную работу, накинулись на меня с первого же момента. Так обидно такое отношение! За время командировки я привыкла к другому. А здесь только и заинтересованы в том, чтобы втаптывать меня в грязь. Я чувствую себя опять в капкане, в застенке… С Коч-м невозможно разговаривать – он ничего не усваивает, ни во что не вникает, – только бы поступать по чиновничьи.

Оказывается, Сталину понравился мой павильон у Ботанического сада в Сухуми и он спросил: «Кто это делал?» – и никто не мог сказать моей фамилии, сказать, что я автор. А Коч-в стал теперь говорить: «Вы думаете это Ваша работа?» Дорогая Катя, если б Вы знали, как мне больно! Прямо плакать хочется. Ведь я с температурой 38 буквально насильно разрабатывала этот проектик, до которого в ту пору никому не было дела. Я прямо могу дойти до трибунала, если так будет продолжаться. Вот награда за мои труды…

Я в окружении людей косных, ничего не понимающих и не желающих понимать нашу работу. А еще эта интригантка Зоя П[очепцов]а!..

Что мне делать? Как мне вырваться из этого ада?

А мои проекты?..

(не послано).

(Из сайта «Прожито»)

Моисей Альтман[1]

[ИЗ ДНЕВНИКА]

1929 год

8 августа. Утро. Сухум. Южная природа. Декоративно до непозволительного. Синоп – древний Эдем. Деревья, раскинувшие объятья и утоньчающиеся вверх. Деревья-люстры, семисвечники. Прекрасно, но недвижно. То-ли, так-ли северная ситцевая березка. Хоть дешево, да мило, и шелестит-лепечет, и душой с душою говорит. А здесь – дорого да чуждо. Воистину, равнодушная природа. Никакого, видно, ей дела до тебя. Ну – и по взаимности – и тебе не до нее. Не с ней, не к ней.

Предвечерье. Подъезжаем (на катере) к Новому Афону. Издалека виден монастырь – и какой он белый, и какой он впрямь – новый. На горе, смотрит не свысока, но с высоты на море. И какой возвышенный у него взгляд! А деревья вокруг, чем выше – тем тоньше, свечи богомольные = прямо смотрят в небо. Нет, это уж не недвижность, это = экстаз. Прекраснейше из того, что я в жизни своей ~~не~~ видел. Нет, и прекрасное не то слово.

[1] Альтман Моисей (1896–1986) – филолог, историк античной и русской литератур, поэт, переводчик.

«Красивым называем мы, когда высокое переходит в доброе» (Ницше), а тут путь противоположный, красота переросшее в высокое, в святое. Красота, как облачение святости, ее воплощение, отсвет для глаз. Красота, как душевное тело Духа Святого. Поднялись в монастырь, заглянули в трапезную = теперь все это осовечено, но святость этих мест не покинула и где нет монашеского {людского} бденья – радение природы. А внизу, у колодца – день выпал Пантелеймона – греки-древневеры, хоровод устроив, под звездами кружились под напевы музыки из меха. Здесь уж не только бы остаться во веки веков, здесь и Аминь. Дальше некуда итти. Здесь конец и безконечность, душ и тел врачитель Асклепий – Пантелеймон.

Из сайта «Прожито»

Сергей Дмитриев[1]

[ИЗ ДНЕВНИКОВ]

1959 год

Вернулись мы 14 августа.

Дома нашли путевки в дом отдыха Агудзера под Сухумом, присланные Чачия (с 28 августа по 20 сентября). Стоимость одной путевки на 12 дней 330 рублей. Он купил для нас 4 путевки на 1320 рублей.

25.VIII. Вторник. Вечером поехали я и Леля в Сухуми. Провожали Игорь с Леной.

В Сухуми 27.VIII днем нас встретили двое товарищей по поручению Чачия (Адамия и шофер) и очень быстро доставили

[1] Дмитриев Сергей Сергеевич (1906–1991) – советский историк..

в Агудзеру. Там отвели нам хорошую комнату во втором этаже единственного приличного здания дома отдыха (1-й корпус).

На другой день побывал у нас Чачия, поговорил с директором дома отдыха (Гулиа Михаил Кичиевич) о нашем и Игоря с Леной устройства на отдыхе.

Дом отдыха «Агудзера» обычного среднего типа (цена путевки на 12 дней 330 рублей, на 24 дня 660 руб.). Расположен в эвкалиптовом парке. Главные здания от моря в 200–300 метрах. Пляж хороший, много песка; песчаная полоса тянется на 2–3 км. Песок вперемежку с галькой. Тени на берегах, конечно, нет. Старая часть парка запущена, но деревья великолепны. До недавнего времени в Агудзеру доступа не было. Там содержали за семью замками немцев-атомщиков (?), на СССР работавших. Неподалеку от дома отдыха дача писателя К. Симонова.

Через два-три дня после нас приехал туда же П.С. Ткаченко. Я помог ему купить через Чачия путевку и устроиться в Агудзере. С ним и проводили время…

Погода была средняя и всякая. Первая неделя была жаркая, солнечная, сухая. Много времени в первой половине дня я и Леля проводили в арке, на скамье под огромными соснами и кипарисами. Я вырезал «болвана».

3 сентября был шторм, до 5½ баллов. Два дня не купались. Погода переменилась. Почти ежедневно начали выпадать дожди. Похолодало. На машине («Волга», достал я через Эпекчяна, заместителя Чачия – последний с 1 сентября был в отпуске и уехал в Москву) 8 сентября в сильный дождь поехали я, Леля и Ткаченко в Пицунду. Около Афона дождь перестал. После Бзыби сильно потеплело. На встречу гнали скот с гор; в ущелье Бзыби и Юпшары, на горах вокруг озера Рица выпал снег. В Гаграх было уже солнечно и жарко. В Пицунде погода такая же. Отлично выкупались в море (течение сильное), вода нежная, голубая и светло-зеленая в одно время. Осмотрели подробно

раскопки (храмовые и крепостные (?) сооружения, баня, виноградодавильня, жилые здания) среди колхозных полей недалеко от главного храма Пицунды.

Отлично пообедали замечательно приготовленными курами в столовой Птицефермы.

Поглядели на забор новой государственной дачи, воздвигнутой на Пицундском мысе в последние годы. Дачу будто бы готовили как резиденцию для И. Тито, когда усиленно улучшали с ним отношения. Но отношения стали прохладнее, Тито в Пицунду ездить не стал. А у наших высоких товарищей стало одной государственной дачей больше. Охрана природы, где ты? Роща реликтовой сосны разрезана теперь пополам.

Еще побывали в гостях у Х.Ш. Аргуна (жена его Людмила Ивановна) в его новой отличной квартире (Сухуми, Тбилисское шоссе, д. 55, кв. 10). Дом у Алексеевского ущелья, откуда сильно тянет холодом, сыростью.

Вечером в день нашего отъезда 21 сентября нас провожал председатель колхоза им. Кирова Давитая Отари Викторович. Он сделал это по поручению Чачия. С нами ездил и П.С. Ткаченко. Свозили нас посмотреть только что построенный и 12 сентября открытый ресторан в Земо-Эшери [Верхняя Эшера] (на шоссе между Сухумом и Афоном). Архитектурное оформление узкой щели в горах под ресторан удачно. Сделано по типу немецких в Тироле и югославских подобных же дорожных ресторанчиков.

Затем привезли на вокзал Сухуми, снабдили неожиданно для нас щедрыми дарами – шесть пачек чая (примерно 1.200 гр.), бочонок вина «Саперави», три ящика груш и винограда. Ткаченко был поражен.

Отъехали в шуме и смехе. Ехали очень хорошо. В 4-х местном купе ехали вдвоем…

В целом отдых этого года был для нас удачным. И поездка

по Москва-реке и Оке до Горького и обратно, и поездка в Агудзеру дали много впечатлений, чистого воздуха. В Агудзере мы каждый день (за исключением двух дней шторма) купались по 2–3 раза. Много ходили по пляжу, съездили в Дранду, Земо-Эшери, Гагру и Пицунду. Часы на диком пляже в «Диоскурии» были отличными. Купанье тоже.

Поездка по Оке 10 дней.

Поездка в Агудзеру 28 дней. = 38 дней

Фурункул на пальце правой ноги начался у меня в Агудзере с 18/19 сентября. Долго мучил.

Из сайта «Прожито»

Исаак Минц[1]

[ИЗ ДНЕВНИКА]

[1972 г.]

22 сентября. На машине института истории Абхазии[2] поехали на озеро Рицу – 104 километра от Сухуми, через Гудауту почти до Гагр, откуда повернули в ущелье. По нему мы проехали 41 км. Виды потрясающие! Поднялись еще на 16 км в гору к высокогорному санатории, где бьет источник минеральной воды. На обратном пути опять любовались теми же видами, но освещенными солнцем с запада. Удивительно красиво! Ради этого стоило приехать делать доклады.

На следующий день тт. Дзидзария и Инал-ипа повезли нас

[1] Минц Исаак Израилевич (1896–1991) – доктор исторических наук, академик.

[2] Имеется в виду Абхазский институт истории, языка и литературы (ныне АбИГИ).

в чаеводческий колхоз с миллионными доходами. Приняли нас так, что я с готовностью согласился редактировать будущую историю колхоза. Удастся ли только вырвать время!

Трижды посетил знаменитый дендрарий. Он расположен на горе, примерно в районе 100–200 метров над уровнем моря. До чего же сверху красивый вид! Наверху расположен дом отдыха Совета Министров Грузии. По не очень продуманному распоряжению покойного Н.С. Хрущева все такие санатории были слиты воедино. Разумеется, и этот санаторий превращен в однодневный дом отдыха, куда продают путевки на 12 дней.

Большой плюс дома отдыха, что он расположен как бы в двух зонах: поверху сухо, внизу море, влажный воздух. Для людей, страдающих ревматизмом, крайне удачное сочетание.

В таком доме отдыха и я бы провел пару недель. Да, видимо, жаль: надо обращаться за путевкой в Совет Министров, а мне это не по характеру.

Минц И.И. «Из памяти выплыли воспоминания...»: Дневниковые записи, путевые заметки, мемуары академика АН СССР И.И. Минца. – М.: Собрание, 2007.

Олег Амитров[1]

[ИЗ ДНЕВНИКА]

1974

7 сентября. Поехал в Гудауту к Вере Яковлевне. Ехал автобусом, быстро нашел дом недалеко от вокзала, где В. Я. с сестрой и ее мужем живут у некоей Валентины Ивановны – матери Мили. Дома застал только Валентину Ивановну, остальные

[1] Амитров Олег Владимирович (1936–2018) – палеонтолог, турист, собиратель песен, доктор геолого-минералогических наук.

«только что ушли на море»; она тут же повела меня догонять их, и догнали не доходя моря. Вера Яковлевна, кажется, была мне рада. Родственники ее утомляют. Мы полежали на пляже, покупались (они, оказывается, купались первый раз). Пляж там поганый: из крупной гальки или даже валунов, узкий, тесный; сегодня были порядочные волны и довольно трудно вылезать, я вытаскивал бабушек. Потом у них обедали. После обеда мы с В. Я. собирались съездить в Лыхны, но ее соблазнили сходить в кино на «Укрощение строптивой». Я этот фильм видел раньше, он неплохой, но здесь я пошел только, чтобы посидеть рядом с милой бабонькой Верой. Фильм показывали плохо, рвалась пленка, но я был доволен. После кино побежал на вокзал, чтобы успеть на 5-часовую электричку, договорились, что завтра В. Я. с родственниками приедут в Сухуми. В Сухуми я успел забежать на почту (получил хорошее письмо от родителей), поужинать, окунуться в море и сходить на довольно остроумный французский фильм «Большая любовь».

8 сентября. Бабушка Вера Яковлевна, ее сестра Любовь Яковлевна и муж Л. Я. Исаак Давыдович «отдали визит». В 12 часов я встретил их электричку. Сразу поехали троллейбусом на пляж, часа три купались, загорали, копались в песочке. Пообедав, зашли в мой домик (Миша утром улетел в Москву, я пока что живу один), познакомились (для будущего) с Еленой Пантелеевной, посидели на скамеечке в саду. Потом на катере приехали в центр, погуляли по набережной, пили в крепости турецкий кофе, зашли в «Моржа», но там как назло не было ни чебуреков, ни хачапури; мы с И. Д. ели шашлык, дамы – творог. В восьмом часу приехали на вокзал, и в 8.26 мои гости отбыли в Гудауту, нежно простившись со мной. Такова внешняя канва событий. А по существу – было очень-очень хорошо с милой Верой Яковлевной, несмотря на присутствие ее надоедливых родственников.

14 сентября. Последний сухумский день был солнечный и жаркий. Я с утра расцеловался с Еленой Пантелеевной (ее религия запрещает ей целовать мужчину, но ко мне она прониклась нежностью; кроме поцелуев, нарвала мне в подарок винограда и лаврового листа), простился с Лидией Михайловной и сторожем Геной (он подарил бутылку столового вина), отвез вещи на вокзал в камеру хранения свой рюкзак, который стал довольно увесистым, и приехал на пляж. Там до трех часов загорал, Много раз купался со знакомыми дамами из Ленинграда, Алмалыка, Рязани и т.д. (но я их не фотографировал и адресами на прощанье не обменялись). С пляжа в центр плыл катером, кинул с него в море монетки за себя и за маму. В последний раз съел хачапури в «Святом морже», забежал на почту (с 8-го числа нет писем, плохо), взял в оптическом магазине заказанные очки – 6 диоптрий. И вот я на вокзале, сажусь в поезд № 52 и в 16.33 по московскому времени трогаюсь домой. На своей боковой верхней полке. От Сухуми вагон отошел полупустым, но наполнился и даже переполнился в Новом Афоне, Гудауте, Гаграх. Интересных соседей нет. В Гудауте я выходил на перрон, со слабой мечтой увидеть Веру Яковлевну…

В Гаграх лег спать, переставив часы на московское время.

Я подсчитал, что видел Черное море 16 лет (от месяца до нескольких часов), в Сухуми заезжал хоть на час 12 лет, а жил там (включая Агудзеру) 6 раз. Этот раз было долгим, но неплохим…

1975

1 ноября. Утро было снова холодное и дождливое, мне сильно захотелось в Москву и еще сильнее – с бабушками в Великие Луки.

Осуществил давнюю мечту – съездил в Лыхны. До Гудауты ехал автобусом, нужный поезд отменили. По дороге увидел, что навстречу движется полоса чистого неба, и вылез из авто-

буса при ярком солнце (хотя ночью дождь здесь, видно, был еще сильнее, чем в Сухуми). На другом, маленьком, автобусе ехал до Лыхны. Увидел знаменитый храм. Он действительно хорош. С небольшим куполом, а остальное – даже не знаю, как назвать: с одной стороны вроде базилики, с другой – три полукружья. Храм X–XI веков, сохранился почти без изменений в том виде. Внутри (я заходил, храм действующий, там шла служба) очень хорошие фрески 14 века, выразительные лица, чем-то напоминают Новгород. Иконостас – с металлической чеканкой (я такую видел только в Местии), явно не очень старый. Стоит храм среди широкого луга, используемого как школьное футбольное поле, рядом развалины дворца князей Шервашидзе (Чачба).

Обратно в город я шел пешком, это всего километров пять. Дорога не очень интересная, но обсажена кустами ежевики, на которых были спелые ягоды. Прошел по зеленым улицам Гудауты, по нарядному парку спустился к морю. Хотя ярко светило солнце, было прохладно, никто не купался, несколько человек просто сидели на волноломах. Я решил все же окунуться, стал раздеваться – и тут меня окликнули. Второй раз встретил Валерку Соболева с женой и сыном Петей. Искупался около них. Потом они, соблазненные мной, решили съездить в Лыхны, а завтра собираются приехать в Сухуми. Договорились, что я их встречу. А сегодня я пошел осуществлять еще одну давнюю мечту: на бывшем Морском переулке (ныне улица Гудоу) нашел дом Чабрава… Но узнал, что Ефросинья Калиниковна умерла два года назад. Наверно, если бы она и была жива, то не вспомнила бы меня: мы у них жили 25 лет назад, это было мое первое знакомство с морем.

В Сухуми я вернулся тоже автобусом. Вечером посмотрел новый фильм «Воздухоплаватель», наш, Ленфильм. Не шедевр, но смотрится хорошо, не раздражает. У меня к этой теме – на-

чалу русской авиации – с детства сохранился некоторый интерес: ведь один из первых русских летчиков был бабушкин брат Федор Леон, он погиб под Севастополем.

Перед сном поболтали с Пантелеевной. Она немного рассказала о своем религиозном восприятии мира.

Из сайта «Прожито»
Материалы рубрики подготовил А.Я. Дбар

Александр ДЮМА

КАВКАЗ

(фрагмент книги)

Минут через пять нам доложили о приезде подполковника Коньяра[1]. Фамилия эта показалась мне счастливым предзнаменованием: так звались двое моих друзей. Я не ошибся. Если кто-нибудь мог утешить меня в отсутствие князя Мирского, о котором мне столько говорили хорошего, так это тот кто его заменял. Он просил нас не беспокоиться о нашем отъезде на другой день: все от него зависело – и лошади и конвой.

Кабардинский полк, командуемый князем Мирским, как главным начальником, и подполковником Коньяром – его заместителем, – самый передовой пост русских на неприятельской земле.

Часто горцы, даже непокорные, спрашивают позволения приходить в Хасав-Юрт для продажи своих быков и баранов. Это позволение им всегда дается, но покупать запрещено. В

[1] Фамилия Коннар (Коньяр) в полку не значилась. Но в Тенгинском пехотном полку в эти годы служил майор Валерий Моисеевич Коньяр – потомок французских эмигрантов. Не исключено, что именно в те дни, когда Дюма был в Кабардинском полку, туда приехал и майор Коньяр. Двумя друзьями Дюма, о которых он вспоминает, были братья Карл-Теодор Коньяр (1806–1872) и Жан-Ипполит Коньяр (1807–1882) – популярные парижские драматурги. Какова судьба майора Коньяра? Точными сведениями мы не располагаем, но косвенные данные у нас есть. В книге

Г. Хуцишвили «Приглашение в Грузию» (Тбилиси, 1982. с. 141) сообщается, что в селе Лыхны сохранилась часовня в память о генерале Коньяре. Скорее всего, речь идет о В.М.Коньяре. – Прим. М.И. Буянова. В.М. Коньяр был начальником Сухумского военного округа; был убит во время Лыхненского восстания 1866 г., одного из самых трагических событий в истории Абхазии. – Прим. ред.

день нашего приезда двое пришли с формальным дозволением полковника и продали тридцать быков.

Кроме скота, они приносят в город мед, масло и фрукты. Разумеется, им платят наличными. Особенно их интересует чай, который запрещено им продавать. Поэтому при каждом выкупе пленных горцы просят, кроме обыкновенной цены, еще и десять, пятнадцать, двадцать фунтов чаю.

Случается, что горцы нападают даже в самом городе: редкую ночь они не похитят кого-нибудь.

В конце лета около трех часов дня солдаты и дети купались в Карасу, а подполковник прогуливался по укреплению. Около пятнадцати татарских всадников спускаются к реке и поят своих лошадей посреди купающихся. Вдруг четверо из них схватывают двух мальчиков и двух девочек и быстро скачут прочь. По крикам детей подполковник узнает о происшествии и велит стрелкам преследовать похитителей. Стрелки спрыгивают или просто скатываются с укреплений и гонятся за татарами, но те уже далеко.

Мальчик укусил своего похитителя в руку, и так сильно, что горец выпустил его. Ребенок упал, однако тотчас вскочив на ноги, он хватает камни и защищается. Татарин направляет на него лошадь, но мальчик змеей проскальзывает меж ее ног. Татарин стреляет из пистолета и промахивается. Мальчик, более ловкий, швыряет ему в лицо камень.

А стрелки все ближе. Горец видит – ему несдобровать и поворачивает коня, оставив ребенка в покое.

Трое других еще в плену. Горцы сначала просили за них тысяч рублей, несмотря на то, что мальчики были детьми солдат, а солдатам не дозволено выкупать пленников на государственные деньги. Хасав-Юртовские дамы собрали деньги для выкупа. Набралось сто пятьдесят рублей. Их вручат горцам, которые для этого спустились вниз. Подполковник уверен, что

горцы для приличия поторгуются, но потом все же примут эту сумму.

В сделках подобного рода обыкновенно какой-то местный татарин служит посредником. Каждая сторона имеет также своих шпионов, которых расстреливают, если они уличены противной стороною. Не так давно один из лазутчиков подполковника по имени Салават был разоблачен горцами: его отвели на гору и раздробили череп из пистолета на глазах русского лагеря. Через два дня нашли его тело, растерзанное шакалами.

Из того же Хасав-Юрта был послан к Шамилю хирург Пиотровский. В полумиле от укрепления происходил выкуп княгинь Орбелиани и Чавчавадзе.

Пока подполковник Коньяр рассказывал подробности, кто-то пришел к нему и что-то прошептал на ухо. Подполковник рассмеялся.

– Не позволите ли вы мне, спросил он, принять здесь одну особу? Вы станете свидетели, обычая, который вас заинтересует.

– Сделайте одолжение! – отвечал я.

Женщина-татарка, укутанная так, что оставались видными только глаза, сойдя у ворот с коня вскоре показалась в дверях нашей комнаты.

Узнав подполковника по мундиру, она направилась прямо к нему. Подполковник сидел за столом. Татарка остановилась по другую сторону стола, развязала небольшой мешок, висевший о ней за поясом, и извлекла из него два уха.

Концом трости подполковник удостоверился, что это были два правых уха. Он взял перо и бумагу написал расписку на двадцать рублей. Затем, оттолкнув уши концом палки сказал по-татарски:

– Ступай к казначею!

Опустив уши вместе с распиской в мешок, амазонка села на

коня и поскакала к казначею для получения двадцати рублей.

За каждую отрубленную голову горца назначено вознаграждение в десять рублей. Князь Мирский, питавший, разумеется, отвращение к этим кровавым трофеям, счел достаточным, чтобы доставляли только правое ухо. Но он никак не мог заставить своих охотников руководствоваться этим нововведением; с тех пор как они воюют с татарами, они все равно отрубают головы, объясняя сие тем, что не могут отличить правое ухо от левого.

Это вознаграждение в десять рублей за каждое правое ухо неприятеля напомнило мне историю, которую рассказывали в Москве.

Из-за великого множества волков, причинявших вред некоторым русским губерниям, обещано вознаграждение в пять рублей за каждого убитого волка; оно выдавалось по представлении хвоста. При ревизии 1857 года оказалось, что израсходовано сто двадцать пять тысяч рублей на эту премию. Это составляет полмиллиона франков.

Итак, волков было неправдоподобно много. Начали следствие, и выяснилось, что в Москве есть фабрика фальшивых волчьих хвостов, до того хитро изготовляемых, что лица, решавшие давать премию или нет, запросто вводились в заблуждение. По сему премия понизилась до трех рублей и выдается только по предъявлении всей головы целиком.

Может быть, когда-нибудь вскроется, что в Кизляре, Дербенте или в Тифлисе существует фабрика фальшивых чеченских ушей.

Подполковник Коньяр пригласил нас отобедать в пять часов, а капитан Граббе – в свою комнату. Он пожелал показать свои рисунки, которые, как он уверял, могли нас заинтересовать…

На обеде мы разговаривали о местных нравах, обычаях и

легендах: подполковник Коньяр, родом француз, как указывает его фамилия, отличается большим умом, человек он очень наблюдательный и говорит по-французски так, будто провел всю свою жизнь в Париже. Поэтому обед пролетел так же стремительно, как проходили те знаменитые обеды Скаррона, на которых красноречие его хозяйки заставляло забывать о жарком.

Дюма А. Кавказ / пер. с франц. – Тбилиси: «Мерани», 1988. – С. 62–64,

---

П.А. Грудачев[1]

БАГРЯНЫМ ПУТЕМ ГРАЖДАНСКОЙ

(Фрагмент воспоминаний)

...Вначале послышалось отдаленное, прерывистое стрекотание, потом на горизонте появился тяжелый большой шмель, мы следили за ним так же бездумно. А через несколько минут к эсминцу подрулил гидросамолет. Еще через час эсминец взял курс на Сухум. О положении, сложившемся там, летчик рассказал следующее:

После того, как князь Эмухвари убил матроса, в городе не прекращались волнения. Напрасно призывал «граждан к спокойствию» меньшевистский окружной комиссар Захаров. Сухумские большевики, по его же словам, «вызвали движение во всем городе». Председатель Сухумского Совета Эшба, большевик Сванидзе и другие выступали на митингах, затем пришли к начальнику городского гарнизона Юркову и потребовали подчинения воинской части большевистскому комитету.

[1] Грудачев Петр Александрович – участник Гражданской войны, большевик.

В этот же день стихийно вспыхнул еще один митинг у городского театра, на котором вместе с рабочими порта выступили представители гарнизона. К вечеру городские власти получили ультиматум от матросов крейсера «Дакия»: передать власть ревкому, разыскать и отдать под суд Эмухвари, а семье убитого матроса выслать 15 тысяч рублей.

Это требование под влиянием большевиков поддержала и местная караульная рота.

«Грузинские части нам не повинуются», – скулил меньшевик Захаров.

Совет рабочих и солдатских депутатов сформировал ревком. Председателем его стал Эшба. У большевиков было много сторонников, к ревкому фактически переходила власть в городе. Меньшевики паниковали.

А потом случилось непонятное: «Дакия» снялась с якоря и ушла по направлению к Севастополю, не ожидая ответа на свой ультиматум.

Город бурлил. Большевики решили дать бой всей нечисти, скопившейся в Сухуме. Город был объявлен на осадном положении – ему угрожала банда князя Эмухвари. Образовался военный штаб Красной гвардии, его возглавил большевик Георгий Атарбеков. Из тюрьмы были выпущены все политзаключенные, вооружившись, они примкнули к отряду Красной гвардии.

Во что бы то ни стало большевикам надо было покончить с врагами одним ударом, рисковать было нельзя, а вооруженных сил явно не хватало. И вот тогда, узнав, что в Батуме стоит революционный миноносец «Дерзкий», Эшба и Атарбеков послали к эсминцу гидросамолет. Летчику поручено было просить моряков о помощи.

...Пока шли к Сухуму, члены судового комитета готовили экипаж к предстоящему бою, в том, что он будет, никто не сомневался.

Семьдесят моряков вооружили карабинами. Расчехлили и привели в боевую готовность орудия и пулеметы. Дали пять-шесть выстрелов из орудий, чтобы предупредить сухумцев о том, что идет подмога.

Как только корабль пришвартовался к деревянной пристани, отряд вооруженных матросов сошел на берег.

В порту тихо. Только несколько черноволосых ребятишек стоят поодаль, любопытно поглядывая в нашу сторону. Где-то вдалеке перестрелка.

Эшбу встретили неподалеку от порта на улице. Высокий, красивый, очень стройный абхазец. Большой лоб, прикрытый черными прядями, огромные глаза, аккуратная студенческая куртка. Смотрит щеголем. А в руке – пистолет. И предохранитель спущен... Из боя только что или сейчас в бой.

Познакомились. Говорю:

– Пройдемте в ревком, потолкуем, план действий наметим.

Эшба мнется. Румянец волной по лицу прошел. Потом тряхнул головой, говорит решительно:

– Ревком у нас далеко, за городом.

– Как же так? Власть в городе большевикам принадлежит, а для ревкома места не находится? Да вот хоть здесь что? – махнул я в сторону двухэтажного здания.

– Гостиница.

– Подходяще?

– Да, только она занята.

– Кем же?

– Буржуи, бежавшие с севера, ее заселили. Среди них и офицеры белогвардейские есть.

– Тем лучше. Сразу двух зайцев убьем. Вот что, говорю Коновальчуку, – возьми половину матросов и – за город. В Драндах – селение здесь неподалеку такое, – этот самый Эмухва-

ри и его шайка теснят красногвардейцев. Надо им помочь. А я сейчас еще матросов с миноносца вызову... Ну, Николай, успеха тебе!

Заходим в гостиницу. Матросов оставили у входа.

В вестибюле роскошные ковры, зеркала. Двинулись мы к лестнице, навстречу бежит испуганный, растерянный толстый низенький грузин.

– Хозяин... – говорит Эшба.

Через час ревком работал уже в помещении гостиницы.

В этот день многое было сделано. Эшба, Атарбеков и другие сухумские большевики действовали очень оперативно и решительно. Наши моряки от них не отставали. К ревкому перешла вся власть в городе.

А еще раньше судовой комитет потребовал от сухумских меньшевиков выполнения ультиматума, предъявленного командой «Дакии». Меньшевики выполнили его частично. Городская буржуазия внесла контрибуцию в размере 15 тысяч рублей.

Князя Эмухвари и ближайшего его приспешника Смела Бадия матросы взяли в плен во время боя под Драндами и доставили в ревком. Мне довелось присутствовать при допросе бунтовщиков, который вели Эшба и Атарбеков.

Вначале Эмухвари или отмалчивался или огрызался. Спрашиваю его:

– За что вы убили матроса с крейсера «Дакия»?

Князь помолчал, а потом заговорил дерзко, надменно:

– Почему я должен вам отвечать? Кто вы – суд, власть? Нет, вы – посторонние. И наши внутренние дела мы разрешим без вас. Кто вас звал сюда?

– Революционный народ позвал их на помощь, – спокойно ответил Эшба. – Народ, который ты, князь, предал, чью кровь проливаешь.

После допроса повели арестованных на миноносец, так как держать их в городе было небезопасно – шел слух, что банда Эмухвари хочет отбить своих вожаков.

Когда Эмухвари узнал о том, что его отправляют на миноносец, забеспокоился. Стал просить, чтобы сопровождали его матросы. Да, немало зла, видно, причинил князь сухумцам, если боялся идти без усиленного конвоя по улицам города.

Матросам было приказано вести пленных в офицерскую кают-компанию. Мы с Эшбой и Атарбековым остались на пристани, а Коновальчук вместе с арестованными пошел на корабль.

Мы облегченно вздохнули: дело сделано, преступник не уйдет от возмездия, и тут...

До сих пор четко хранится в памяти все происшедшее. На миноносце сухо, коротко щелкнул выстрел, и нас словно обожгло, поняли: беда! Все трое бросились на эсминец.

...Когда мы склонились над Коновальчуком, он был мертв. Прямо в сердце ударила матроса белогвардейская пуля. Пистолет Эмухвари прятал в рукаве черкески, стрелял в упор. Сейчас он стоял в офицерском коридоре. Дуло его пистолета, поплясывая, смотрело на меня. Однако выстрела не последовало – как потом выяснилось, патрон стал ребром, а перезарядить пистолет князь не успел: левая рука у него была контужена. Спустя еще минуту он лежал, продырявленный моей пулей.

Смел Бадия, испугавшись, что возмущенные убийством Коновальчука матросы расправятся с ним, бросился в офицерскую кают-компанию и задраился на барашки. Под кают-компанией находился артиллерийский склад, где хранились снаряды. Туда вел из кают-компании люк, прикрытый крышкой. При желании Бадия мог проникнуть в артсклад и взорвать эсминец – терять ему было нечего.

Бадия нужно было немедленно извлечь из кают-компании.

Тем более, что меньшевики подняли панику. Артюхов и Олейников наперебой орали во весь голос:

– Он взорвет миноносец!

– Там же люк в склад со снарядами. В полу люк!

– Ему все равно гибель, так он и нас за собой потянет.

– Мы все погибнем!

И сдается мне, что не только страх двигал меньшевиками, но и желание подтолкнуть Бадия к преступлению, уж слишком явно они растолковывали ему, что в кают-компании есть люк.

Меньшевики соскочили на берег, Сазонов оттуда вопил: – Братцы, давай сюда, сейчас все в воздух взлетите. Но команда не покинула эсминец. Открыть кают-компанию не удалось. В ответ на предложение отпереть дверь Бадия категорически заявил:

– Нет! Не верю вам, вы меня сейчас же убьете.

Пришлось взломать дверь. Бадия стоял у одного из огкрытых им иллюминаторов жалкий, дрожащий... Позже, в Севастополе, мы сдали Смела Бадия в следственную комиссию.

Перед вечером, за час до того, как сняться «Дерзкому» с якоря, пришел Эфрем Эшба попрощаться с Николаем Коновальчуком.

Лежал Николай на корме. Спокойное лицо овевал морской ветерок, шевелил русую, крепко тронутую сединой прядь волос на лбу. По лицу, по закрытым плотно векам пробегали тени, и казалось, вот-вот Николай откроет глаза... Большие руки лежали на груди спокойно и в то же время тяжело.

Эшба сказал, что чувство у него такое, будто провожает он друга многих лет, больше того, всей жизни. Горе застыло в усталых глазах Эфрема – крепко сроднили эти два горячих сухумских дня русского революционного матроса и абхазского коммуниста с 1914 года, студента юридического факультета Московского университета, участника первых революционных

боев в Москве, первого председателя Сухумского окружного комитета РСДРП (б).

...Мы встретились с Георгием Атарбековым в 1922 году на пароходе «Пестель», который шел в Батум. Вместе отправились в город. На батумском вокзале Атарбекова ждал Эшба. Посидели втроем. Вспомнили боевые февральские дни 1918 года, Коновальчука...

В Сухуме тоже помнили о тех днях. В порту о причал, где швартовался когда-то «Дерзкий», слабо плескались легкие волны. Было тихо и солнечно. Седоусые старики, сидевшие около причала, рассказали мне о севастопольских матросах, которые помогли абхазским большевикам выкинуть с этой земли князей и прочую нечисть.

Грудачев П.А. Багряным путем Гражданской: воспоминания. – Симферополь, 1971. – С. 44–48.

Ф.Т. Фомин[1]

ЗАПИСКИ СТАРОГО ЧЕКИСТА

(Фрагмент книги)

Один из своих отпусков я провел в Сухуме, Председатель Совнаркома Абхазии Нестор Аполлонович Лакоба очень рекомендовал поехать в Новый Афон.

– Такой красоты, – говорил он, – нигде не отыщете. До революции богачи даже из-за границы специально приезжали, чтобы посмотреть монастырь в Новом Афоне. Берите машину и завтра же поезжайте. Большое удовольствие получите. И зайдите обязательно к монаху Артемию.

– Это зачем же? – удивился я.

[1] Фомин Федор Тимофеевич(1894–1970) – деятель советских спецслужб, председатель Крымской ЧК, мемуарист.

– Интересный человек. И наш.

– Монах – и вдруг наш человек? Как это понять? И вот что мы узнали об этом монахе. В 1921 году засуха сгубила на корню весь хлеб на юго-востоке. Чтобы спасти население от голода, правительство решило изъять церковные ценности, с тем чтобы на вырученные деньги закупить хлеб за границей. Но бедственное положение народа было на руку врагам революции. Кое-кто из них решил нажиться. Под предлогом спасения «святых реликвий» от «богохульников и еретиков» нашлись охотники присвоить огромные ценности.

Осенью 1921 года с моря к Новому Афону подошел баркас. С него высадилась группа людей и направилась в монастырь «спасать» монастырское добро. Молодой монах Артемий сразу смекнул, в чем тут дело, и что есть духу побежал в Сухум. Прибежал в ЧК и рассказывает: так, мол, и так, грабители уносят ценности из монастыря и собираются сплавить их за границу. Сотрудники Абхазской ЧК моментально выехали к месту происшествия. И как раз вовремя: еще немного – и баркас был бы далеко в море. Похитители были арестованы. Ценности по описи направлены в ЧК Абхазии, а оттуда в Госбанк.

С тех пор местные жители называли Артемия не иначе как «комиссаром ЧК», кто в шутку, а кто и злобствуя. А он был просто честным человеком.

– Вы к нему зайдите передохнуть, – сказали нам в Сухуме. – Он любит, когда к нему приходят. Между прочим, Феликс Эдмундович Дзержинский его посетил, когда был в Новом Афоне. Артемий сейчас в монастыре вроде коменданта.

На другой же день мы с женой отправились в Новый Афон, в монастырь. Артемий встретил нас приветливо. Трудно было себе представить, что этот еще молодой, разговорчивый, веселый мужчина в кожаной тужурке, сапогах и кепке – монах. А впрочем, он теперь монахом себя уже и не считал.

Он охотно вызвался сопровождать нас, чтобы показать достопримечательности монастыря и окрестностей. К концу прогулки мы устали. Заметив это, он пригласил нас к себе отдохнуть и перекусить. Жил он в небольшой квартирке из двух комнат, аккуратно прибранных.

Артемий представил нам свою жену Аннушку – миловидную молоденькую женщину лет двадцати двух – двадцати трех.

– Вот так монах! – почти вслух сказал я, но Артемий все же услышал и рассмеялся.

– Бывший, бывший монах. Теперь я охраняю монастырь и его богатства. Мне доверяют, власти ко мне относятся хорошо. Я очень доволен… Вы обождите немножко. Я сейчас вернусь, сойду только в погреб.

Аннушка подсела к нам и доверчиво заговорила:

– Вот он сейчас меня перед вами назвал женой. А ведь три недели назад и слышать не хотел, чтобы я у него осталась.

– Как же это так? – поинтересовалась моя жена. – Ведь у вас, я смотрю, должен быть ребенок…

– Вот с этого все и началось… Я сама из Саратовской губернии. Попала сюда, спасаясь от голода. Поступила к Артемию в услужение, а потом стала жить с ним. Артемий сначала хорошо ко мне относился, но, как узнал, что я беременная, сразу переменился и решил от меня отделаться. А куда же мне деваться? Бить не бил, но каждый день одно и то же слышала: «На что ты мне? Уходи на все четыре стороны!» Я и плакала, и умоляла его. Ничего не пронимает. Хоть петлю на шею, ей-богу!

И вот недели три назад – никогда не забуду, до самой смерти – товарищ Дзержинский, вот так же, как и вы, зашел к нам. Артемий тоже пошел приготовить на стол. Я сижу в углу и плачу, такая тоска взяла, на белый свет глядеть не хочется!

А Дзержинский увидел меня и спрашивает, что случилось, отчего плачу. Я ему по простоте-то все и расскажи. Сразу все

как есть, без утайки. Выслушал он меня, а когда вернулся Артемий, говорит ему…

В этот момент в комнату вошел Артемий. Посмотрев на внезапно замолчавшую жену, он шутливо сказал:

– Ну, я вижу, Аннушка вам тут всю нашу жизнь расписала. Было дело, было… Вразумил меня товарищ Дзержинский. Долго он со мной говорил. И дошли его слова до самого моего сердца. Стыдно мне стало за себя…

Артемий переглянулся с Аннушкой, оба улыбнулись друг другу, а затем вместе стали накрывать на стол…

Когда мы прощались, я сказал, что, возможно, скоро увижу Феликса Эдмундовича. Услышав это, Артемий и Аннушка просияли.

– Увидите товарища Дзержинского, скажите ему, что живем мы дружно и ребенка воспитаем так, как он говорил – по-советски! А если родится мальчик – назовем Феликсом в его честь…

Фомин Ф. Записки старого чекиста. 2-е изд., испр. и доп. – Москва, 1964. – С. 247–250.

Материалы рубрики подготовил А.Я. Дбар

Мар. Тарнава[1]

СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ В 1918 ГОДУ

(Из воспоминаний)

Вечернее зарево ослепительно освещает красиво расположенный на высоком берегу гудаутский бульвар. Сюда с раннего утра из всех селений уезда собираются члены крестьянской дружины «Кераза». К вечеру их насчитывается до 300. Настроение у всех бодрое и даже веселое. Все эти люди не военные, в первый раз они идут на войну в партизанских отрядах, каждый из которых имеет своего начальника. Их руководители: т.т. К. Инал-Ипа, В. Лакоба, И. Вардания, И. Шамба, М. Тарнава и другие. Эта армия имеет и артиллерию – трехдюймовые пушки и пулеметы. Всем же отрядом руководит Н. Лакоба.

К утру дружина, пополнив свои ряды русскими из селений Петропавловка и Баклановка и греками и армянами из Эшер, оцепила Сухум с западной стороны, начиная от маяка до подошвы горы. С востока, по выработанному заранее плану, к Сухуму вплотную подошли крестьянские отряды из селений Цебельда, Дранды и из Кодорского уезда во главе с т.т. Е. Эшба, Атарбековым, С. Кухалейшвили, Е. Дамения. Крестьянские отряды превосходили численностью силы красной гвардии Чхикелейшвили, присланной правительством Жордания из Тифлиса.

Сухум сдался без боя, но Чхикелейшвили отправляется в Тифлис, где проливает крокодиловы слезы, что Абхазия погибнет в руках большевиков. Вслед за ним уехали: бывший город-

[1] Тарнава Мартын Иванович (1885–1941) – революционер, государственный деятель.

ской голова Сухума – князь Тавгеридзе[1] и князь Геловани.

Жордания, узнав о происшедшем, сказал: «Русский царизм не успел обрусить абхазцев, но мы, как родственное племя, должны огрузинить абхазцев своей культурой. Надо во что бы то ни стало взять Абхазию» – и послал Валико Джугели с регулярными войсками, сформированными из бывшей царской армии, выполнять свое приказание.

Джугели скоро очутился на левом берегу реки Кодора и на ультимативное требование его о немедленном освобождении Сухума от «бандитов-большевиков», наш ревком, через крестьянскую делегацию, отправил ему письмо о том, что революционные крестьяне Абхазии взяли в свои руки власть, а ему советуют вернуться обратно в Грузию.

Джугели открыл огонь. Крестьяне в неравном бою храбро дрались в течение 6 дней, а на седьмой, вынужденные отдать Сухум, перенесли свой военный штаб в Гагры.

Пошли аресты крестьян-большевиков, поджоги домов, отобрание лошадей, кукурузы, скота – на мясо. Этот грабеж производился дворянской сотней, созданной меньшевиками из абхазских дворян. Во время таких реквизиций крестьяне селения Мугудзырхва, во главе со стариками В. Лейба и К. Губаз, вооружились чем попало и нагнали часть этой сотни на Черной речке. В отместку за это меньшевистская моторная лодка обстреляла с моря это село. Это возмутило весь Гудаутский уезд и восстановило всех крестьян против меньшевистской власти. На другой день крестьянская делегация пришла в Гагры к т. Н. Лакоба со словами:

«Мы, мужчины и женщины, от мала до велика, не остановимся ни перед чем для освобождения гор. Гудаут от дворянской своры и меньшевистских палачей. Если вы наши сыны и для вас дороги наши интересы, идите с нами против общего врага».

[1] Правильно: Тавдгиридзе.

За три недели наши силы успели отдохнуть и пополниться свежими силами из Сочинского округа, во главе с известным стратегом т. Антоновым. Была создана красная кавалерия в числе 100 человек и турецкий отряд с командиром Риза Бибин-оглы.

Когда наши военные силы прошли 50 верст и были в 10 верстах от Гудаут, меньшевики, почувствовав наше приближение, открыли пушечную стрельбу по селениям уезда.

Вечером 14 мая 1918 года две 3 дюймовые и две 6 дюймовые пушки были поставлены на площади в селении Лыхны (в 5 верстах от Гудаут) и всю ночь бомбардировали город, а утром на рассвете, с криком «ура», с запада В. Лакоба с кавалерией, с востока – турецкий отряд и с севера вся остальная пехота – заняли Гудауты. Два часа длился ожесточенный рукопашный бой, в котором меньшевики потеряли 26 убитыми, 48 человек ранеными и 180 человек были взяты в плен. Потери с нашей стороны были, сравнительно, малы.

Враг, отступив от Гудаут, под командой известного меньшевистского генерала Мазниева, укрепился в 18 верстах в недоступных Ново-Афонских ущельях. А через три дня, получив большое подкрепление, меньшевики заставили нас отступить через Гудауты, Гагры, Сочи, Туапсе – до Армавирских широких степей. Командир нашей кавалерии – В. Лакоба, отступавший последним, был тяжело ранен.

Царство грузинских меньшевиков с поджогами крестьянских хозяйств, расстрелами крестьян избиениями целых сельских сходов и т.п. продолжалось в Абхазии после этого еще 3 года. Наконец, измученные, голодные разоренные крестьяне Абхазии решительно восстали против меньшевистского ига и с помощью Красной армии 4-го марта 1921 года меньшевики были наголову разбиты и покинули Абхазию навсегда.

«Советская Абхазия», 4 марта 1928, № 53

С. Ашванба[1]

ГАЛИ, 1 МАЯ 1921 ГОДА

В канун первого и Абхазии советского Первомая, в 1921 году, стояла облачная погода, моросил дождь. По инициативе УКОМа и Ревкома Самурзаканского уезда (кыне Гальский район) в уездном центре, в селе Гали, на 1 мая были назначены скачки.

Несмотря на то. что Первомай пришелся на обрядовый праздник пасхи и была плохая погода, в Гали потянулись мужчины, женщины, молодежь со всех окрестных сел. Иные иа лошадях, другие – пешим ходом. Первый раз услышали люди о таком празднике, и никто но знал, что это значит...

Когда скачки закончились, я увидел Н, Лакоба и члена Оргбюро областного комитета партии И. Жвания. Они шли медленно, переговариваясь между собой. Внезапно появился на гарцующем коне начальник уездной милиции А. Корсантия. Спрыгнул со скакуна и подошел к Н. Лакоба и И. Жвания. Нестор Аполлонович что-то сказал ему. И тогда А. Корсантия подвел к нему своего рослого кавалерийского коня.

Н. Лакоба проворно вскочил на коня, сел в седло, словно пробуя его прочность, вытянулся на стременах и огляделся вокруг.

Выждав минуту, Лакоба обратился к присутствующим. К ним приблизились в эту минуту сотни других людей, стоявших до этого поодаль. Крестьяне внимательно слушали выступление одного из руководителей Советской Абхазии.

Оратор в своей краткой речи сказал, что отныне Грузия и

[1] Ашванба Севериан Георгиевич (1905–1998) – известный абхазский педагог.

Абхазия навсегда обрели свободу с помощью большевистской России. Недобрым словом помянул он буржуазные правительства Англии и Франции и их обанкротившихся лакеев-привратников в обличьи меньшевиков. Когда он провозгласил здравицу в честь В.И. Ленина, России и Советской власти, люди зааплодировали.

Затем на коне Нестора Аполлоновича сменил И. Жвания, также обратившийся к народу с речью.

55 лет прошло с того дня, но Первомай, на котором мне довелось присутствовать, вспоминается часто. К какой бы группе людей ни подходил в тот день я, пятнадцатилетний парнишка, повсюду чувствовалось, что в жизни собравшихся произошло что-то очень важное, определяющее их судьбу.

Советская Абхазия, 2 мая 1976, № 86

Т. Скаловская[1]

ГЛУБОКИЙ СЛЕД

(В память об учителе и друге В.И. Стражеве)

В прошлом году в газете «Советская Абхазия» публиковался ряд материалов о русском поэте и преподавателе, археологе и литературоведе Викторе Ивановиче Стражеве[2]. Похоронен он в Москве на Введенском кладбище, и все 30 лет, прошедшие

[1] Скаловская Т. – член Союза журналистов СССР.

[2] Лакоба С. Поэт, ученый, педагог // Советская Абхазия. 30 января 1980; Вартанян А., Лакоба С. От Сухуми до Байконура // Советская Абхазия. 18 марта 1980; Лакоба С. Сердцу дорогое имя // Советская Абхазия. 11 ноября 1980.

со дня его смерти[1], я посещаю его могилу – могилу учителя и друга...

А познакомились мы так.

Осенью 1916 года мой отец был назначен на работу в Сухуми (тогда именовавшийся Сухум-Кале), а весной 1917 года в Сухум переехала и вся семья, чтобы мы, три сестры, осенью пошли в новую школу.

Занятия в гимназии[2] начинались 1 сентября, а до этого мы, естественно, интересовались, кто будет нашими учителями, какие они. От учащихся Сухумского реального училища[3] услышали о преподававшем у них русскую литературу Викторе Ивановиче Стражеве. До этого мы Стражева знали по его стихам, печатавшимся в сборниках «Чтец-декламатор», «Рампа». Даже портрет его был помещен в одном из этих сборников. А тут предстояло встретиться с живым Стражевым!

То, что нам рассказали о нем, мало утешало: он очень строг, насмешлив, требователен... Больше всех волновалась я, так как поступала в 6-й класс, а именно с этого класса должен был преподавать русскую литературу Виктор Иванович, чтобы вести нас уже все три года – в 6-м. 7-м и 8-м классах.

И вот первый урок. В класс вошел небольшого роста, худенький человек, с большой характерной головой, очень высоким лбом. Седой, огромные светлые глаза, лицо необычайно подвижное, выразительное. Одет он был в чесучевый светлый пиджак. Под мышкой – небольшой портфель. Очень своеобразно, слегка как бы ныряющей походкой взошел он на кафедру. Поздоровался с нами. Внимательно осмотрел нас. И заговорил.

---

[1] В. Стражев умер 19 октября 1950 г.

[2] Сухумская гимназия находилась на месте современной средней школы № 2 им. А.С. Пушкина.

[3] Сухумское реальное училище было открыто в 1904 г., в советское время было преобразовано в Сухумский индустриальный техникум. Ныне – Сухумский государственный колледж.

Первая его лекция – именно лекция, а не урок – была посвящена лирике. Стражев был блестящим лектором. Не говоря уже о содержании лекции, в дни вдохновения был у него удивительно приятный голос, которым он великолепно владел. Богатая мимика дополняла впечатление.

Мы слушали его несколько растерянно, так непохожа была эта лекция на обычные уроки. Поток информации, который обрушил на нас В.И. Стражев, ошеломил. Я почувствовала, что здесь учебником не ограничиться, что предстоит большая самостоятельная работа.

По мере знакомства обнаружилась одна особенность Виктора Ивановича. Иногда его лекции были блестящими, завораживающими, мы заслушивались ими. Иногда же Виктор Иванович приходил на урок утомленный, раздраженный, голос его звучал монотонно...

Еще одна особенность появилась в преподавании литературы. Виктор Иванович не вызывал, не спрашивал пройденного. Через какие-то промежутки времени (уже не помню, может быть, по четвертям) мы писали сочинения. Темы Стражев придумывал сам. И темы были не простые. Каждое сочинение доставляло мне лично много волнений. А еще большее волнение наступало, когда Виктор Иванович приносил наши «творения». Он вызывал каждого «автора» и... вот тут-то бывало особенно тяжко! Виктор Иванович был в значительной степени человеком настроения: от настроения его зависело, насколько снисходительно или, наоборот, беспощадно разделывался он с нашими сочинениями...

Так вот и жили мы: то заслушивались лекциями, то трепетали в ожидании оценки... Очень ярко запомнилась мне лекция о Тургеневе, который был любимым писателем Виктора Ивановича. И самой блестящей лекцией о Тургеневе была посвященная роману «Рудин».

В учебнике по русской литературе, в создании которого принимал участие и В.И. Стражев (Учпедгиз, Москва, 1940 г.), именно Виктору Ивановичу принадлежит глава о Тургеневе. И самыми вдохновенными страницами этого учебника являются страницы о Рудине.

Рудина обычно принято было относить к разряду «лишних людей». Виктор Иванович настоятельно проводил мысль, что такие люди, как Рудин, не способные заниматься практической деятельностью, делают другое, может быть, не менее важное дело своими речами, своим умением говорить вдохновенно, они заражают людей энергией, вдохновляют на подвиг. Именно этими качествами обладал и Виктор Иванович. Вдохновить, зажечь, побудить других к действию он мог блестяще. А вот сам осуществить что-то на практике не всегда умел.

Запомнился наш замечательный выпускной вечер в 1919 году. Виктора Ивановича попросили поставить инсценированную им сказку «Братец Иванушка и сестрица Аленушка». Все, что касалось практических дел: организация репетиций, аренда театра, добывание реквизита и костюмов и т.д., – лежало на организаторах вечера. А Виктор Иванович был душой спектакля, режиссером, и надо сказать, – блестящим режиссером.

Трудно забыть полное глубокого содержания и сарказма выступление Стражева на вечере-встрече с поэтами-футуристами. Виктор Иванович был в ударе. Отвечая выступавшим перед ним футуристам, говорившим о желательности таких встреч, Виктор Иванович сказал: «Да, мы встретились, но встретились затылками»...

Помню замечательные вечера, которые организовывали создатели «художественного содружества» – художник А. Шер-

вашидзе-Чачба, Н. Бутковская, Евреинов[1], Арзамасов... Выступал на этих вечерах и Виктор Иванович. Ярко запомнился вечер, посвященный Шопену, проведенный в овальном зале тогдашнего санатория «Азра» (ныне Институт курортологии). Приехавший в Сухуми из Москвы музыковед Чемоданов[2] прочел вступительное слово, исполнил произведения Шопена. А Виктор Иванович прочел свое стихотворение «Марш фюнебр Шопена».

Теперь, по прошествии многих лет, я понимаю, что Виктор Иванович был первоклассным, блестящим лектором, одаренным преподавателем для высших учебных заведений. Для гимназии же он был слишком крупного масштаба. Мы, думаю, раздражали его своими ограниченными познаниями, ему скучно было с нами.

Виктора Ивановича я вспоминаю не только как преподавателя литературы. В 8-м классе он преподавал нам латынь, необходимую для получения аттестата зрелости. Виктор Иванович знал этот язык в совершенстве. И, естественно, он не получал удовлетворения, втолковывая нам азы начала грамматики. Тем более, что мы, надо признаться, считая латынь лишним предметом, очень лениво, нехотя учили ее.

В.И. Стражев был знатоком истории. И поскольку занятия в гимназии, как я теперь понимаю, его не удовлетворяли, то, когда в Абхазии образовалось общество по занятиям археологией[3], Виктор Иванович активно включился в это дело. В археологии он преуспел, напечатав ряд статей, небольшую книжку

[1] Шервашидзе-Чачба Александр Константинович (1867–1968) – художник, князь, внук последнего правителя Абхазии; Бутковская Наталья Ильинична (1878–1948) – издательница, актриса, режиссер, супруга А.К. Шервашидзе-Чачба; Евреинов Николай Николаевич (1879–1953) – режиссер, драматург, историк театрального искусства, художник.

[2] Чемоданов Сергей Михайлович (1888–1942) – музыкальный писатель, педагог и лектор.

[3] Абхазское научное общество; было образовано в 1922 г.

«Бронзовая культура в Абхазии» и др.

В моей жизни Виктор Иванович сыграл значительную роль. В гимназические годы я встречалась с ним не только на уроках. Он бывал у нас в доме. Мы очень любили его посещения. Хотя подчас, плохо себя чувствуя, бывал он нетерпим, резок. Тогда мы, молодежь, сидели, помалкивали, только слушали его. Но чаще Виктор Иванович бывал весел, искрометно-остроумен, читал стихи, пародии, эпиграммы, сочиняя по ходу разговора экспромты.

Уехал Виктор Иванович из Сухума в 1927 году. В 1923 г. он издал сборник стихов «Горсть», посвященный Абхазии. Тираж был ничтожный, книжица стала сейчас библиографической редкостью.

В Москве В.И. Стражев поддерживал с нами дружеские отношения. Мы познакомились с его женой – Екатериной Оттовной Гамбургер, человеком высокообразованным, бесконечно преданным Виктору Ивановичу.

Память о Викторе Ивановиче у меня неразрывно связана с глубокой благодарностью. С первых лет знакомства и до самой его смерти каждая встреча с этим удивительным человеком была введением в мир познания, красоты, расширяла кругозор, направляла наши интересы.

Советская Абхазия. 15 октября 1981.

В.П. Пачулиа

ПОЭТ-ПРЕЗИДЕНТ АКАДЕМИИ

В 1925 году в Сухуме по инициативе академика Н Я. Марра и при активном содействии С.Я. Чанба и А.М. Чочуа была создана Академия абхазского языка и литературы. Вскоре это уч-

реждение на общественных началах возглавил к тому времени уже известный ученый, автор нашумевшей монографии «История Абхазии» Дмитрий Иосифович Гулиа. В молодом научном учреждении сотрудничало около 50 человек. Перед Академией были поставлены важные задачи: систематическое научное изучение абхазского языка, истории и культуры абхазского народа, всемерное содействие развитию национальной литературы, подготовка научных кадров.

Д.И. Гулиа с большой ответственностью отнесся к своей работе председателя Академии. Он отдает много сил и времени организационным вопросам, заботится об укреплении материальной базы Академии. Руководство республики, в частности, председатель Совета народных комиссаров Абхазии Н.А. Лакоба внимательно отнесся к нуждам Академии. Ей были выделены помещение по улице Фрунзе[1] и необходимые денежные средства.

Несмотря на занятость (Д.И. Гулиа преподавал историю Абхазии в педтехникуме и работал спецпереводчиком в Совнаркоме Абхазии), он каждую неделю созывал президиум, а раз в месяц – совет Академии. На этих заседаниях подвергались тщательному разбору научные работы. Вот некоторые из них – «Географическая монография и географический словарь Абхазии» Г. Барача, «Достижения Октября в Абхазии» М. Тарнава, «Абхазский язык и его место в абхазских школах» С. Басария, «Русско-абхазская и абхазско-русская терминология» Д. Гулиа, было заслушано сообщение о результатах поездки В. Кукба к убыхам в Турцию. На заседаниях Академии были рассмотрены и исправлены переводы с русского на абхазский задачников для абхазских школ. По заданию Абхазского областного комитета КП Грузии в 1929–1930 гг. был переведен ряд книг и брошюр – такие, как «Задачи деревенской организации ВКП(б) в

[1] Ныне ул. Аидгылара.

колхозном строительстве», «Какие бывают колхозы и как они устраиваются», «Устав комсомола», «Устав товарищества по совместной обработке земли», «Устав сельскохозяйственной артели», «Временная инструкция по землеустройству»...

Народным комиссариатом просвещения совместно с Академией абхазского языка и литературы в 1929 году был издан нотный «Сборник абхазских народных песен» композитора К. Ковача. По инициативе Академии музыковед А. Касторский собрал и обработал большой материал, на основе которого в Московской консерватории для музыкальной общественности столицы был прочитан ряд лекций об особенностях абхазского песенного фольклора. По предложению Д.И. Гулиа сухумский музыковед и искусствовед А. Касторский в то же время приступил к работе над «Теорией абхазской народной песни». Эта работа должна была быть руководством для изучения народных песен в школах Абхазии.

В какой-то мере Академия заменяла и писательскую организацию. Здесь, кроме произведений Д.И. Гулиа «Под чужим небом», обсуждались «Бог Саваоф» С. Чанба, «Горсть» и «Посеешь ветер – бурю пожнешь» В. Агрба, пьеса «Кях Хаджарат» молодого драматурга М. Кове, произведения начинающих писателей.

По инициативе Академии устраивались литературные вечера, встречи с приезжими писателями. Так, в апреле 1930 года в Государственном драматическом театре Абхазии был устроен большой литературный вечер, на котором при переполненном зале выступили абхазские, грузинские, русские поэты. Вскоре после этого в том же театре выступил выдающийся грузинский писатель Тициан Табидзе с беседой «О современной грузинской литературе».

Академия абхазского языка и литературы к 1930 году стала настолько авторитетна, что ее актив начали приглашать на

научные форумы в Тбилиси, Москву и другие города. В дальнейшем Академия в связи с созданием Абхазского научно-исследовательского института краеведения (ныне Абхазский институт языка, литературы и истории имени Д.И. Гулиа АН ГССР)[1] прекратила свою деятельность. Д.И. Гулиа в качестве ведущего научного сотрудника до конца своей жизни работал в возникшем на ее основе институте, отдавая все свои силы и могучий талант развитию науки и культуры абхазского народа.

«Советская Абхазия», 21 февраля 1979, № 36.

Б.Е. Сагария

ПЕРВЫЙ СЪЕЗД

(Из истории создания Союза писателей Абхазии)

За последние годы сделано немало по изучению истории абхазской советской литературы: написаны очерки, монографии, статьи, посвященные творчеству основоположников абхазской художественной литературы – Д.И. Гулиа, С.Я. Чанба, М.А. Лакербай. Подготовлены или уже вышли в свет исследования о творчестве народного поэта Абхазии Б.В. Шинкуба, видных представителей среднего поколения абхазских писателей К. Агумаа, Л. Квициния. Но, к сожалению, сама история создания Союза писателей Абхазии не получила почти никакого освещения.

Попытка создания писательской организации в республике впервые была сделана в январе 1925 года. Инициативная группа обратилась к народу с воззванием, в котором говорилось: «Политический переворот, выведший Абхазию из состояния

[1] В настоящее время – Абхазский институт гуманитарных исследований.

страны угнетенной в положение страны свободной..., требует использования того бесконечно благодарного материала, которым окружает нас здесь природа и высокогероическая история "Страны души"... Учитывая это, мы приглашаем в наши ряды всех, кто словом и делом может быть нам полезен».

В 1927 году был организован кружок писателей Абхазии, куда вошло вначале всего 11 человек. В декабре 1931 года была официально оформлена Ассоциация пролетарских писателей Абхазии (АбАПП). С этого времени начался призыв рабочих-ударников в литературу, организовывались литкружки. Однако в работе творческих объединений было немало кустарщины, кампанейщины и других недостатков.

Постановление ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 года «О перестройке литературно-художественных организаций» сыграло огромную роль в упрочении идейно-политического единства и подъеме творчества советских литераторов. В постановлении ЦК партии указывалось, что отдельное существование пролетарских литературно-художественных организаций «становится уже узким и тормозит серьезный размах художественного творчества» и что это обстоятельство может привести к отрыву писательских сил от политических задач, к культивированию «кружковой замкнутости»...

Исходя из этого, Абхазская организация писателей развернула энергичную работу по проведению в жизнь постановления ЦК партии. В мае 1932 года состоялось расширенное заседание правления Абхазской ассоциации пролетарских писателей, на котором был создан оргкомитет по созыву Первого съезда писателей Абхазии в составе М. Эхвая, С. Чанба, А. Фадеева, М. Хашба, М. Старцева, Л. Квициниа, М. Григолия и др.

Оргкомитет провел ряд практических мероприятий по подготовке съезда. Было создано 18 литкружков, объединивших в своем составе до 814 человек, налажена издательская

работа. К открытию съезда вышли в свет сборники рассказов, очерков и стихов («Комсомольское слово», «Апхиарца», «Айяйра», «Мой товарищ» и др.). В сентябре 1932 г. был подготовлен специальный номер газеты «Советский писатель Абхазии», посвященный юбилею А.М. Горького.

Первый съезд писателей Абхазии открылся 11 октября 1932 года. На нем присутствовали свыше 150 писателей, литкружковцев и рабочих-ударников сухумских предприятий, представители писателей Грузии и Юго-Осетии. Съезд открыл вступительной речью председатель оргкомитета М. Эхвая, который отметил определенные достижения абхазской литературы, национальной по форме, социалистической по содержанию.

Съезд обсудил два основных доклада: заместителя председателя Союза писателей Грузии С. Эули «О перестройке литературно-художественных организаций в связи с постановлением ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 г.» и заместителя председателя оргкомитета М. Григолия «О состоянии работы Абхазской литературной организации».

После обсуждения докладов съезд принял развернутое постановление, в котором единодушно одобрялись постановление ЦК ВКП(б) и мероприятия оргкомитета, направленные на улучшение творческой и политической активности писателей Абхазии.

Учитывая многонациональный состав населения республики, съезд счел необходимым усилить руководство отдельными национальными секторами, наладить обмен опытом работы, укрепить интернациональные связи с писателями других братских советских республик, в первую очередь с грузинскими. Много внимания съезд уделил работе газеты «Советский писатель Абхазии», где предполагалось «развернуть широкую творческую дискуссию на основе анализа художественной продукции советских писателей Абхазии, твердо

придерживаясь принципов марксистско-ленинской литературной теории». Наряду с изданием литературы на местных национальных языках, съезд потребовал от Союза писателей Абхазии «издания в переводах на национальные языки лучших образцов классической литературы».

Для руководства работой Союза писателей Абхазии был избран совет в составе: З. Агрба, С. Чанба, М. Старцева, Ф. Канониди, А. Джидаряна, А. Хашба, П. Чкадуа, Н. Микава, А. Алматинской, М. Эхвая, М. Григолия и др. Председателем его стал М. Эхвая.

Первый съезд писателей Абхазии явился важным актом, закрепившим организационное оформление единой писательской организации республики. Ликвидация Абхазской ассоциации пролетарских писателей и перестройка литературных организаций Абхазии на основе постановления ЦК партии дали мощный толчок развитию абхазской художественной литературы. Тридцатые годы поистине были периодом бурного творческого роста молодой литературы. В этом немалую роль сыграло и известное письмо А.М. Горького группе абхазских писателей, написанное в августе 1933 года.

За сравнительно короткий период совет СПА и его президиум провели немало мероприятий, направленных на подъем творческой и политической активности писателей Абхазии. В частности, по инициативе совета с 1933 года начал выходить журнал «Апсны капш». В 1934 году пленум Союза писателей Абхазии избирает председателем СПА С. Чанба, утверждается также редколлегия газеты «Советский писатель Абхазии» во главе с ее редактором М. Старцевым.

Союз провел ряд встреч с виднейшими советскими и зарубежными писателями. В ноябре 1933 года гостем писателей Абхазии был венгерский писатель-революционер Бела Иллеш, в 1935 году – А. Фадеев, К. Федин и В. Шишков. В последую-

щие годы состоялись встречи писателей Абхазии с писателями многих братских советских республик.

Значительным событием в литературной жизни Абхазии явился выход сборников произведений абхазских писателей на русском языке. Присутствовавший на собрании писателей Абхазии в апреле 1936 года А. Фадеев дал высокую оценку этим сборникам. Он отметил, что эти новые издания свидетельствуют о росте литературной организации в Абхазии, о несомненных успехах творческой работы абхазских писателей. 18 апреля Союз писателей Абхазии совместно с обкомом комсомола организовал литературную конференцию, посвященную разбору романа А. Фадеева «Разгром», на которой выступил и автор романа.

Далеко не полный перечень фактов, приведенных выше, свидетельствует о том большом творческом оживлении, которое внесли в жизнь писателей республики постановление ЦК ВКП(б) и Первый съезд советских писателей Абхазии.

Незадолго до своей смерти основоположник абхазской литературы Д.И. Гулиа писал: «Целью всей моей жизни было увидеть абхазскую литературу, выросшую из пеленок. Я это увидел». Абхазская литература сегодня – яркое свидетельство духовного расцвета абхазского народа. Если в 1934 году в составе Союза писателей Абхазии насчитывалось только 18 членов и 4 кандидата, то в настоящее время писательская организация республики объединяет в своих рядах 58 членов Союза писателей СССР и большую группу активистов.

«Советская Абхазия», 25 декабря 1969, № 69
Материалы рубрики подготовил А.Я. Дбар

ВИДНЫЙ ЖУРНАЛИСТ И КРАЕВЕД

(К 100-летию со дня рождения К.Д. Кудрявцева)

Среди первых советских журналистов и краеведов Абхазии значится имя Константина Дмитриевича Кудрявцева, сделавшего немало для развития краеведения и журналистики в Абхазии.

К.Д. Кудрявцев родился в г. Воронеже 25 декабря 1887 года. Его отец был железнодорожником и скончался в 1907 году в Екатеринославе (ныне Днепропетровск). Константин учился вначале в Харькове, затем в Калуге в реальном училище. В 1906 году, проходя службу в 278-м пехотном Бердянском полку, он был арестован и Екатеринославской выездной сессией Одесского военно-окружного суда приговорен за сбор средств в пользу революционеров к лишению всех прав и ссылке на поселение в Терский уезд Тамбовской губернии. Через год ему удалось бежать из ссылки. После этого в течение десяти лет проживал в различных губерниях нелегально. Февральская революция 1917 года застала К.Д. Кудрявцева в Тифлисе, работал вначале в Тифлисском. а затем в Главном Кавказском комитете Союза городов. В 1918 году переехал в Екатеринослав (Днепропетровск), где заведовал статистическим бюро губисполкома, в 1919 году – в Майкоп, где начал редактировать газету, заведовал КавРОСТом и Центрпечатью. Затем в 1920 году переехал в Сочи, где также редактировал газету.

После установления Советской власти в Грузии К.Д. Кудрявцев с июля 1921 г. работает заместителем заведующего и ответруководителем Батумского и Аджарского отделений КавРОСТа, Кавгосиздата и Кавцентропечати.

В феврале 1922 г. он с большим архивным материалом по

истории и культуре Абхазии, обнаруженным им в родном городе Воронеже, в различных центрах Кавказа, а также в Турции, переезжает в Сухум на постоянное жительство и начинает работать членом редколлегии газеты «Голос трудовой Абхазии». Затем его выдвигают заместителем ответственного редактора этой газеты.

В Абхазии Кудрявцев активно работает не только как журналист, но и как краевед. Он систематически выступает на страницах газеты со статьями и очерками, проявляет большой интерес к истории и этнографии абхазского народа. Собранный и обобщенный им фактический материал по истории культуры Абхазии, который был опубликован в виде очерков по истории Абхазии в 1922 г., в Сухуме, вышел, к сожалению, мизерным тиражом 500 экземпляров. В этой работе К.Д. Кудрявцев дает краткую географическую характеристику нашего края, его населения и языка абхазов.

В 1925 г. К.Д. Кудрявцев опубликовал ценное методическое пособие под названием «Руководство рабкорами и селькорами», в том же году выпустил брошюру «25 лет РКП». Но самым ценным трудом Кудрявцева является «Сборник материалов по истории Абхазии». Здесь он касается общественного строя этого одного из древнейших народов Кавказа, его религиозных верований, памятников культуры, в частности Келасурской – Великой Абхазской стены. Историю Абхазии он прослеживает с древнейшего периода вплоть по последней русско-турецкой войны (1877–1878 гг.).

В этой одной из первых работ по истории Абхазии, опубликованной в советский период, читатели получили общее представление по истории культуры родного края. Книга написана в популярной форме, содержит много малоизвестного фактического материала.

Думаю, что со временем, после тщательного редактирова-

ния, следовало бы издать отдельные книги вместе с другими публикациями Кудрявцева.

С 1926 года К.Д. Кудрявцев, по предложению партийных и советских органов Абхазии, занимает различные руководящие должности в хозяйственных и общественных организациях.

За успешную работу на всех постах К.Д. Кудрявцев неоднократно поощрялся и премировался. Так, в 1924 г. он был занесен на Красную доску Союза Рабпроса, Совпрофа Абхазии и АбЦИКа.

К.Д. Кудрявцев до конца своей жизни в 1954 году работал над различными аспектами истории Абхазии, был добрым советчиком журналистов и краеведов. Материалы, связанные с его деятельностью, его супруга, заслуженный юрист автономной республики З.С. Кудрявцева передала в Абхазский государственный музей и Мемориальный музей Н.А. Лакоба. Абхазский отдел Главного научно-производственного управления по охране и использованию памятников истории культуры и природы при Совете Министров Грузинской ССР взял на государственный учет дом в Сухуми на улице Калинина, 22, где жил и работал К.Д. Кудрявцев.

В. ПАЧУЛИА, кандидат исторических наук.
«Советская Абхазия», 31 декабря 1987, № 250.

РЕВОЛЮЦИОНЕР-БОЛЬШЕВИК

(К 80-летию со дня рождения Н.Г. Борисенко)

Среди борцов за Советскую власть в Абхазии Николай Григорьевич Борисенко по праву занимает одно из видных мест. Вся его яркая жизнь рабочего-революционера была отдана народу, воплощению в жизнь ленинских заветов.

Николай Григорьевич – человек неиссякаемой революционной энергии и жизнелюбия. Как образец стойкого революционера-большевика он был известен и в партийной организации Грузии.

Николай Григорьевич родился в ноябре 1887 года в рабочей семье. Следуя примеру своих родителей, он с 13-летнего возраста начал трудиться в качестве рабочего в Сухумском порту. С 1902 года был матросом-грузчиком. В 1904 году 17-летним пареньком Николай Борисенко входит в революционное подполье. Он выполняет поручения подпольной организации по перевозке нелегальной литературы, ведет агитацию среди рабочих. С 1918 по 1921 г. в черные дни меньшевистского господства Николай Григорьевич принимает активное участие в подпольной работе большевиков, подвергаясь гонениям со стороны меньшевистских карательных органов.

В апреле и начале мая 1918 года он сражался на Кодорском фронте против наступавших меньшевистских отрядов. В 1919 г. был арестован меньшевистскими властями и брошен в сухумскую тюрьму.

После установления Советской власти в Абхазии Борисенко выполнял ответственные поручения партии. В 1921 году был комиссаром Сухумского порта. В январе 1922 года назначается заместителем наркома труда Абхазии, а затем наркомом труда. В 1923 г. был избран ответственным секретарем совета профессиональных союзов, а затем председателем Сухумского городского Совета, где работал до ноября 1924 года. В тот период на Н.Г. Борисенко одновременно было возложено исполнение обязанностей Председателя ЦИКа Абхазии. Затем он был народным комиссаром Рабоче-Крестьянской инспекции, избран уполномоченным Центральной контрольной комиссии КП(б) Грузии. Неоднократно избирался членом Абхазского обкома КП(б) Грузии, членом ЦКК КП(б) Грузии и членом ЦИКа Абхаз-

ской АССР. С октября 1925 года был на руководящих должностях в ВСНХ – управляющим трестом «Абтабаксырье», директором табачной фабрики.

Н.Г. Борисенко – член КПСС с 1918 года, основатель союза моряков в г. Сухуме в 1911 году – никогда не отрывался от рабочих, среди которых он вырос и вместе с которыми прошел длительный и трудный путь революционера.

Жизнь пламенного революционера. коммуниста-бойца. которая служит вдохновляющим примером, оборвалась в расцвете сил в 1933 году.

И. ТАНИЯ, член КПСС с 1920 года.
«Советская Абхазия», 28 ноября 1967, № 233

В.М. Муханов

ВОСПОМИНАНИЯ «ВРАГА ГРУЗИИ»[1]

Воспоминания А.А. Демьянова, написанные почти столетие назад, пролежали практически весь указанный срок в фондах ГА РФ, откуда их извлек крупный абхазский историк С.З. Лакоба. Они печатаются по рукописи, написанной в Константинополе в 1921 г., вскоре после эмиграции автора с Кавказа. Сам Демьянов (1865–1925) – человек неординарный, с богатой биографией. Он получил добротное юридическое образование в Санкт-Петербургском университете и сделал блестящую карьеру. Видный юрист и общественный деятель, в 1907 г. был избран депутатом II Государственной думы, затем долгие годы работал в системе Министерства юстиции, после февраля 1917 г. стал директором его Второго департамента, а к осени «дорос» до поста управляющего всего ведомства.

После Октябрьского переворота он уехал с семьей на Кавказ, в Абхазию, где пробыл почти два года – по ноябрь 1919 г. Ему нравилось в абхазской столице: уже в начале книги автор признался в любви к Сухуму, который назвал «несравнимым» и «милым уголком». Не забыл он, впрочем, упомянуть и о биче многих черноморских городов Российской империи – лихорадке (с. 17). На новом месте Демьянов быстро стал заметен благодаря активной общественной позиции и профессиональным навыкам и в марте 1919 г. был избран в Абхазский народный совет. Бескомпромиссная позиция в борьбе за отстаивание интересов Абхазии мгновенно сделала его «врагом Грузии», привела к аресту и отправке под конвоем народногвардейцев в

[1] Демьянов А.А. Записки об Абхазии и Грузии (1918–1921 гг.) / Сост. С.З. Лакоба. Сухум: Дом печати, 2021. 184 с.

Тифлис. После недолгого разбирательства и тюремного заключения он по уже устоявшейся в Грузинской республике практике оказался выдворен из страны. После краткого пребывания в Баку (куда, кстати, переезжали многие русские эмигранты, конфликтовавшие с грузинскими властями[1]) Демьянов переехал в Батум, находившийся тогда в зоне британской оккупации. Оттуда в 1921 г. он морем отправился в Стамбул, спасаясь от большевиков, которые успешно продвигались вглубь Закавказья.

Уникальность Демьянова в том, что он попал в Абхазию в самое судьбоносное для региона время, причем не простым обывателем. Имея за плечами богатый опыт, въедливый наблюдатель выделил ключевую особенность тамошней политической борьбы, которая «не доходила до кровопролития, пока дело не коснулось борьбы, в которой приняли участие воинские силы враждующих сторон... Отмечу только, что ужасов большевистского режима при мне Абхазия не испытала. Главное, действовали в Абхазии пока местные большевики... “ручные”, а не приезжие специалисты» (с. 18, 19). Переломным моментом в симпатиях к грузинам, по его мнению, стал приход Красной гвардии Закавказской республики во главе с В.К. Джугели весной 1918 г. Абхазские жители (в первую очередь, кодорцы) встретили своих избавителей от большевиков «с искренней приязнью» (с. 19), однако «чувство это скоро заменилось другим – полной ненавистью к ним. В этом оказались виноваты сами грузины, они почуяли в себе хозяев независимой, точно ими завоеванной, Абхазии» (с. 19).

Демьянов быстро завоевал доверие местного населения

[1] Яркий пример – поэт С.М. Городецкий, вынужденный покинуть Тифлис в 1919 г. в атмосфере недовольства грузинских властей его деятельностью, в особенности карикатурами на членов правительства (подробнее см.: Муханов В.М. «Социализм виноградарей», или История Первой Грузинской республики. 1917–1921. М., 2019. С. 197–229).

(абхазского, русского, греческого) и одновременно ненависть ставленников и эмиссаров правительства Грузии. Имея отличную подготовку, он мгновенно разобрал спешно составленные соглашения между сторонами (от февраля и июня 1918 г.[1]): «Документы, мне представленные, были по характеру своему самые примитивные с точки зрения их содержания, несколько даже наивные в своем изложении, но сущность свою они определяли ясно: Абхазия по договору являлась совершенно независимой от Грузии политически и экономически» (с. 22).

Мемуарист приводит объемные и яркие, порой жесткие характеристики лидеров грузинских меньшевиков. Они весьма откровенны. Демьянов не испытывал к ним особой симпатии, поэтому Н.Н. Жордания, И.Г. Церетели, Е.П. Гегечкори и другие показаны без прикрас. Первый охарактеризован как фактический хозяин положения, диктовавший свою волю членам правительства и других органов власти как в Грузии, так и в Абхазии. В деталях описаны беззакония, творившиеся грузинскими комиссарами В.Г. (Бено) Чхиквишвили и М. Убирия, ярко продемонстрирована беспринципность главного эмиссара Тифлиса в Абхазии И.И. Рамишвили.

Пересказаны интересные беседы с грузинскими политиками (как в Абхазии, так и в Грузии), описаны споры между Сухумом и Тифлисом и те дела, в разрешении которых Демьянов принимал непосредственное участие. К примеру, он в качестве юрисконсульта сопровождал абхазскую делегацию во главе с кн. В.К. Шервашидзе во время длительной поездки в Тифлис для решения спорных вопросов. В деталях изложен «табачный вопрос»: грузинское правительство решило «наложить лапу» на значительные запасы табака, собранные в Абхазии, и продать их немцам. «Юридически вопрос о табаках разрешался... просто – Грузия не имела решительно никакого права распоря-

[1] Подробнее об этих соглашениях 1918 г. см.: Муханов В.М. «Социализм виноградарей»... С. 454–464.

жаться табаками Абхазии, что я и высказал Вл.К. Шервашидзе с совершенной определенностью. Однако практически вопрос оставался открытым – табак все же оставался под запретом и в фактическом распоряжении грузинских чиновников и запроданным немцам» (с. 22–23). Абхазской делегации удалось отстоять право на получение денежного вознаграждения за данную продукцию, причем на достойном уровне, тогда как в Тифлисе хотели выплатить Сухуму лишь мизерную компенсацию. Дело решили так: сделка грузинского правительства с немцами о продаже табака осталась в силе, «но Грузия обязывалась уплатить Абхазии сумму, получаемую от немцев, и сверх того еще разницу в цене табака, если рыночная его стоимость превышает цену, данную немцам». Заканчивая рассказ о длительных переговорах, Демьянов заметил, что «можно было счесть нашу миссию почти законченной и притом законченной удачно» (с. 29).

Также описаны выборы в Абхазский совет в 1919 г. и работа этого органа, процесс принятия законопроектов в грузинском парламенте (при котором он присутствовал), сопротивление абхазской стороны в ответ на попытку ввести в Абхазии военно-полевой суд и смертную казнь, и др. Вольнодумство и противодействие линии грузинского правительства не могли остаться без ответа: «Грузия провозгласила себя автономной; когда же я в Народном Совете Абхазии, куда был избран абхазской национальной группой… отстаивал существующую автономию Абхазии, грузинские власти эту автономию свели на нет; игнорируя прежние свои договоры с Абхазией, меня признали врагом Грузии и засадили в тюрьму. В Абхазском Совете… Рамишвили, В. Джугели не стеснялись никакой клеветы в отношении меня; называли меня монархистом, новоявленным мартовским социалистом; говорили, что я получаю деньги от ген[ерала] Деникина и прочее. Им не было дела до моего

честного прошлого»[1].

Трудно не согласиться с мнением Лакобы, который отметил, что записки Демьянова «безусловно являются бесценным свидетельством тех переломных событий, которые сопровождались общественными и геополитическими потрясениями в Закавказье после распада Российской империи» (с. 11). Помимо этого перед нами важный источник по предыстории грузино-абхазского конфликта: описанное в нем перекликается с политическими процессами новейшего времени и порой совпадает с ними. Наконец, период Гражданской войны и первой независимости закавказских республик (1918–1921) не изобилует массой богатых информацией источников, в связи с чем публикация данной книги – большой шаг вперед.

Ценность издания только возросла благодаря подробному именному указателю, который дает ясное понимание места и роли того или иного упомянутого персонажа. Это особенно важно, так как многие из них малоизвестны как широкой публике, так и исследователям-профессионалам в России.

«Российская история», 2024, № 1, с. 206–208.

Е.Г. Гегия

О ЧЕМ РАССКАЗЫВАЕТ «МОЛЧАЛИВОЕ ПОКОЛЕНИЕ»?

Молчаливое поколение / Авт.-сост. С. З. Возба. Сухум, 2024. 200 с., ил.

В 2024-м году был издан сборник интервью «Молчаливое поколение», автором-составителем которого является канди-

[1] Архив русской революции. Т. IV. Берлин, 1922. С. 119.

дат исторических наук С.З. Возба. Данная работа состоит из воспоминаний и свидетельств детей и внуков, репрессированных в Абхазии в 30–40-е гг. XX в. Бóльшая часть историй (22) рассказана детьми репрессированных, еще девять записаны со слов их внуков.

В предисловии автор освещает политическую ситуацию в Абхазии, которая предшествовала «Большому террору»[1] и последствия этих событий для республики.

В издание вошло несколько приложений. Приложение № 1 включает статьи из газет. Особый интерес представляют материалы из газеты «Правда» за декабрь 1936 г., так как они освещают события, связанные с гибелью Н.А. Лакоба. Приложение № 2 состоит из материалов, которые многие годы собирала историк, зав. отделом древней и средневековой истории Абхазского государственного музея Диана Ахба.

Справочный аппарат представлен географическим указателем, в котором при необходимости даются короткие исторические справки о переименовании населенных пунктов. В книгу также вошли фотографии из семейных архивов респондентов.

Массовые репрессии в Абхазии начались после убийства Н.А. Лакоба (декабрь 1936 г.) и объявления его «врагом народа». Они коснулись ближайшего окружения Председателя ЦИК Абхазии, общественных и научных деятелей, а также широких слоев крестьянства.

По так называемым делам «О контрреволюционной диверсионно-вредительской, террористическо-повстанческой, шпионской организации в Абхазии» с июля 1937 по октябрь 1938 гг. было репрессировано 2186 человек (754 из них расстре-

[1] «Большой террор» – понятие, применяемое в современной историографии для обозначения массовых политических репрессий, осуществленных в СССР в 1937–1938 гг.

ляны).[1] Исследователь Г.Н. Колбая отмечает, что в «Грузинской ССР в годы Большого террора абхазы… подвергались смертной казни значительно чаще, чем грузины…»[2]

В 1949 г. была проведена операция «Волна», которая предусматривала выселение греков из Абхазии. Н.Н. Иоаниди отмечает, что с 14 по 19 июня из Абхазии было выселено около 27 тысяч человек, в т.ч. 10 тысяч детей[3]. Ссылке также подверглись турки, лазы, армяне-дашнаки.

Все эти факты обретают четкую форму в рассказах, собранных в рассматриваемом издании. Это не просто истории отдельных семей, которые подверглись репрессиям и гонениям, в них читатель также находит подтверждение проводившейся в Абхазии политике ассимиляции.

Особенно часто респонденты упоминают о происходивших явлениях в сфере образования. Анатолий Пилия: «Грузинская школа застала меня в Лыхны. Меня учительница побила за то, что я что-то не произнес на грузинском. Они так со всеми поступали, понимаете»[4]. Зураб Агрба: «Я пять лет ходил в грузинскую школу. Тогда ликвидировали абхазские школы, абхазский алфавит, все было на грузинском»[5].

Семьи репрессированных лишались крова, были вынуждены скрываться и терпеть тяготы жизни. Зураб Агрба: «Нас опасались. Нас просто сторонились некоторые. Мы ощущали себя обездоленными, бесправными»[6].

Лилиана Василиди, дочь Адиле Аббас-оглы (член семьи Не-

---

[1] Бгажба О.Х., Лакоба С.З. История Абхазии. Сухум, 2025. С. 369.

[2] Колбая Г.Н. Умерщвление языка – геноцид, если он не абхазский // Журнал Акуа-Сухум. 2019. № 4. С. 6.

[3] Иоаниди Н.Н. 1949 (технология преступления). Сухум: «Алашара», 2006. С. 31.

[4] Молчаливое поколение / Авт.-сост. С.З. Возба. Сухум, 2024. С. 28–29.

[5] Молчаливое поколение… С. 55.

[6] Молчаливое поколение… С. 57.

стора Лакоба, высланная в Северный Казахстан в 1937 г.), в своих воспоминаниях говорит: «… у нас не было детства. Мы когда приехали в Сухум, маму начали опять преследовать. Мама скрывалась то в Очамчыре, то в Мокве, где угодно, чтоб только не попасться. И так долгие годы»[1].

Юрий Латария: «Приютить сына троцкиста считалось большим грехом, нарушением. Меня Юра звали, они переименовали меня. Иногда Игорем называли, иногда по-другому называли, чтобы неизвестно было, кто я, чей сын. В моей анкете я был Антонович. Антон брат моего отца. В школу не брали. В Атаре я ходил в нее, еще Квициния со мной учился, тоже, как и я, в журнале был не записан. Но учителя знали, что мы вольнослушатели. А когда приходили из района проверять, как идут занятия, нам говорили: «Идите домой, не приходите в школу»[2].

В опубликованных воспоминаниях раскрывается непростой период истории Абхазии. Автор посвятил данную работу памяти жертв политических репрессий. Сбор и публикация подобных интервью имеет важное научное и нравственное значение, так как способствует сохранению исторической памяти народа.

[1] Молчаливое поколение… С. 64.

[2] Молчаливое поколение… С. 127.

КАТАЛОГ КНИГ, ИЗДАННЫХ НОВО-АФОНСКИМ СИМОНО-КАНАНИТСКИМ МОНАСТЫРЕМ

Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь с картами: Абхазского побережья и части Римской Империи, с рисунками памятников христианства в Абхазии, видом Ново-Афонского монастыря и портретами почивших старцев Афонского Св. Пантелеимонова монастыря. Новое, значительно измененное и дополненное издание. Москва, 1899 г. Цена 1 р. 25 к., с пересылкой 1 р. 50 к.

Собрание Слов и Бесед, произнесенных в некоторые праздники и дни святых и при погребениях разных лиц, а также при поминовениях, протоиереем Н.И. Флоринским, издание 3-е, дополненное. Одесса, 1886 г. Цена 75 коп., с пересылкой 1 руб.

Его же Слово и Поучения на св. Четыредесятницу и страстную седмицу. Одесса, 1896 г. Издание 4-е. Цена 60 к., с пересылкой 85 коп.

Сказание о св. Апостоле Симоне Кананите (он же Зилот) и сказание об основании Ново-Афонской Симоно-Кананитской обители в Абхазии на Кавказе и о некоторых знамениях над сею обителью. Издание 7-е, Москва, 1898 г. Цена 10 коп., с пересылкой 15 коп.

Житие св. Равноапостольной Нины, просветительницы Иверии (Грузии). Издание 4-е. Москва, 1894 г. Цена 8 к., с перес. 10 к.

Подробный рассказ о впечатлении очевидца безпоповщинских похорон и сердечные размышления о заблуждениях и погибели сектантов, А. Г. Москва. Издание 4-е, 1896 г. Цена 8 коп., с пересылкой 10 коп.

Сказание о Чудотворной иконе Божией Матери, именуемой «Избавительница». Издание 4-е. Москва, 1893 г. Цена 5 к., с пересылкой 7 к.

Рассказ о новой Чудотворной иконе Божией Матери, именуемой «Троеручица», находящейся в Ново-Афонском подворье, в С.-Петербурге, по Забалканскому проспекту и 2-й роте Измайловского полка. Цена 10 к., с пересылкой 12 к.

Посещение Их Императорскими Величествами с Августейшим Семейством Нового Афона на Кавказе 24 сентября 1888 г.

Слово о втором пришествии Христовом, Страшном суде, будущей муке и о умилении души, 10 стр., 3 коп.

Ново-Афонские листки:

1. В утешение болящему.
2. Бог не попускает покушений выше сил наших.
3. Указание пути в царство небесное.
4. О крестном знамении.
5. О терпении и надежде на Бога.
6. Истинный счастливец.
7. Стыдно мне на тебя смотреть.
8. Плачь о грехах.
9. Жизнь наша, как вода мимотекущая.
10. На память четыредесяти мучен.
11. Утешение всем скорбящим о загробной жизни младенцев, особенно мертворожденных.
12. Молитва матери о детях.
13. Я не твой брат.
14. О любви к ближнему.
15. Кем мир стоит.
16. О терпении.
17. О разных несчастиях и лишениях, встречаемых на пути нашей жизни.
18. Борьба с злыми помыслами есть подвиг, заслуживающий награду.

19.Как христиане должны праздновать Пасху.

20. Христиан. труд женщ.

21. О 2-м страш. пришест. Христове.

22. Причина бездожия и молитва Церкви.

23. Сырная седмица или масл.

24. К новому году.

25. Бедственная участь сквернословца.

26. Следствия материн. проклятия.

27. Не лишайте себя св. Таинства Покаяния.

28. Бедность и богатство.

29. Поучительные уроки из истории всемирного потопа.

30. Об Архангелах.

31. О молитве.

32. О необходимости поминовен. умерших.

33. О истинном воспитании детей.

34. Главные правила богоугодной жизни.

35. Дорогие Жемчужины.

36. О необходимости причащаться св. Тела и Крови Христовой.

37. Помилуй мя, Боже, помилуй мя!

38. Молитва и благословение церк. при честных трудах челов.

39. Есть ли ныне чудотв.

40. Сила греха, милость и суд Божий.

41. Доброе слово земледельцу.

42. Светлая, мирная жизнь христианина.

43. Можно ли желать сообщения между мертвыми и живыми.

44. Замечательное обращение из раскола в православие кр. Ксенофонта.

45. Как подвизаться мирянину.

46. Трапеза кающегося Давида.

47. Церковь испрашивает благословение Божие на труды земледельца.

48. Овцы мы или козлища?

49. Как следует жить христианину.

50. Об Ангеле Хранителе.

51. Попечение церкви о семейном воспитании.

52. Не завидуй и зависть незлобием побеждай.

53. Добрые советы о памяти смертной.

54. Высота и сила смирения.

55. В чем состоит истинное покаяние.

56. Цветы.

57. Завтра прииду.

58. О несении креста христианами.

59. Вразумление свыше немилостивым.

60. К нарушающим 7-ю запов.

61. Без страха Божия от греха не удержишься.

62. Как христиане бесчестят великие праздники.

63. Господь охраняет и благосл. исполняющих заповеди Его.

64. Слово на св. Пасху св. Иоанна Златоуста.

65. Наши страсти.

66. Христос грешную душу к Себе призывает.

67. Многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Божие.

68. Десять горьких гроздов пьянства.

69. Гора Афон.

70. О воспитании детей.

71. Краткое правило для благочестивой жизни.

72. Обязан. христиан. нести терпеливо все скорби и страдания.

73. Страшен суд Твой, Господи.

74. Об исповеди.

75. Замечательное обращение вольнодумца.

76. Всякая ли молитва доходит до Бога.

77. Не укради – 8 заповедь.

78. Настоящее время – время борьбы и приобретения венцов.

79. Ночные слезы.

80. Сребролюбие есть идолослужение.

81. Все дела наши и мысли видит Бог и воздаст по ним.

82. Три поучения на песнь Богоматери.

83. Сон Богородицы.

84. Наше грехолюбие.

85. Как следует заботит. об исправл. согрешивш. брата и себя самого.

86. С порочным не дружись.

87. О том, что не должно предаваться неумеренному сетованию по усопшим.

88. Прости обиду ближнему твоему.

89. Истинная любовь к ближн.

90. Человек, испытай себя.

91. В делах веры не должно быть сомнений.

92. Дети, не оскорбляйте родителей.

93. О добродетелях семейных.

94. Не верьте волшебникам.

95. Мать, как первая наставница.

96. Благотворить должны все.

97. Без трудов невозможно спастись.

98. Надо помогать всем, находящ. в несчастии.

99. Посещение святых мест приносит благодать.

100. Укрась душу свою смирением.

101. Не гневайся на брата своего и не помни на нем зла.

102. Как жить по-Божьи.

103. Наставление юношам о том, как жить добродетельно.

104. Небесные цветы.

105. Исполняйте заветы духовного отца своего.

106. Тяжкий грех хулы на Церковь православную.

107. Спасительно ли для нас таинство, совершенное иереем грешником.

108. Добрый совет новобрачным.

109. Бросьте суеверный обычай.

110. Райское блаженство.

111. О чем мы должны всегда помнить.

112. Не оскверняйте своей души неправдою.

113. Страшись, грешник, расплаты за свои грехи.

114. Родители, любите своих детей!

115. Не пренебрегайте писаниями св. Отцев, но более в них поучайтесь.

116. Воинство Христово.

117. Поучительный урок сластолюбцам.

118. Нужно ли скорбеть или радоваться во время болезни?

119. Бог все видит.

120. Не ропщите на тяготы трудов своих.

121. Как должно приступать ко Святому Причащению?

122. Клевета великий грех.

123. Плоды добродетели.

124. Гордость – бесовское изобретение.

125. Мирская жизнь не препятствует спасению человека.

126. Не ленись ходить в храм Божий.

127. Не отчаивайся в своем спасении.

128. Сила молитвы Церкви.

129. Без скорбей не спасешься.

130. Страждущим от клеветы.
131. Христос – Единый Учитель всех верующих.
132. Не всякую правду полезно говорить.
133. О важности молитв за умерших.
134. Важность молитвы в час полунощный.
135. Не будь праздным в праздник.
136. Спасение невозможно без деятельной веры.
137. Каждому воздастся по делам его.
138. Бойся осуждать благочестие ближнего.
139. Дом Божий – дом молитвы.
140. Грозное слово Христа родителям.
141. Причина семейного разлада.
142. Не мсти обидчикам своим.
143. Леность – мать пороков.
144. Познание Бога и вера в Него.
145. Помышляй о дне судном.
146. Истинность веры христ.
147. Благодать Духа Святого ведет нас ко спасению.
148. Достойны ли мы названия христиан православных?
149. Повинуйся гласу совести.
150. Супружеское счастье.
151. Пагубность отчуждения от Церкви.
152. Благочестие наших предков.
153. Борись со злом.
154. О чистоте сердца.
155. О христианском всепрощении.
156. О чем более должен заботиться христианин на земле.
157. Будьте милостивы к ближним.
158. Духовная пища христианина.
159. Пагубная привычка сквернословия.
160. Мир семейный.

161. О греховных привычках.

162. Каким бедным должны чаще помогать мы?

163. Прощай своим врагам.

164. Почитай святыню.

165. Помни о смерти.

166. Не прилепляйтесь сердцем вашим к земным благам.

167. Проснись, душа!

168. Храм Божий – радость и утешение человеку.

169. Да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли.

170. Не уклоняйся, христианин, от причащения Святых Христовых Таин!

171. Возможно ли грешнику получить спасение.

172. Спасительное прибежище – Святый храм Господень.

173. Наши меньшие братья.

174. Уповайте на Бога, и Бог не оставит вас.

175. Что нужно для достойного принятия св. Христовых Таин?

176. Любовь к ближним отверзет нам Царствие Небесное.

177. Сотворивши милостыню, не жалейте о ней.

178. Христианин не тот, кто только верует во Христа, но кто живет по-христиански.

179. Подражайте угодникам Божиим.

180. Какую пользу приносит нам чтение слова Божия.

181. Послужи ближнему с терпением и спасешь душу свою.

182. Как надо поститься.

183. Ищите и обрящете.

184. О необходимости читать и изучать слово Божие.

185. О чем молиться?

186. Жертва благоприятная Богу.

187. Любовь – необходимое условие взаимного общения живых и мертвых.

188. Помните день Страшного Суда Божия.

189. Надежный путь ко спасению – смирение.

190. Будь доволен своим состоянием.

191. В скорбях обращайся к Богу.

192. Духовное идолопоклонство – служение страстям человеческим.

193. Мир Божий – храм Божий.

194. Пресвятая Богородица – радость наша.

195. Крест Христов – наше непобедимое оружие на врага.

196. Сила Креста Господня.

197. О молитве в храме Божием.

198. Дорожите, дети, благословением своих родителей.

199. Бойся греха.

200. Нет ничего дороже души.

Цена за сто (100) листков 60 к., с пересылк. 80 к.

Желающие выписать эти книги и листки благоволят адресовать так:

Новой Афон (почтово-телеграф. контора), Кутаисской губ., Настоятелю монастыря, Архимандриту ИЛАРИОНУ.

В **С.-Петербурге** – на Ново-Афонское подворье, на углу Забалканскаго проспекта и 2-й роты Измайловского полка, Настоятелю подворья и в **Москве** – в Афонской Св. Великомученика Пантелеймона часовне.

Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь на берегу Черного моря, в Абхазии, близ города Сухума, на Кавказе. Путеводитель по Новому Афону. – Одесса: тип. Е.И. Фесенко, 1912. – С. 57–63.

Троцкий на эсминце «Незаможник». Сухум апрель 1924

Фотографии, сделанные во время пребывания Льва Троцкого в Абхазии в 1924 г. Фотографии взяты из телеграм-канала «Абхазия. Архив»

4 ноября 2025

В Гагрском районе, в местах расстрела людей в 30-е годы, впервые будут проведены археологическо-эксгумационные раскопки. Об этом корр. Абхазия-Информ сообщил источник в Администрации Гагрского района.

Распоряжением Кабинета Министров от 31 октября 2025 года создана межведомственная рабочая группа, в состав которой вошли начальник госуправления охраны историко-культурного наследия Гарик Сангулия, председатель Совета старейшин Гагрского района Рудольф Алшундба, начальник Республиканского бюро судебно-медицинской экспертизы Минздрава Геннадий Бобуа, и.о. первого заместителя министра по чрезвычайным ситуациям Тигран Делибалтян, заместитель главы Администрации Гагрского района Темур Ампар, главный специалист госуправления охраны историко-культурного наследия (секретарь рабочей группы) А. Агрба.

Рабочей группе в установленном порядке поручено обеспечить проведение археологическо-эксгумационных раскопок, в строгом соответствии с нормами уголовно-процессуального законодательства и судебно-медицинской экспертизы.

Начальнику Госуправления по охране историко-культурного наследия Гарику Сангулия поручена координация и необходимое ресурсное сопровождение деятельности рабочей группы. Бобуа поручено обеспечить методическое руководство и проведение судебно-медицинской экспертизы обнаруженных останков.

Администрация Гагрского района должна осуществить материально-техническое обеспечение деятельности рабочей группы.

Абхазия-Информ.

***

7 ноября 2025

Президент Бадра Гунба встретился с государственными и общественными деятелями Сократом Джинджолия, Олегом Дамения и Валерием Гурджуа.

В ходе встречи обсуждались вопросы, связанные с увековечением памяти трагически погибшего выдающегося ученого, государственного деятеля Станислава Лакоба.

Друзья и соратники Станислава Зосимовича обратились к Главе государства с предложением о создании Государственной комиссии по увековечению его памяти и сохранению научного наследия.

Президент Бадра Гунба отметил, что сохранение памяти о таких выдающихся личностях и их вкладе в развитие страны является важной государственной задачей. Глава государства рассказал, что незадолго до трагического события встречался со Станиславом Лакоба и подчеркнул, что договоренности, достигнутые тогда, непременно будут реализованы.

Президент заверил, что в ближайшее время будет создана Государственная комиссия по увековечению памяти Станислава Лакоба и сохранению его научного наследия.

Апснынпресс

***

21 ноября 2025

Круглый стол памяти Станислава Лакоба прошел в АбИГИ. В мероприятии приняли участие абхазские и российские ученые, друзья и коллеги Станислава Лакоба.

***

1 декабря 2025

Президент Республики Абхазия Бадра Гунба и первый заместитель руководителя Администрации Президента России Сергей Кириенко посетили историко-мемориальный музей Н.А. Лакоба. В настоящее время ведется работа по оснащению музея мебелью и выставочным оборудованием. *«Я думаю, что материалов и экспонатов, еще раз напоминающих о Несторе Аполлоновиче, о его семье, о его политической и государственной деятельности, в этом музее будет достаточно»,* – заявил Бадра Гунба. Гунба и Кириенко осмотрели уже отремонтированные залы музея и пообщались с его сотрудниками, сообщает пресс-служба Президента.

Апсныпресс

***

29 декабря 2025

Росгосцирк передал 14 261 342 рубля музею Нестора Лакоба. Это средства, вырученные от продажи билетов на представление «Созвездие смелых» во время гастролей Сочинского цирка в Абхазии.

«При поддержке Министерства культуры Российской Федерации Росгосцирк проводит большое количество гастролей, и очень важно, чтобы гастрольная деятельность приносила ощутимую пользу регионам, культурно обогащая и развивая их. Большой честью для нас стала возможность оказания помощи музею имени выдающегося абхазского политического деятеля Нестора Лакоба в Республике Абхазия. Переданные средства будут направлены на восстановление экспозиции, создание стендов и демонстрационного оборудования. Это важный шаг

в деле возрождения культурного наследия Абхазии, укрепления уз дружбы и взаимопонимания»», – сказал генеральный директор Росгосцирка Сергей Беляков.

Министр культуры Абхазии Даур Кове выразил благодарность Минкультуры России и Росгосцирка за поддержку.

Апсныпресс

***

2 февраля 2026

Создана Государственная комиссия по увековечению памяти, изучению и сохранению научного и творческого наследия С.З. Лакоба.

Президент Республики Абхазия Бадра Гунба подписал Указ о создании Государственной комиссии по увековечению памяти, изучению и сохранению научного и творческого наследия Станислава Зосимовича Лакоба. Указ подписан в целях увековечения памяти, изучения и сохранения научного и творческого наследия, а также обеспечения издания неопубликованных работ выдающегося ученого, историка-кавказоведа, поэта, публициста, педагога, государственного и общественного деятеля, участника национально-освободительного движения абхазского народа, профессора кафедры истории, археологии и этнологии Абхазии Абхазского государственного университета, академика Адыгской международной академии наук, главного научного сотрудника отдела новой и новейшей истории Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа, лауреата Государственной премии им. Д.И. Гулиа, заслуженного деятеля науки Республики Абхазия, кавалера ордена «Ахьдз-Апша» II степени, соавтора Лыхненского обращения 1989 года, соавтора учебного пособия и учебника «История Абхазии» Станислава Зосимо-

вича Лакоба. Председателем Государственной комиссии назначен Вице-премьер Республики Абхазия **Джансух Нанба**. Заместителем председателя – министр культуры Республики Абхазия **Даур Кове.** Секретарем Государственной комиссии назначена начальник управления по гуманитарным и социальным вопросам Аппарата Кабинета Министров Республики Абхазия **Элеонора Агрба**.

В состав Государственной комиссии вошли: *Авидзба Аслан Фазлыбеевич* – заведующий отделом новой и новейшей истории Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа; *Ашуба Арда Енверович* – директор Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа; *Барганджия Даур Андреевич* – общественный деятель, депутат I созыва Народного Собрания – Парламента Республики Абхазия (1991–1996 гг.); *Дбар Алексей Ясонович* – научный сотрудник отдела источниковедения Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа; *Габелия Алик Николаевич* – декан исторического факультета Абхазского государственного университета; *Гварамия Алеко Алексеевич* – ректор Абхазского государственного университета; *Гунба Хана Владимировна* – министр просвещения Республики Абхазия; *Гурджуа Валерий Тебович* – общественный деятель, депутат I созыва Народного Собрания – Парламента Республики Абхазия (1991–1996 гг.); *Дамения Олег Несторович* – общественный деятель, депутат I созыва Народного Собрания – Парламента Республики Абхазия (1991–1996 гг.); *Джинджолия Сократ Рачевич* – общественный деятель, депутат I созыва Народного Собрания – Парламента Республики Абхазия (1991–1996 гг.); *Лакоба Отто Станиславович* – сын С.З. Лакоба; *Пилия Давид Чичович* – общественный деятель, депутат I созыва Народного Собрания – Парламента Республики Аб-

хазия (1991–1996 гг.); *Хашиг Руслан Мканович* – генеральный директор телеканала «Абаза-ТВ»; *Чирикба Вячеслав Андреевич* – директор Центра стратегических исследований при Президенте Республики Абхазия; *Шамба Сергей Миронович* – советник Президента Республики Абхазия по международному сотрудничеству.

В соответствии с Указом Государственной комиссии поручено в срок не позднее 7 апреля 2026 года представить на рассмотрение Кабинета Министров Республики Абхазия предложения: по увековечению памяти С.З. Лакоба; по обеспечению изучения, переработки и возможного издания неопубликованных рукописей, писем, речей и научных работ С.З. Лакоба.

Кабинету Министров Республики Абхазия поручено: оказывать финансовое и техническое содействие в работе Государственной комиссии; на основании предложений Государственной комиссии в установленном порядке обеспечить утверждение и реализацию решений, направленных на увековечение памяти С.З. Лакоба, его творческого и научного наследия, в том числе изучение и публикацию неизданного наследия С.З. Лакоба.

***

9 февраля 2026

Министр культуры Республики Абхазия Даур Кове провел рабочую встречу со специалистами Музея современной истории России, в ходе которой обсуждалась подготовка предстоящей экспозиции в доме-музее Н.А. Лакоба.

***

13 февраля 2026

Вице-премьер Республики Абхазия Джансух Нанба провел первое заседание Государственной комиссии по увековечению памяти, изучению и сохранению научного и творческого наследия Станислава Лакоба.

***

19 февраля 2026

В историко-мемориальном музее им. Н.А. Лакоба состоялся круглый стол, посвященный 95-летию «Дурипшского схода» (18–26 февраля 1931 г). Мероприятие было организовано Абхазским историческим обществом (АИО). Дата проведения также была приручена к конкретному историческому событию – 19 февраля 1931 г. VI Всегрузинский съезд Советов принял Постановление о включении Абхазии в состав Грузии в качестве автономии.

На круглом столе были заслушаны доклады: д.и.н., Председателя АИО А.Ф. Авидзба – О причинах и ведущих силах Дурипшского схода; руководителя Информационно-аналитического сектора Администрации Президента РА В.Г. Ардзинба (1994–1999 гг.) Л.И. Тания – Дурипшский сход в контексте международно-правовой доктрины независимости Абхазии; к.и.н., секретаря правления АИО И.В. Агрба – Еще раз о Дурипшском сходе 1931 г.; к.и.н., член АИО А.С. Габелая – «Малое» сопротивление «Великому перелому»: сравнительный анализ Дурипшского схода и локальных выступлений крестьянства в СССР (1929–1933 гг.); аспирантки АбИГИ С.В. Джопуа – Ликвидация безграмотности в абхазской деревне - как один из внешних конфликтогенных факторов Дурипшского схода.

В обсуждении темы Круглого стола также приняли участие

доктор исторических наук, председатель правления АИО С.Ш. Салакая и директор историко-мемориальном музея им. Н.А. Лакоба Н.Д. Ашуба.

***

2 марта 2026

В рамках подготовки новой экспозиции в музее Н.А. Лакоба министр культуры РА Даур Кове провел рабочую встречу с Александром Старовойтовым и Вероникой Перченко, – экспертами в сфере музейного проектирования и выставочных решений. В ходе обсуждения были рассмотрены вопросы концепции, оформления выставочного пространства и технического оснащения. Во встрече приняла участие заместитель министра культуры РА Динара Смыр.

НЕСТОР

Альманах

№ 7

Редактор – А.Я. Дбар

Верстка – Е.Г. Гегия

Обложка – А.З. Лабахуа

Фото на обложке:

В 1933–1935 гг. в Сухуме построена гостиница

«Абхазия» (архитекторы А.В. Щуко и В.Г. Гельфрейх)

и высажена аллея пальм «Вашингтония» в октябре 1936 г.

Формат 60х84 1/16. Усл. печ.9.

л. . Тираж: 50 экз.